

И.В. Леонов

**«МИРЫ» МАКРОИСТОРИИ:
ИДЕИ, ПАТТЕРНЫ, ГЕШТАЛТЫ**

МОНОГРАФИЯ

 Астерион
Санкт-Петербург
2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л47 **Леонов И.В.** «Миры» макроистории: идеи, паттерны, гештальты :
Монография / И.В. Леонов. – СПб.: Астерион, 2013. – 210 с.

ISBN 978-5-00045-076-5

Рецензенты:

Мосолова Любовь Михайловна – заведующая кафедрой теории и истории культуры РГПУ им. А.И. Герцена, доктор искусствоведения, профессор.

Голлик Надежда Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ.

Демшина Анна Юрьевна – доктор культурологии, доцент кафедры искусствоведения СПбГУКИ.

В представленной монографии осуществлена попытка концептуального осмысления специфических сторон, а также общей логики развития знания о макроистории. На основании синтеза теоретико-методологических установок философии науки, психологии и культурологии автор предлагает целостную модель ноогенеза макроисторической проблематики, основанную на нелинейном развитии множества транспарадигмальных структур, образующих гештальты мира-как-истории.

В ходе анализа сущностных сторон развития знания о макроистории автор затрагивает вопросы, связанные с включенностью макроисторической проблематики в ноогенез большего порядка на уровне осмысления картины мира; разработку получает проблема определения глубинных оснований рождения знания о макроистории; осуществляется комплексный анализ структурных компонентов данного ноогенеза; рассматривается проблема паттернов организации, лежащих в основе целостных макроисторических концептов.

Работа представляет интерес для широкого круга специалистов, в первую очередь, в области истории науки, собственно исторического знания и культурологии, интересующихся общими вопросами развития знания в сфере концептуального постижения макроисторической реальности.

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
<i>Глава 1.</i> «МАКРОИСТОРИЯ»: ТЕРМИН, КОНЦЕПЦИЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ	8
<i>Глава 2.</i> ДВА СПОСОБА ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА ЗНАНИЯ О МАКРОИСТОРИИ	21
<i>Глава 3.</i> МАКРОИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА КАРТИНЫ МИРА	36
<i>Глава 4.</i> ГЕШТАЛЬТЫ И ПАТТЕРНЫ МАКРОИСТОРИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	51
<i>Глава 5.</i> ГЛУБИННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОЖДЕНИЯ ЗНАНИЯ О МАКРОИСТОРИИ	67
<i>Глава 6.</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПОЗНАНИЯ МАКРОИСТОРИИ	82
<i>Глава 7.</i> ПАТТЕРНООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ БАЗИСНЫХ РЕГУЛЯРНОСТЕЙ МАКРОИСТОРИИ	116
<i>Глава 8.</i> АДАПТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ МАКРОИСТОРИИ	158
<i>Глава 9.</i> ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ПАТТЕРНЫ МАКРОИСТОРИИ	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
ПРИЛОЖЕНИЕ	196
БИБЛИОГРАФИЯ	197

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл?
Он нам непостижим»
Омар Хайям*

В настоящем издании вниманию читателя предлагается концептуальное осмысление некоторых аспектов логики развития знания в области постижения сущности и специфики культурно-исторического процесса на макроуровне.

Идея написания данной книги возникла в ходе ознакомления с весомым числом теорий, содержанием которых является раскрытие наиболее общих тенденций и универсальных закономерностей, определяющих историческое бытие человека. Отмеченные теории, созданные в достаточно широком междисциплинарном исследовательском пространстве и представляющие собой целый пласт различных версий культурно-исторического процесса, явились отправной точкой для определения некоторых аспектов логики, лежащей в основе развития знания в данной области, к наименованию которой вполне применим термин «макроистория».

Перечень имен исследователей, внесших свой вклад в развитие макроисторической проблематики, достаточно внушителен и включает таких авторов как Н. Макиавелли, Ж. Боден, Х. Келлер, Дж. Вико, И.-И. Винкельман, И.-Г. Гердер, Ж.-А. Кондорсе, Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер, Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, Н.Я. Данилевский, Н.Д. Кондратьев, А.Л. Чижевский, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, Е.Н. Трубецкой, Ф. Ницше, Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев, А. Швейцер, С.Л. Франк, М. Блок, Ф. Бродель, Л. Февр, П.А. Сорокин, К. Ясперс, А. Кребер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев, Л. Уайт, А.Ф. Лосев, В.И. Рутенбург, Н.И. Конрад, А.И. Неусыхин, В.М. Массон, Д.С. Лихачев, Л.М. Баткин, М.С. Каган, Ю.М. Лотман, А.С. Ахизер, А.П. Назаретян, В.С. Степин, И. Валлерстайн, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко, И.В. Кондаков, Н.А. Хренов, А.Я. Флиер, С.П. Капица, Э.С. Маркарян, К.М. Кантор, И.М. Дьяконов, Г.Г. Малинецкий, В.М. Петров, П.К. Гречко, Ю.В. Яковец, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Фуко, У. Эко и многие другие. Названные авторы, в большинстве своем не являясь «цеховыми» историками, проявили интерес к макроисторической проблематике либо напрямую, либо в контексте различных дисциплинарных задач, сформировав внушительную коллекцию состоятельных трактовок культурно-исторического процесса, имеющих серьезный научный «вес». Следует отметить, что данный перечень можно продолжать достаточно долго, однако перечисленных имен вполне достаточно, чтобы показать высокую степень значимости макроисторических исследований и востребованность данной проблематики во многих областях научного знания.

В первую очередь, в процессе изучения многообразных версий макроистории, достаточно ярко обозначилась тенденция, согласно которой все авторские трактовки универсальных закономерностей культурно-исторического процесса, имея высокую степень соответствия условиям и потребностям времени их создания, оказывались по-своему «правильными». В результате, состояние макроисторических исследований на тот или иной момент развития знания предстало как постоянное соприсутствие нередко противоречащих друг другу «исчерпывающих» концептов. Другим обстоятельством, характеризующим генезис макроисторической проблематики, явилось то, что единожды возникнув, многие теории сохраняли высокий научный статус на протяжении последующих периодов истории науки, соседствуя с конкурирующими версиями макроистории даже «в зонах действия» парадигм, содержащих противоположные познавательные установки. Кроме того, в ходе изучения рассматриваемой проблематики обозначились частые возвраты исследователей к одним и тем же идеям и теориям, которые, пройдя фазу своей востребованности, казалось бы, ушли в глубокие пласты «археологии» знания, однако, спустя некоторое время данные ноогенетические структуры реанимировались, переживая очередные «взлеты» и «падения». В итоге, пространство интеллектуального опыта, накопленного в сфере постижения макроистории, предстало как вместилище широкого спектра нередко противоречащих друг другу научных идей и теорий, которые, *«пульсируя» на протяжении ноогенеза, образуют различные сочетания.*

Данные обстоятельства проиллюстрировали очевидную сложность и нелинейность процесса развития знания о макроистории. В противном случае отмеченный плюрализм конкурирующих теорий мог бы стать основой для скептического понимания генезиса макроисторических исследований как воплощения поступательного развития науки, – вплоть до того, что под сомнение можно было бы поставить само движение данного знания к «абсолютной истине», во всяком случае, в том виде, как это отражается в его линейных моделях.

Попытки изучить природу отмеченных свойств ноогенеза при помощи традиционно применяемого историографического метода, включая его более сложную разновидность – парадигмальный анализ, не дали должного результата. Несомненно, парадигмальный анализ позволил выявить определенную логику в развитии макроисторической проблематики посредством фиксации череды устойчивых периодов, возникающих вследствие воздействия «интеллектуального фона» научных парадигм. В рамках названных периодов исследовательская область макроистории, при сохранении своей внутренней сложности, принимает черты некоторого единообразия, отражая господствующие тенденции науки. Кроме того, парадигмальный анализ позволил отследить логику преемственности между историческими этапами развития данного знания, проявляющую себя в эволюции и усложнении его «стержневых компонентов». Однако в изучении названных выше аспектов, выраженных в периодических «возвратах» научного сообщества к различным устойчивым

идеям и теориям культурно-исторического процесса, а также в соприсутствии «конкурирующих» трактовок макроистории в развитии данного знания, парадигмальный анализ оказался несостоятелен. Дело в том, что в рассматриваемом ноогенезе существуют «транспарадигмальные» или «структурные» компоненты, представляющие собой некоторые устойчивые ноогенетические феномены, лежащие в основе формирования макроисторических концепций в контексте тех или иных научных парадигм. Данные структуры, имея различный масштаб, степень значимости и специфическую логику развития, «ускользают» из поля зрения парадигмального анализа.

Отмеченные структурные компоненты обнаруживают себя на всех уровнях рассматриваемого ноогенеза, включая элементарный, средний, и заканчивая общим. В частности, элементарный уровень названных структур представлен устойчивыми идеями сознания, проявляющими себя в течение всего познавательного процесса. Средний уровень выражен в наличии фрагментарных связок отмеченных идей, образующих стабильные комплексы и эклектичные сопряжения, соприсутствующие в рассматриваемом ноогенезе. И, наконец, общий уровень выражен в наличии целостных версий макроисторического процесса, периодически дающих о себе знать на протяжении истории науки. В результате фиксации названных феноменов процесс развития макроисторической проблематики предстал как движение сложного комплекса транспарадигмальных компонентов, переживающих периодические перегруппировки и образующих различные сочетания, характерные для того или иного момента истории науки.

Разумеется, в генезисе данного знания присутствует парадигмальный фактор, и оспаривать степень его значимости нет смысла, поскольку, проходя сквозь последовательность парадигмальных периодов, знание о макроистории, частично упорядочиваясь, развивается поэтапно, путем создания новых и совершенствования существующих исследовательских установок и познавательных практик. Однако анализ устойчиво проявляющих себя структурных компонентов рассматриваемого ноогенеза не менее важен, поскольку проливает свет на скрытые стороны данного процесса, являясь серьезным дополнением к его историографическим трактовкам. В итоге возникла необходимость изучения обозначенных структурных феноменов, а также их корреляции с парадигмальной версией развития знания о макроистории.

Междисциплинарный анализ природы структурных компонентов процесса познания макроистории был реализован в несколько этапов. Первым шагом стало осмысление имеющегося научного опыта в изучении обозначенных транспарадигмальных компонентов. Далее был осуществлен поиск и формулировка наиболее оптимальных теоретико-методологических оснований, позволяющих систематизировать и изучать названные ноогенетические структуры. Третьим шагом явилось создание целостной концепции, затрагивающей основные грани изучаемой проблематики. В ходе работы над данной концепцией был предпринят анализ глубинных и предельных оснований процесса познания макроистории. Далее, с опорой на фундаментальные теории

развития знания, были изучены основные уровни проявления и механизмы возникновения транспарадигмальных структур, составляющих содержание макроисторической проблематики, а также изучены закономерности и «траектории» их научного развития. Отдельным блоком работы явился поиск объяснений, лежащих в основе процесса «реанимации» и «угасания» изучаемых феноменов ноогенеза. В ходе изучения структурных компонентов макроисторической проблематики были предложены различные способы их типологизации. Кроме того, были рассмотрены особенности морфогенеза ноогенетических «целостностей» в макроисторическом познании. В контексте анализа образования целостных представлений о макроистории, была обозначена проблема паттернов организации, определяющих глубинные основания формирования макроисторических концептов. И, наконец, был осуществлен сравнительный анализ эвристических возможностей парадигмального и транспарадигмального подходов в изучении развития знания о макроистории, включая возможность их синтеза в рамках структурно-парадигмального подхода.

Говоря о проделанной работе, результатом которой явилась данная книга, следует подчеркнуть, что ее суть, в первую очередь, проявляется в концептуальном уровне осмысления природы развития знания в изучаемой области. Отдельные аспекты предлагаемой проблематики имеют высокую, либо фрагментарную степень освещения в современной науке, другие предложены автором и рассматриваются впервые, однако, основная цель настоящего издания – это попытка построения целостной и разносторонней теории, отражающей общие тенденции и закономерности развития знания в области постижения макроистории человека и его культуры.

* * *

С особой благодарностью Михаилу Семеновичу Уварову.

Глава 1. «МАКРОИСТОРИЯ»: ТЕРМИН, КОНЦЕПЦИЯ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ

Перед тем, как приступить к рассмотрению основных аспектов, касающихся природы развития знания в области постижения макроистории, представляется уместным отдельно остановиться на вопросах, связанных с общей характеристикой исследовательской области, о которой идет речь. Дело в том, что сфера макроисторических исследований, активно развиваясь в последние четыре столетия, до сих пор вызывает массу вопросов относительно «размытых границ» ее содержания, невыраженной дисциплинарной принадлежности, противоречивого категориального аппарата и сложного теоретико-методологического инструментария.

В первую очередь, характеризуя отмеченную сферу знаний, следует осуществить анализ смыслового содержания и определить научный статус собственно термина «макроистория». При этом необходимо рассмотреть широкий спектр его аналогов. Во-вторых, надлежит охарактеризовать исследовательскую область, содержание которой составляет макроисторическая проблематика, включая вопрос определения ее дисциплинарного статуса. В-третьих, необходимо проиллюстрировать основные этапы научного развития макроисторических исследований.

Итак, термин «макроистория» применяется для обозначения максимально широкого охвата исторической реальности и отражает ее концептуальное осмысление в рамках наибольших пространственно-временных «длительностей», включая стартовую и финальную фазу истории, а также фиксацию основных метаисторических тенденций и закономерностей. Данный уровень предполагает выход на грани универсального постижения сущности и предназначения истории посредством преодоления исторической феноменологии бытия с ее четкими хроноструктурными последовательностями. Пространственные характеристики макроисторического анализа измеряются границами взаимодействия государств, культурных целостностей и цивилизационных комплексов с вмещающей исторической реальностью. Временные параметры выражаются в периодах «конъюнктурной» (*l'histoire conjoncturelle*) и «структурной истории» (*l'histoire structurelle*) Ф. Броделя, вплоть до «времени мудрецов». Модели и схемы макроисторического развития, отражающие общие принципы мироустройства, фиксируют предельный уровень закономерностей, лежащих в основе культурно-исторического процесса. В свою очередь, смысловая составляющая макроистории сопряжена с «пороговыми» или исчерпывающими смыслами существования человека как такового.

Следует отметить, что термин «макроистория», вмещающий указанный смысл, является далеко не единственным, поскольку исторически так сложилось, что достаточно легкая для понимания смысловая нагрузка, означающая универсальный уровень постижения сущности и предназначения истории, реализовалась в большом количестве эвристически значимых понятийных аналогов и формулировок. В данном случае приходится констатировать, что

осознаваемое многими учеными на протяжении развития науки смысловое содержание макроисторического уровня познания, так и не получившего локализованной дисциплинарной оформленности, порождало различные обозначения данного масштаба изучения истории, в таких эпитетах, как «макро-», «мета-», «мега-», «всеобщая», «мировая», «универсальная», «большая», «вселенская», «глобальная» история.

Одной из причин отсутствия общепринятой дефиниции для обозначения макроисторического уровня познания является то, что данная смысловая нагрузка содержится в самом термине «история», иначе говоря – само понятие «история» содержит в себе, в том числе, и макроуровень и, соответственно, направлено на отражение универсальных тенденций и законов исторического развития. В результате, перед многими учеными-историками, занимавшимися помимо прочего и макроисторической проблематикой, проблемы определения данного уровня познания даже не возникало. Отмеченная традиция находит свое продолжение и в современном знании.

Однако, термин «история» помимо макроуровня включает и иные смысловые нагрузки, относящиеся к обозначению средних и частных хронологических последовательностей вплоть до событийной истории и истории повседневности, тем самым отчасти нивелируя статус макроисторической смысловой компоненты. В результате, с течением развития исторического знания в период Нового времени, сопровождаемого постепенным ростом исследовательского интереса к осмыслению исторической реальности на макроуровне, потребность фиксации универсального или предельного уровня понимания истории в рамках соответствующего термина начала себя проявлять достаточно ярко. Как следствие, в XVIII – XXI веках научный лексикон макроисторических исследований обогатился такими понятиями и формулировками как «всеобщая» или «всемирная история»,¹ «история цивилизации»,² «история мировой культуры», «культурно-исторический процесс»,³ «универсальная» или «большая история»,⁴ «глобальная история»,⁵ «теоретическая история»,⁶ «макроистория»,⁷ «мегаистория»,⁸ «макроэволюция»,⁹ «миросистем-

¹ Первоначально применительно к «Истории» Полибия, «Истории» Николая Дамасского, «О граде Божиим» Аврелия Августина и, кроме того, к работам некоторых других авторов.

² См. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. – М.: Территория будущего, 2007. – 336 с.

³ Первоначально применительно к работам Дж. Вико, И.-Г. Гердера, Н.Я. Данилевского и некоторых других авторов.

⁴ См. например: Назаретян А.П. Универсальная (Большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2(2). – С. 5-24.; Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М.: ПЕРСЭ, 2001. – 239 с.

⁵ См. например: Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – М.: Новый век, 2003. – 276 с.

⁶ См. например: Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории: Пер. с англ. / Под общ. ред. Г.Г. Малинецкого, А.В. Подлазова, С.А. Боринской. Предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.

⁷ См. например: Grinin L. Macrohistory and Globalization. – Volgograd: Uchitel, 2011. – 320 p.

ный анализ»,¹⁰ «политическая», «социальная» и «культурная макродинамика»,¹¹ «историческая макродинамика»,¹² «социально-историческая реальность»¹³ и многими другими. Все названные определения являются вполне состоятельными, и их параллельное использование в научном обиходе носит достаточно распространенный характер. Исходя из отмеченной ситуации, приходится констатировать отсутствие в современном знании понятийного единства в обозначении макроуровня познания истории, а использование перечисленных понятий и формулировок для его фиксации является делом «вкуса» отдельных ученых и не снимает проблему выбора четкой и общепринятой дефиниции для обозначения рассматриваемого масштаба осмысления культурно-исторической реальности. Таким образом, возникает достаточно странная для науки ситуация, когда определенный уровень исторического познания, включающий специфический инструментарий и познавательные практики, остается без специального названия в течение нескольких столетий. Названные особенности делают научный статус термина «макроистория» достаточно условным, поскольку он не является исключительным и общепринятым, а представляет собой всего лишь один из ряда аналогичных ему терминов.

Не менее противоречиво обстоит дело и с характеристикой исследовательской области, содержание которой составляет макроисторическая проблематика. Характеризуя отмеченный вопрос, остается признать, что у представленной области исследований нет не только общепринятого названия, но и устойчивой предметной локализации. Дело в том, что познание макроистории является составной частью многих исследовательских направлений, так или иначе затрагивающих вопросы, связанные с общей логикой мирового культурно-исторического процесса. Не только историки и философы истории интересуются отмеченной проблематикой; данная область знания привлекает внимание многих представителей гуманитарного и точного знания. С одной стороны, отмеченный интерес может возникнуть «сверху», – это объясняется тем, что изучение макроистории сопряжено с поиском ответов на многие

⁸ См. например: Смирнов И.П. Мегаистория: К исторической типологии культуры. – М.: Аграф, 2000. – 544 с.

⁹ См. например: Макроэволюция в живой природе и обществе / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

¹⁰ См. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 414 с.

¹¹ См. например: Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Под. ред. Н.С. Розова / А.А. Изгарская, Н.С. Розов, Ю.Б. Вертгейм и др. Выпуск 2. – Новосибирск: Наука, 2002. – 468 с.

¹² См. например: История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика / Отв. ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 288 с.

¹³ См. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / Под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 440 с.

смыслообразующие вопросы, касающиеся существования человечества как такового. Кроме того, познание макроистории направлено на поиск универсальных законов, определяющих не только генезис бытия человека, – данный уровень познания во многом затрагивает сферу общих законов развития мироздания. Отмеченная проблематика имеет высокую степень актуальности и, соответственно, притягивает внимание представителей многих наук. С другой стороны, интерес к макроистории может быть вызван «снизу», а именно – желанием тех или иных авторов, изучающих различные частные аспекты бытия человека, вписать их генезис в общую логику культурно-исторического процесса, так как даже самый качественный анализ отмеченных сторон реальности будет неполным, если он не предполагает осмысление их контекстуальной обусловленности. Характеризуя данный исследовательский вектор, следует подчеркнуть, что достижение высокой степени корреляции указанных аспектов бытия человека с макроисторическими тенденциями служит весомым аргументом истинности знания, полученного на частном уровне.

По сути, основные трудности, связанные с предметной локализацией макроисторических исследований, вызваны тем, что рассматриваемая область по преимуществу является интегративной. В данном случае следует отметить, что авторов, занимавшихся более-менее «чистой» макроисторией, на протяжении развития знания было не так много. В основном макроисторические исследования ведутся в достаточно широком эвристическом диапазоне, соединяющем познавательные установки различных областей науки, позволяющие формировать представления о мире в целом. Разумеется, стержневым элементом данного знания является собственно макроисторическая тематика, а его периферические структуры обусловлены дисциплинарной принадлежностью и личными интересами тех или иных ученых.

Относительно дисциплинарного статуса макроисторических исследований необходимо подчеркнуть, что данная проблематика является достоянием многих наук. Разумеется, в первую очередь, речь идет о собственно историческом знании. Однако будет уместным еще раз повторить, что макроисторических исследований, созданных в дисциплинарных рамках исторической науки, существует не так много. В частности, анализ большого числа макроисторических концепций показывает, что их авторы в основном не относят себя к представителям исторической науки в строгом смысле этого слова. Это является следствием того, что познавательный вектор исторического знания в большинстве исследований получает направленность, в первую очередь, на конкретно-исторический уровень, а именно – на поиск исторической достоверности и истины, выраженный в реконструкции четких событийных последовательностей, в фиксации хроноструктурных очередностей, а также в установлении разного рода причинно-следственных связей. В результате главный вопрос, который интересует ученого в контексте отмеченного исследовательского вектора, можно сформулировать следующим образом – «Где, как, когда и почему это было?». Кроме того, историк-профессионал, как правило, опирается на определенную теорию макроисторического процесса, принимаю-

щую на некоторый период развития науки парадигмальный характер, обеспечивая предельный уровень понимания истории. Более того, «размытые философствования» по поводу смысла и назначения истории многими «цеховыми историками», особенно среди сторонников постулатов классической научной парадигмы, воспринимаются достаточно скептически.

Помимо собственно исторической науки, макроисторические исследования являются достоянием многих гуманитарных дисциплин, предметное поле которых включает анализ исторического развития феноменов культуры в самом широком смысле этого явления. Наиболее ярко данные тенденции представлены в культурологическом знании, направленном, в том числе, и на поиск универсальных законов истории культуры человечества. Также, макроисторическая проблематика достаточно часто затрагивается в таких науках как социология, этнология, политология, экономика, история искусства, фольклористика и некоторых других. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что междисциплинарный интерес ученых к вопросам макроистории не привел к оформлению четкой исследовательской области, породив большое количество параллельных исследований макропроцессов развития, культуры и общества, предметную «размытость» изучаемой проблематики на частнонаучном уровне и путаницу в построении научных трактовок развития изучаемого ноогенеза, начиная от уровня общей методологии и заканчивая категориальными и понятийными разночтениями. Говоря более простым языком, представители различных наук, касаясь макроисторической проблематики и, фактически, изучая одно проблемное поле, не имея выхода на междисциплинарный уровень осмысления макроисторических процессов, оставаясь в предметных рамках отдельных дисциплин и используя различные «научные языки», дублируя и повторяя друг друга, многократно «переоткрывают» одно и то же.

В отношении исторической науки роль транслятора различных версий базисных представлений о сущности и предназначении истории выполняет философия истории, формирующая «пороговые» значения в постижении исторических законов и тенденций развития человечества. Именно в рамках философии истории создаются концепции, которые, принимая парадигмальный характер, задают направление развитию исторического знания на многие годы, оказывая определенное влияние и на другие дисциплины. Однако реальная ситуация в области постижения сущности и специфики культурно-исторического процесса такова, что фактический объем «предельных» трактовок макроистории, накопленный в течение развития знания, несколько шире, чем его аналогичный фонд в философии истории. Дело в том, что макроисторическая проблематика развивается вполне самостоятельно и успешно в контексте различных дисциплин, порой без явных апелляций не только к философии истории, но и к исторической науке. В данном случае источником предельных трактовок общих и частных сторон макроистории, возникающих на уровне дисциплинарного знания, служит интуиция и общая эрудиция исследователей. В результате возникает некоторое противоречие, выраженное в

том, что весомое число исследователей, затрагивающих философские вопросы постижения истории, все же философами истории не являются. В противном случае всех ученых, внесших тот или иной вклад в развитие различных сторон макроисторической проблематики, необходимо причислить к философам истории, что не совсем корректно. Кроме того, в истории культуры накоплен определенный багаж знания о макроистории, не имеющий выражения в сфере науки и философии истории. Речь идет о «зашифрованных» макроисторических концептах, которые на протяжении развития культуры воплотились в фольклоре, ритуалах, мифах, религиях и других формах духовной, художественной и материальной культуры. Соответственно, весь комплекс предельных трактовок макроисторической проблематики в том виде, в каком он существует в настоящее время, представляет собой результат постижения исторического бытия культуры на уровне изначальной предрасположенности человека к осмыслению данного аспекта вмещающей реальности. Учитывая, что макроисторические концепты возникают как на уровне отдельной личности, так и на коллективном уровне в процессе взаимодействия с вмещающей реальностью фактически в обязательном порядке, проявляясь в различных сферах культуры (в философии, науке, мифологии, религии, искусстве, обыденном знании, фольклоре и т.д.), общую предметную область, позволяющую изучать весь комплекс существующих макроисторических концептов, уместно обозначить в пределах философии истории культуры.

Таким образом, исходя из анализа предметного поля макроисторической проблематики, вполне уместно констатировать его выход за пределы собственно исторического знания, высокий уровень междисциплинарности, а также слабую научную оформленность как самостоятельной и предметно-очерченной исследовательской области.

Далее следует обозначить основные этапы развития макроисторической проблематики, которые вполне соотносятся с историей науки Нового и Новейшего времени. Разумеется, первые макроисторические концепции создавались и ранее, достаточно назвать таких авторов как Полибий, Сыма Цянь, Аврелий Августин, Ибн Хальдун, однако к моменту складывания научной картины мира в области макроисторических исследований происходит настоящий прорыв, ставший следствием качественных изменений европейской культуры XVII – XVIII вв. На фоне данных изменений обозначилось явное повышение интереса ученых к сущности и специфике культурно-исторического процесса на макроуровне.

Указанные тенденции намечались уже в работах представителей XVI – XVII вв. Так, в «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли, написанной с явным преобладанием событийных цепочек частного уровня, уже присутствуют элементы макроисторического анализа, выраженные в констатации универсальных циклических тенденций в развитии государств. Также тенденции макроисторического анализа обозначились в работе Жана Бодена «Метод легкого изучения истории». В своем исследовании Ж. Боден упорядочил историю, разделив ее на целостные макроисторические периоды. Кроме того,

данный уровень макроисторического анализа проявился в «Трехчастной истории» Христофора Келлера, с подачи которого сформировалась привычная для науки схема «Древний мир» – «Средние века» – «Новое время».

В XVIII веке развитие рассматриваемой проблематики, содержащейся в исследованиях представителей XVI – XVII вв. во фрагментарном виде, приводит к появлению полноценных макроисторических концепций. Ярким примером отмеченной тенденции является труд Джамбаттиста Вико «Основания новой науки об общей природе наций». Осуществляя поиск универсальных законов культурно-исторического развития, Вико пришел к выводу, что логика истории выражается в периодической смене эпох, причем данный процесс не имеет конца. В результате макроисторическая составляющая истории была поднята ученым гораздо выше ее частных уровней, поставив последние в явную зависимость от сферы «новой науки». Подобно Вико, макроисторические идеи воплотились в теории Иоганна Иоахима Винкельмана, автора работы «История искусства древности». В данной книге, опираясь на логику развития искусства Древней Греции, Винкельман предложил рассматривать историю искусства как четырехчастный процесс, ведущий от его зарождения к расцвету и от расцвета к упадку. Данная четырехчастная последовательность воспринималась автором как эталон жизненного цикла искусства всех исторических периодов и эпох.

Однако своего апогея в трудах представителей XVIII века макроисторическая проблематика достигает в работах И.-Г. Гердера и Ж.-А. Кондорсе. Так, в своем основном труде «Идеи к философии истории человечества» Иоганн Готфрид Гердер представил необычайно стройную и универсальную по тем временам макроисторическую концепцию, в которой воплотились достижения многих областей научного знания. В частности, Гердер, воспринимая логику истории на уровне истории мироздания, трактовал ее как прогрессивное развитие всего сущего от примитивных форм к высшим, как длительный период подготовки появления человека и его последующего совершенствования. В свою очередь, в работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Жак Антуан Николя Кондорсе, изучая результаты развития у различных представителей человеческого рода, изложил историю как процесс поэтапного совершенствования человечества, разделив его на девять качественно-своеобразных эпох.

Таким образом, в контексте рассмотренного периода были созданы первые макроисторические концепции, дистанцированные от феноменологии истории на расстояние, достаточное для ее универсального осмысления. И, хотя в данное время процесс дисциплинарного оформления знания еще не завершился, в рассмотренный период обозначились тенденции интереса к макроисторической проблематике со стороны не только историков, но и представителей других областей знания, включающего в свои предметные рамки изучение генезиса различных феноменов культуры.

В XIX веке на фоне серьезных сдвигов в области преобразовательной деятельности человека, способствовавшей изменению культурного облика

развитых стран мира, интерес к макроисторической проблематике продолжал возрастать. Среди основных причин популяризации макроисторических исследований в рассматриваемый период выделяются несколько. В частности, в XIX веке своего апогея достигает процесс открытия многообразных локальных культур, находящихся на различных стадиях развития и имеющих свои неповторимые особенности. Кроме того, растущий научно-технический, торгово-промышленный и военный потенциал развитых стран спровоцировал усиление контактов между всеми культурами посредством различных форм взаимодействия. Одним из следствий данных контактов стала интеграция множества культур в общемировое культурно-историческое пространство.

Помимо названных факторов, популяризации макроисторических исследований в данный период содействовали процессы институционального оформления, усложнения и дифференциации знания. Как следствие отмеченного роста науки, многие аспекты макроисторической проблематики подвергаются детальному анализу в контексте различных исследовательских стратегий и практик. Несомненное влияние на развитие макроисторических исследований в рассматриваемый период оказал качественный рост знания в области естественных дисциплин. Чтобы показать степень данного влияния, достаточно назвать эволюционную теорию Чарльза Дарвина, изложенную им в работе «Происхождение видов посредством естественного отбора, или выживание благоприятствуемых рас в борьбе за жизнь». В данном случае вполне уместно говорить о феномене естественнонаучной детерминированности фундаментальных вопросов макроисторического знания в XIX веке. Также надлежит упомянуть значительные успехи собственно гуманитарных наук в области изучения различных граней культурно-исторического процесса, имевших своим результатом расширение его пространственно-временных границ и обогащение спектра участников. При едином, всеобщем охвате культурно-исторического процесса перед исследователями открылась обширная панорама, включающая множество культур, цивилизаций и государств, проживающих череду качественно-своеобразных эпох, реализуя действие тех или иных исторических закономерностей.

В данный период макроисторическая проблематика развивалась в работах многих исследователей. В частности, Клод Анри де Рувруа Сен-Симон предложил историческую модель, включающую временной промежуток от появления человека до современности и состоящую из одиннадцати стадий, выделяемых по смешанным типологическим признакам. Следующим ученым, занимавшимся в XIX веке исследованием макроисторических процессов, является Огюст Конт, считавший, что эволюция общества определяется социальным прогрессом и вызвана совершенствованием форм мышления. Дальнейшая разработка макроисторической проблематики связана с именем Герберта Спенсера, анализировавшего законы развития организмов не только в гуманитарных, но и в точных науках. В частности, отмечая качественное отличие социальных организмов от природных, Спенсер зафиксировал ряд отличительных характеристик и закономерностей, определяющих особенности

их прогресса. Весомый вклад в обоснование макроисторических процессов на уровне философии внес Георг Вильгельм Фридрих Гегель, считавший, что основной движущей силой истории предстает «объективный дух», эволюция которого объясняется внутренней необходимостью и обеспечивается изменениями средств его выражения. Следует подчеркнуть, что идеи диалектической логики Гегеля стали своеобразным теоретико-методологическим фундаментом для весомого числа концепций макроисторического процесса, созданных в XIX – XXI веках. Философские и историософские идеи Гегеля нашли свое продолжение в трудах Карла Маркса, автора теории развития общества, раскрывающей последовательность «прогрессивных эпох экономической общественной формации». Необходимо отметить, что многие аспекты отмеченной теории были обоснованы Марксом в работах написанных совместно с Фридрихом Энгельсом. В цикле обозначенных работ авторы представили развитие общества как своеобразную эволюцию, выраженную в периодической смене названных формаций, сделав объектом анализа предметно-преобразующую деятельность человека, являющегося в рамках данной концепции творцом собственной истории. Дальнейшая разработка и корректировка отмеченных идей связана с именем Владимира Ильича Ульянова (Ленина), внесшего весомый вклад в обоснование макроисторической последовательности общественно-экономических формаций, включая анализ вопросов, связанных с переходами между ними и, в первую очередь, с переходом от капиталистической формации к коммунистической. Помимо перечисленных авторов, развитие макроисторических исследований в XIX веке связано с именем Николая Яковлевича Данилевского, одного из основоположников биологизаторского подхода, изучавшего необратимые процессы роста, цветения, упадка и смерти культур, создаваемых различными народами. Кроме того, в отмеченном перечне уместно упомянуть имя Константина Николаевича Леонтьева, развивавшего традиции Н.Я. Данилевского и предложившего организменную теорию триединого процесса развития цивилизаций.

Следующий период развития макроисторических исследований, хронологические рамки которого относятся к концу XIX – первым десятилетиям XX века, соответствует времени кризиса научного знания и поиска новых форм рациональности. Данный кризис явился составной частью всеобщего кризиса, охватившего все пространство европейской культуры и, помимо прочих последствий, повлекшего качественные изменения научной картины мира. Кризисные феномены, затронув практически все стороны культуры, и проявившись в науке, политике, экономике, искусстве, социальной и других сферах, спровоцировали всплеск исследовательской активности, направленной на поиск объяснений нестабильной макроисторической реальности. В результате, в ходе изучения начавшегося кризиса представители различных областей знания пытались по-новому взглянуть на культурно-исторический процесс с целью осмысления сложившейся в культуре ситуации, создавая достаточно смелые и оригинальные макроисторические концепты.

Реализуя познавательные потребности своего времени, Освальд Шпенглер в своей работе «Закат Европы» представил мировую историю как сложный комплекс, состоящий из историй различных организмов культуры, каждый из которых проживает свой жизненный цикл. Определенный вклад в развитие макроисторической проблематики внес Александр Леонидович Чижевский, обосновавший влияние солнечной активности на культурно-исторический процесс. Другим примером развития макроисторической проблематики на рубеже XIX – XX веков является концепция развития культуры Евгения Николаевича Трубецкого, построенная автором с опорой на теологические основания. Достаточно состоятельную теорию истории, включающую анализ последовательностей подъемов и упадков различных культур на фоне осмысления ее духовной направленности, предложил Николай Александрович Бердяев. Свой вклад в развитие макроисторической проблематики внес Альберт Швейцер, представивший концепт развития культуры, основанный на анализе проявлений ее этического начала. Помимо названных авторов, макроисторическая проблематика получила развитие в работах Семена Людвиговича Франка, изучавшего универсальные стороны исторического развития культуры. И, наконец, необходимо упомянуть имена Фридриха Вильгельма Ницше, Йохана Хейзинги и Хосе Ортега-и-Гассета, – авторов, развивавших идеи, согласно которым историческая динамика культуры отражает тенденции ее постепенного регресса.

Следующий этап развития макроисторических исследований включает период 40-х – 60/70-х годов XX столетия. Данный период был ознаменован завершением переосмысления научной картины мира, в результате которого мир предстал в противоречивом единстве, как сложное системное образование. В области макроисторической проблематики в данный период происходит настоящий прорыв, с этого времени в науке отмечается стремление авторов к системному охвату предмета исследования, а также пересмотру констант макроисторического процесса и подходов, долгое время считавшихся традиционными. Основным содержанием работ, созданных на данном этапе, является поиск четкого алгоритма, лежащего в основе развития макроисторических систем.

В частности, восприятие истории как сложного системного процесса, познание которого возможно в его социальном единстве, воплотилось в работах Люсьена Февра. В свою очередь, Фернан Бродель, развивая идеи переосмысления исторического времени и пространства, осуществил анализ культурно-исторического процесса на макроуровне сквозь призму развития систем «мир-экономика», фиксируя фазы их подъемов, кризисов и спадов. Отдельный вклад в развитие макроисторических исследований внес Питирим Александрович Сорокин, предложивший довольно сложную модель макродинамики культурно-исторического процесса, в основу которой был положен вариативно или творчески повторяющийся образец, реализующий последовательность стадий развития культуры, выделяемых в соответствии с логикой смены различных типов культурной ментальности. Следующим автором, раз-

вивавшим макроисторическую проблематику, является Карл Теодор Ясперс, составитель трехфазной схемы мировой истории, смысловое содержание которой конституируется «осевым временем». Многие аспекты изучаемой области знания нашли свое отражение в работах Альфреда Луиса Кребера, посвященных макродинамике «культурных моделей». Предложенная А. Кребером концепция развития «моделей» была выстроена в виде вариативной кривой, включающей в себя периоды роста, паузы, остановки, регрессии и упадка. Значительный вклад в развитие макроисторических исследований внес Арнольд Джозеф Тойнби, предложивший рассматривать историю как рождение, рост, надлом и распад цивилизаций, историческое своеобразие которых строится через диалог с Логосом, посредством поиска «ответов» цивилизации на Его «вызовы». Большой интерес в изучении макроисторических исследований представляет этно-пассионарная теория Льва Николаевича Гумилева, изучавшего макроисторический процесс в контексте истории отдельных этносов и взаимодействий между ними. В своей теории Л.Н. Гумилев определил логику исторического развития этносов, обозначив череду фаз, суть которых сводится к росту, расцвету и упадку их жизненных сил. Другим примером построения целостной концепции макрокультурного развития является теория Лесли Алвина Уайта, считавшего, что в основе истории лежит универсальный закон, согласно которому эволюция культуры обусловлена увеличением количества энергии, добываемой на душу населения в год, включая улучшение средств ввода энергии в действие. Кроме того, в рассматриваемый период, в первую очередь в рамках советской науки, осуществлялась активная разработка отдельных положений формационной теории, выраженная в детальном анализе общественно-экономических формаций, а также исторических переходов между ними. Особый вклад в решение данного вопроса внесли Сергей Сергеевич Аверинцев, Леонид Михайлович Баткин, Арон Яковлевич Гуревич, Николай Иосифович Конрад, Алексей Федорович Лосев, Александр Иосифович Неусыхин, Виктор Иванович Рутенбург, Владимир Николаевич Шевченко и многие другие.

Завершает обзор развития макроисторических исследований период, включающий хронологический отрезок с 70-х годов XX столетия и до настоящего времени. Названный этап характеризуется усложнением системных представлений о мировых процессах, которые дополнились синергетическими параметрами развития систем. Кроме того, отмеченное время характеризуется стремлением авторов к поиску принципиально новых объяснений макроисторической реальности.

Исследовательские установки указанного периода нашли свое отражение в работах Моисея Самойловича Кагана, обосновавшего использование системно-синергетического подхода в изучении макродинамики культуры. Помимо приведения системно-синергетической программы изучения процессов саморазвития в соответствие с более сложной структурой «антропо-социо-культурных» систем, М.С. Каган представил свою версию культурно-исторического процесса, основанного на реализации различных деятельност-

ных оснований культуры. Другим примером построения макроисторической концепции, отражающей познавательные установки своего времени, является теория одного из разработчиков «Большой истории» Аюба Погосовича Назаретяна, предложившего трактовку макродинамики культуры в контексте череды ее эволюционных и кризисных фаз. Следующим примером развития макроисторической проблематики в рассматриваемый период являются работы Иммануэля Мориса Валлерстайна, автора теории миросистемного анализа, направленного на изучение динамики миросистем, последовательность которых выражает основную ритмику культурно-исторического процесса. Сквозь призму синергетического подхода свою концепцию стилевого развития искусства предложил Дмитрий Сергеевич Лихачев, отмечавший в генезисе художественных стилей макроскопические закономерности. Также макроисторический анализ содержится в работах Вячеслава Семеновича Степина, разработчика теории культурной динамики, в основе которой лежит процесс появления и отмирания надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Значительный вклад в развитие макроисторических исследований внес Юрий Михайлович Лотман, обозначивший «взрывные» и «непрерывные», то есть предсказуемые, формы трансформации культуры. Используя принципы синергетического видения общеисторических закономерностей, полициклическую модель культурно-исторического процесса, характеризующуюся неравномерным и волнообразно-спиралевидным ритмом, предложил Юрий Владимирович Яковец. Макроуровень анализа истории русской культуры содержится в работах Игоря Вадимовича Кондакова, отмечающего в ее самореализации последовательность крупных циклов. Оригинальную гипотезу динамики культуры, выраженной в различных формах воспроизводства ценностных ориентаций общества, предложил Александр Самойлович Ахизер. Многие аспекты рассматриваемой проблематики воплотились в теории макродинамики культуры Андрея Яковлевича Флиера, рассматривающего развитие культуры как происхождение и эволюцию семиотически значимых маркирующих черт, воплощенных в продуктах и технологиях человеческой деятельности, «картинах мира» и ментальных системах исторических обществ. Другим примером макроисторического анализа генезиса культуры является инвариантная теория эволюции Эдуарда Саркисовича Маркаряна, воспринимавшего культуру как механизм адаптации и предложившего модель ее развития, включающую основные формы адаптивных процессов. Кроме того, реализуя принципы формационной теории и критикуя ее догматические варианты, Игорь Михайлович Дьяконов представил целостную модель истории, основанную на социально-экономических, технологических и социально-психологических изменениях. Оригинальную трактовку культурно-исторического процесса сформулировал Карл Моисеевич Кантор, обозначив последовательность развития человеческого рода с точки зрения раскрепощения индивида. Также в данном ряду необходимо упомянуть работы Владимира Михайловича Петрова, создавшего целостную теорию социо-

культурной динамики, основанной на сочетании долговременных и быстро-текущих процессов.

В контексте рассматриваемого периода среди макроисторических исследований выделяется самостоятельная группа теорий, объединенных под термином «постмодернизм». Данные теории, представляя собой ряд оригинальных философских и междисциплинарных концепций, выражают стремление исследователей последней трети XX столетия к целостному, системному описанию сложных процессов, происходящих в мире, при выявлении универсальных глубинных тенденций, лежащих в их основе. Достаточно проработанную и последовательную концепцию, затрагивающую вопросы макроисторического анализа, предложил Мишель Фуко, изучавший различные аспекты логики трансформаций глубинного кода культуры. Помимо Фуко, макроисторический уровень анализа культурно-исторической реальности нашел свое отражение в концепции Жана Бодрийяра, зафиксировавшего в истории новоевропейской цивилизации последовательность симулякров. Кроме того, макроисторическая проблематика получила свое развитие в работах Жюлья Делеза и Пьера Феликса Гваттари, изучавших сущностные характеристики различных типов системных организаций, а также алгоритмы развития систем, применимые к анализу макроисторической реальности. В отмеченном ключе рассматривал логику организации и развития семиотических систем Умберто Эко.

Завершая рассмотрение основных этапов развития макроисторических исследований, следует отметить, что приведенный перечень авторских концептов является неполным, однако знакомство с отмеченными примерами макроисторических исследований позволяет сформировать общее представление о масштабах и основных этапах развития данной проблематики. Исходя из рассмотренного материала, становится очевидным, что макроисторические исследования представляют собой целую исследовательскую область, имеющую междисциплинарный статус и выраженную динамику роста. Развитие отмеченного знания, учитывая весь перечень его характеристик, указанных в начале главы, представляет собой плодотворную почву для изучения различных сторон представленного ноогенеза.

Основным направлением исследований в данном случае является поиск логики в развитии представлений о макроисторической реальности, как на общем уровне обозначенного ноогенеза, так и на уровне его частных проявлений, выраженного отдельными макроисторическими концептами.

Глава 2. ДВА СПОСОБА ИЗУЧЕНИЯ ГЕНЕЗИСА ЗНАНИЯ О МАКРОИСТОРИИ

Рассмотренные в предыдущей главе характеристики макроисторической проблематики, включая основные этапы развития исследований в отмеченной области, позволяют констатировать, что генезис знания в сфере постижения макроистории, при всех его сложных и противоречивых характеристиках, – это специфический, но целостный процесс.

Дело в том, что для констатации общего ноогенеза в познании макроисторической реальности есть все основания. В частности, на протяжении развития науки, в сфере междисциплинарных исследований, а также в контексте различных дисциплин, было накоплено достаточно много материала, относящегося к изучаемой области знания. Данный материал, состоящий из концепций, напрямую или частично затрагивающих вопросы постижения макроистории, не может быть сведен к простой количественной совокупности или сумме ее различных версий. При всех специфических характеристиках, отмеченные концепции отражают процесс познания общей предметной области, характеризуются единообразием исследовательских установок, содержат внутреннюю логику, выраженную в исторической преемственности и развитии знания, и, соответственно, нуждаются в целостном осмыслении.

К специфическим характеристикам материала, составляющего генезис научных представлений о макроистории, в первую очередь, относится разобщенность макроисторических концепций, обусловленная дисциплинарным оформлением науки в XIX – перв. пол. XX века. Отмеченный фактор привел к тому, что в контексте различных дисциплин в указанный период были сформированы частные исследовательские направления, посвященные изучению макроистории. С одной стороны названная тенденция привела к формированию дисциплинарного многообразия макроисторических исследований, с другой стороны, локализуясь в контексте различных наук, макроисторическая проблематика обрастала специфическими «научными языками», методами, категориями и инструментарием, тем самым «замыкаясь» в узкодисциплинарных рамках и теряя выход на междисциплинарный уровень. Данная ограниченность макроисторических исследований привела к тому, что процесс развития знаний о макроистории принял «мозаичный» характер, иначе говоря, единый процесс развития знания, оказавшись в пространстве «научных локализаций», вошел в стадию некоторой разобщенности, что существенно снизило его темпы. Разумеется, общее единство макроисторических исследований на протяжении развития науки никогда не сходило к абсолютному нулю, однако отмеченная тенденция «феодализации» знания во многом определила «фрагментарность» макроисторической проблематики. В результате в контексте различных дисциплин, относительно рассматриваемого ноогенеза, возник феномен многократного дублирования исследований и переоткрывания одних и тех же аспектов знания о макроистории. Данная тенденция стала

основой преимущественно для количественного и, в меньшей степени, для качественного роста знания в отмеченной области.

Однако у процесса дисциплинарной локализации макроисторических исследований есть и положительная сторона, выраженная в том, что развитие изучаемой проблематики в различных дисциплинарных рамках обуславливает фактор нелинейности отмеченного ноогенеза, что провоцирует многовариативность научного поиска в изучаемой области и, соответственно, благоприятствует росту знания. Кроме того, растущая степень дисциплинарной локализации знания во второй половине XX века дополнилась противоположной тенденцией, выраженной в появлении интегративных исследований, основу которых составляет синтез достижений различных дисциплин. В результате реализации обозначенных тенденций общий объем макроисторических исследований, накопленных в современном знании, предстает как система концепций, определенная часть которых проявляет себя вполне самостоятельно на междисциплинарном уровне, а другая, более весомая часть, «растворена» в контексте исследовательских программ различных дисциплин, отражая общие и частные вопросы познания макроистории.

Тем не менее, при всех неоднозначных и противоречивых характеристиках, материал, составляющий содержание макроисторической проблематики, является основой единого познавательного процесса, в реализации которого существует определенная логика, в самом общем плане выраженная в создании, сохранении и совершенствовании различных способов познания макроисторической реальности.

Изучение отмеченного ноогенеза на междисциплинарном уровне, а именно установление общей логики данного процесса и его контекстуальной обусловленности, выявление основных «ноогенетических магистралей» и глубинных факторов, лежащих в основе его реализации, представляет собой актуальную область знания, направленного на выработку общей методологии, категориального единства, систематизации и осмысления существующих макроисторических концепций.

Комплексное изучение отмеченных аспектов развития знания о макроистории возможно в контексте двух диаметрально противоположных подходов, каждый из которых позволяет выявить определенный перечень существенных характеристик, лежащих в основе рассматриваемого ноогенеза. Одним из данных подходов является анализ дискретных исторических последовательностей, отражающих генезис отмеченного знания, другой подход направлен на изучение его структурных компонентов.

Наиболее популярным, наглядным и относительно простым подходом, позволяющим отслеживать историческое развитие знаний в изучаемой области, является историографический. Отмеченный подход дает возможность фиксировать основные вехи ноогенеза в контексте линейных последовательностей, посредством простых констатаций феноменологии научного знания в тот или иной период его истории. Однако данный подход хоть и позволяет отслеживать определенную логику, выраженную в поступательном усложне-

нии знания, по большей части является преимущественно описательным. Так, затрагивая лишь поверхностный уровень постижения материала, историографический анализ изобилует точными датами, именами авторов и фактографическим содержанием тех или иных макроисторических теорий. Несомненно, в вопросах изучения развития знания отмеченный уровень анализа важен, поскольку представляет собой азы научной грамотности, необходимые для изучения ноогенетической проблематики; однако данный подход обеспечивает лишь малую степень проникновения в скрытые закономерности ноогенеза. Пример историографического анализа, раскрывающего лишь простую диахронную последовательность, выраженную в фиксации тех или иных макроисторических теорий в контексте основных этапов развития знания, включая некоторые аспекты его усложнения, был представлен в предыдущей главе настоящего издания.

Учитывая названные характеристики историографического подхода, остается констатировать, что в вопросах выявления глубинных процессов, затрагивающих сущность и специфику развития знания о макроистории, простых линейных констатаций его феноменологии оказывается явно недостаточно. Примером преодоления отмеченных трудностей, выраженных в поиске глубинной логики поступательного развития рассматриваемого знания, является парадигмальный подход, включая весь спектр его вариаций, направленных на анализ развития знания в контексте сменяющих друг друга качественно-своеобразных периодов науки.

Основу парадигмального подхода составляют работы Томаса Сэмюэля Куна, определявшего «парадигму» как «... признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹⁴ и считавшего, что развитие научного знания идет путем революционной смены парадигм, которые в эпоху своего доминирования, формируя основные ноогенетические векторы, оказывают серьезное влияние на определение перечня актуальных научных проблем и их возможных решений. Отмеченный подход позволяет отследить в развитии макроисторической проблематики определенную логику, а именно – последовательность качественно своеобразных периодов, содержанием которых является устойчивое, единообразное понимание сущности и специфики культурно-исторического процесса. Данное единообразие охватывает самые разные теории, созданные на определенном этапе развития научного знания.

Беря во внимание подверженность исторического знания влияниям со стороны различных сфер культуры, а именно, религии, политики, идеологии, образования и т.д., целесообразно использовать понятие «парадигмы» (смысловую основу которого составляет традиция Т. Куна), включающее не только научную, но и мировоззренческую составляющую. Один из вариантов данного расширенного толкования парадигмы содержится в работах Фритьофа Капры, уделяющего особое внимание вопросам соотношения культурного

¹⁴ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – С. 17.

контекста и научных парадигм. В частности, на основании анализа работ Т. Куна, Ф. Капра ввел понятие «социальной парадигмы». По данному вопросу Ф. Капра отмечает: "... я обобщил определение Куна, данное им применительно к научной парадигме, распространив его на социальную парадигму, которую определяю как «совокупность понятий, ценностей, представлений и практик ...», разделяемую сообществом и формирующую определенное видение реальности, на основе которого сообщество организует само себя».¹⁵

В контексте той или иной парадигмы устанавливается особый «интеллектуальный фон», оказывающий влияние на весь спектр научных трактовок макроистории в тот или иной период развития знания. В первую очередь, данный «фон» выражается в наличии господствующих научных представлений об устройстве мироздания как такового. Отмеченные представления конкретизируются в определенных принципах организации мира и законах, лежащих в основе его развития. Исходя из понимания принципов и законов, составляющих содержание парадигм, в области макроисторических исследований формируются особые познавательные векторы и алгоритмы научной деятельности, складывается специфическая методология, и, кроме того, устанавливаются дисциплинарные детерминации, имеющие, как правило, естественнонаучное происхождение и ограниченные одной или несколькими отраслями знания. В частности, детерминированность знания в контексте парадигмального развития макроисторических исследований в разное время определялась механикой, физикой, биологией, кибернетикой, термодинамикой и некоторыми другими сферами науки.

В результате непосредственного воздействия парадигмального контекста различные макроисторические концепции, существующие и создаваемые в определенном «научном пространстве», принимают некоторые черты единообразия, степень которого напрямую определяется степенью воздействия парадигм. Проявляются отмеченные тенденции в том, что различные версии макроистории, актуальные на тот или иной момент развития знания, при сохранении некоторых отличий и специфики, «впитывают» наиболее важные элементы парадигм, тем самым достигая полного или частичного соответствия с господствующими тенденциями развития науки. В свою очередь, теории, которые максимально соответствуют эвристическим установкам того или иного периода развития знания, принимают доминирующий характер.

Следует отметить, что парадигмальная модель развития научных представлений о макроистории позволяет выявить определенные аспекты логики поступательного развития науки, выраженные в накоплении, сохранении и совершенствовании изучаемого знания, в контексте «интеллектуального фона» сменяющих друг друга научных парадигм. Однако рассматриваемый подход, обладая названными достоинствами, имеет и недостатки. В частности, в культурно-исторических исследованиях существует определенная путаница, связанная с использованием термина «парадигма». Например, указанный

¹⁵ Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. под ред. В.Г. Трилиса. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – С. 21.

термин применяется с такими определениями как «циклическая», «биологизаторская», «формационная», «этногенетическая», «цивилизационная», «системно-синергетическая» и прочими. Данная ситуация иллюстрирует наличие тенденции типологически невыдержанного смыслового наполнения термина «парадигма» в современном знании. Также применение парадигмального подхода рождает ряд трудностей, выраженных в противоречиях относительно подбора критериев и масштабов для идентификации как самих парадигм, так и определения локально-завершенных этапов, озаменованных их господством; при этом до конца нерешенным остается вопрос наличия преемственности между парадигмами, изначально отрицаемой Т. Куном.

Кроме того, парадигмальный анализ развития знания о макроистории не позволяет дать объяснение нескольким важным тенденциям изучаемого ноогенеза. Во-первых, достаточно протяженные парадигмальные периоды истории науки сопровождаются параллельным сосуществованием состоятельных и нередко противоречащих друг другу теорий, дающих комплексное объяснение сущности и специфике культурно-исторического процесса. Во-вторых, даже в эпоху парадигмального господства какой-либо отдельной теории макроистории, ее гегемония не является абсолютной и осложняется «сильными» конкурирующими теориями, востребованность которых практически никогда не достигает нулевой отметки. В-третьих, «научные карьеры» макроисторических теорий несводимы к простой схеме «возникновение-господство-упадок». Дело в том, что пройдя через фазу своей актуальности и перейдя в стадию забвения, отмеченные теории могут неоднократно реанимироваться вновь. В-четвертых, парадигмальный подход, как и историографический, не позволяет фиксировать структурные компоненты ноогенеза, проникающие наподобие «рентгеновских лучей» сквозь многие парадигмы или исторические этапы развития знания. От данного подхода «ускользает» то, что находится «по ту сторону» парадигм и качественно-своеобразных периодов развития науки, а именно – устойчивые и достаточно протяженные транспарадигмальные явления, лежащие в основе развития знаний о макроистории.

В частности, сравнительный анализ довольно серьезного числа общепризнанных теорий, созданных на протяжении истории науки в изучаемой области, позволяет констатировать, что в основе генезиса макроисторической проблематики помимо фактора парадигмального развития, отражающего некоторые аспекты роста знания, находят свое проявление периодические возвраты научного сообщества к устойчивым компонентам рассматриваемого ноогенеза. Речь в данном случае идет о ситуациях повышения и понижения интереса ученых к одним и тем же основополагающим идеям, а именно, моделям и схемам истории, архетипическим образам, смысловым компонентам и т.д. Данные глубоко укорененные в сознании субъекта идеи устойчиво проявляют себя на протяжении всего познавательного процесса, начиная с ранних этапов истории. Кроме того, из отмеченных идей на том или ином этапе развития науки, согласно определенной логике, формируются локальные со-

четания и ноогенетические «целостности», оказывающие серьезное влияние на рассматриваемый ноогенез. Отмеченные сочетания и целостности, составляя основу макроисторических концептов, также могут принимать устойчивый характер и неоднократно проявлять себя в развитии знания. Следует особо подчеркнуть, что данные феномены ноогенеза находят свое выражение не только в науке, закрепляясь и периодически проявляясь во многих сферах культуры – фольклоре, искусстве, мифологии, религии, включая область философского знания, тем самым образуя своеобразный ноогенетический контекст, влияющий на процесс формирования представлений о макроисторической реальности. Периодичность рассматриваемого процесса, выраженного в возвратах научного сообщества к одним и тем же основополагающим идеям, не носит строгого математического характера, а вопрос – «Как и почему в ходе познания культурно-исторической реальности совершается реанимация тех или иных идей, их сочетаний, а также целостных концептов макроистории?» – в современном знании однозначного ответа не имеет. Кроме того, не имеют четкого ответа и вопросы, касающиеся выявления закономерностей образования отмеченных выше целостностей идей, а также степени их влияния на парадигмальный процесс. В результате, относительно изучения названных аспектов ноогенеза, исследовательские установки парадигмального анализа оказываются несостоятельными. Соответственно, положительное решение данных вопросов, несомненно, позволит пролить свет на важные стороны развития научных представлений о макроисторической реальности.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо сделать отдельный акцент на то, что замечание, касающееся периодических возвратов научного сообщества к устойчивым компонентам ноогенеза, является наиболее весомым аргументом и довольно часто используется критиками парадигмального подхода. Основу данной критики составляет то, что возвраты к определенным идеям и их целостностям в развитии макроисторической проблематики происходят регулярно, а научный вес, постоянство и древность многих из них не вызывает сомнения. Однако названные факторы вовсе не означают отрицания парадигмального феномена в сфере исследований макроистории, они, скорее, свидетельствуют о том, что изучаемый ноогенез носит специфический и достаточно сложный характер, и все попытки его линейных истолкований не в состоянии полностью раскрыть природу развития знания в данной области.

Совокупность указанных факторов, заставляющих усомниться в том, что рассматриваемый ноогенез реализует цель линейного и поступательного движения науки в направлении единственно верного объяснения макроистории, открывает перед научным сообществом целый пласт глубинных транспарадигмальных или структурных компонентов процесса познания культурно-исторической реальности, вопрос изучения которых в настоящее время является актуальным и представляет большой исследовательский интерес. Исходя из отмеченных обстоятельств, общие контуры развития знания о макроистории можно представить в виде модели нелинейного и многоуровневого развития целого комплекса транспарадигмальных структур (частных идей, их

локальных сочетаний и целостностей), образующих различные варианты «сплетений», комбинаторика которых меняется в зависимости от характера познавательных ситуаций.

Следует отметить, что относительно изучения отмеченных структур ноогенеза в современном знании накоплен определенный опыт. В частности, самостоятельную группу исследований представляют работы, в которых авторы осуществляют анализ развития отдельных транспарадигмальных компонентов рассматриваемого знания. Примерами изучения данных структур являются работы П.А. Сорокина, в которых автор дает подробный и всесторонний анализ развития идей циклизма в понимании сущности и специфики истории.¹⁶ Также интерес представляют работы Л.Н. Гумилева, изучавшего генезис идейных императивов истории на уровне этносов¹⁷ и т.д. Помимо сугубо историко-культурных исследований существует целая группа работ, относящихся к различным областям знания, включая негуманитарную область, в которых содержится анализ транспарадигмальных идей, лежащих в основе понимания макроисторической реальности. Так, в контексте синергетических исследований достаточно основательно изучается историческое развитие идей «стабильности» и «переходности». Авторитетное исследование в отмеченной области предпринято Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмовым.¹⁸ Кроме того, детальный анализ генезиса идей «порядка» и «хаоса» в истории мировой культуры содержится в работах В.В. Васильковой.¹⁹

Несомненно, опыт изучения отдельных транспарадигмальных компонентов процесса познания культурно-исторической реальности эвристически полезен и проливает свет на многие стабильно проявляющиеся тенденции изучаемого ноогенеза. Однако данный подход содержит ряд трудностей. В первую очередь, в указанной области исследований находит свое проявление отсутствие типологического единства, а также емкого перечня данных структур. Во-вторых, бросается в глаза их разномасштабность, различный возраст и происхождение. В-третьих, не совсем понятна логика избирательного интереса тех или иных авторов к различным транспарадигмальным феноменам ноогенеза. И, в-четвертых, изучение исторических путей развития отдельных структур, вырванных из общего ноогенетического контекста, не всегда позволяет достичь анализа их сущностных сторон.

¹⁶ См. Сорокин П.А. Циклические концепции социально-исторического процесса / Перевод Н.В. Романовского. [Электронный ресурс] // Режим доступа. – <http://libbabr.com/?book=2828> [15.10.2013].

¹⁷ См. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 384 с.

¹⁸ См. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М.: Наука, 1994. – 236 с.; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Ин-т философии, Ин-т прикладной математики им М.В. Келдыша Рос. акад. наук. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.

¹⁹ См. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Лань, 1999. – 478 с.

В области построения целостных концептов, раскрывающих общую логику генезиса знания о макроистории, особого внимания заслуживает комплексное исследование транспарадигмальных структур рассматриваемого ноогенеза, предпринятое И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым. В своих работах авторы систематизируют и изучают различные аспекты развития научных представлений об истории, начиная с уровня локальных идей и теорий и заканчивая уровнем развития представлений об основных смыслах, моделях и параметрах культурно-исторического процесса.²⁰ Однако данная степень осмысления является скорее исключением, нежели иллюстрацией общепринятых тенденций в познании макроисторической проблематики. Дело в том, что изучение всего спектра или суммы транспарадигмальных структур создает невероятно сложную картину ноогенетического процесса, порожденную их многообразием, проблемой подбора критериев для их идентификации, а также опасностью «размывания» указанного процесса в его богатых феноменологических проявлениях.

И, тем не менее, приходится констатировать, что об оформлении целостной концепции транспарадигмальных компонентов в развитии научных представлений о макроистории говорить еще рано. Поскольку в сфере отмеченных исследований существует ряд неразрешенных вопросов, касающихся: методологии транспарадигмальных исследований; критериев фиксации данных структур; составления их исчерпывающего перечня; а также установления закономерностей их морфогенеза и развития.

В первую очередь, в контексте рассматриваемой проблематики обращает на себя внимание определенный опыт изучения транспарадигмальных компонентов ноогенеза, накопленный в области философии науки. Впервые, тенденции анализа ноогенетических структур находят свое проявление в работах Имре Лакатоса, в частности, в его концепции научно-исследовательских программ, играющих, по мнению автора, жизненно важную роль в метаистории науки и представляющих собой непрерывные последовательности теорий, направленных на реализацию схожих идей. Изучая данные «программы», И. Лакатос отмечал, что они функционируют и проявляются только в своей целостности, потому что *«Именно ряд или последовательность теорий, а не одна изолированная теория, оценивается с точки зрения научности или ненаучности»*.²¹ Во-вторых, схожие взгляды на процесс развития знания содержатся в исследованиях Джеральда Холтона, а именно, в его концепции «тематического анализа науки». И, в-третьих, в данном переч-

²⁰ См. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.; Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1: Конструирование прошлого. – 2003. – 632 с.; Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 2: Образы прошлого. – 2006. – 751 с.

²¹ Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / Пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 358.

не необходимо упомянуть работы Пола Карла Фейерабенда, в которых автор пропагандирует эвристическую пользу и правомерность фактически любых параллельно сосуществующих форм познавательной деятельности. Однако целостной теории, включающей все грани транспарадигмальной проблематики, не существует даже в этой области знания. Данная ситуация, в первую очередь, связана с высокой степенью сложности транспарадигмального анализа как такового и нерешенностью многих вопросов, составляющих его содержание. Кроме того, отмеченный подход, в сравнении с парадигмальным, является менее популярным, так как вместо ясных последовательностей развития знания, его применение раскрывает перед исследователем многоуровневое соразвитие различных структурных компонентов ноогенеза, включая их комплексные перестройки. В результате, актуальной становится не только задача разработки теоретико-методологических оснований транспарадигмального анализа в области генезиса знания о макроистории. В данном случае особый статус приобретает вопрос его комплексной разработки на междисциплинарном уровне.

Как таковое, изучение транспарадигмальных компонентов развития знания направлено на выявление устойчивых структур, периодически проявляющих себя на протяжении познавательного процесса. Как уже было упомянуто выше, в развитии знания о макроистории наличие отмеченных структур фиксируется на трех уровнях:

- первый – частный уровень, обозначен локальными идеями, обнаруживающими себя на протяжении ноогенеза;
- второй – средний уровень, представлен многочисленными вариантами локальных сопряжений данных идей;
- третий – общий уровень, выражен в наличии целостных концептов макроистории, проявляющих себя в рассматриваемом знании.

Относительно характеристики частных проявлений транспарадигмальных структур следует отметить, что в сфере изучения макроисторической проблематики комплексных теоретико-методологических разработок для их анализа не существует. Возникновение указанных элементов ноогенеза связано с тем, что сознание субъекта в ходе познавательного процесса порождает идеи (или эйдосы). Среди множества рождаемых идей некоторые возникают в сознании наиболее часто, входят в сферу архетипического и устойчиво проявляют себя на протяжении познавательного процесса. Данные повторяющиеся и прочно укорененные в сознании субъекта идеи, которые уместно называть «сквозными», собственно и представляют собой частный уровень транспарадигмальных ноогенетических компонентов.

Изучение процесса познания макроисторической реальности позволяет констатировать определенное количество сквозных идей, устойчиво проявляющих себя на протяжении развития данного знания. Названные идеи представляют собой своеобразные «кванты» или «строительные блоки», из которых складываются целостные представления о сущности и специфике культурно-исторического процесса. Многие из отмеченных идей являются доста-

точно очевидными, и их выявление не представляет труда. Например, идея наличия циклов в истории, идея бесконечности истории, идея неизменности и многие другие. Однако некоторые идеи, представляя собой результат эволюции их простых аналогов, оказываются «зашифрованными» в различных сферах знания, и их фиксация требует усилий.

Уровень локальных сопряжений представляют различные «связки» сквозных идей, организованные не по принципу простой суммы, а в соответствии с теми или иными аспектами логики их сочетаний. Отражая фрагментарные стороны реальности, отмеченные сопряжения ложатся в основу общих картин макроистории.

И, наконец, общий уровень проявления транспарадигмальных компонентов является предельным и соответствует целостным концептам макроисторического процесса, или, следуя терминологии О. Шпенглера, гештальтам мира-как-истории, основанным на системном единстве структур меньшего порядка. Данные гештальты, будучи созданными в определенном контексте, в некотором роде закрепляются за породившими их формами реальности и периодически реанимируются субъектом в ситуациях, сходных с теми, в контексте которых они были сформированы.

Некоторые из перечисленных структур обнаруживают себя время от времени, реанимируясь и угасая в археологических пластах сознания субъекта, другие проявляют себя на протяжении ноогенеза практически постоянно, стабильно уживаясь с «конкурирующими» структурами в рамках познавательного процесса.

Анализ логики сопряжений отмеченных компонентов позволяет описать процесс создания и смены целостных картин макроистории. Данный процесс выглядит следующим образом (рис. 1): субъект (S), взаимодействуя с макроисторической реальностью (R), изначально обладает определенной суммой транспарадигмальных компонентов частного, среднего и общего уровня (T_{Σ}). При соприкосновении субъекта с конкретной формой реальности некоторые структуры остаются невостребованными, а некоторые реанимируются. В результате в сознании субъекта формируется целостный концепт макроистории («Gst», от gestalt), воплощаемый в научной или иной форме (магия, фольклор, мифология, религия, искусство). Рождаемая целостность создает возможность объяснения макроисторической реальности на основании актуализированных реакций сознания, путем приведения структурных компонентов ноогенеза в системное единство.

На ранних этапах ноогенеза данные концепты возникают вследствие сопряжения структур частного и среднего уровня, однако, по мере развития ноогенетического опыта субъекта, макроисторические целостности могут формироваться на основании структур общего уровня, созданных субъектом на прошлых этапах развития знания. И все же, как правило, в создании макроисторических целостностей в различных пропорциях участвуют все три уровня транспарадигмальных компонентов.

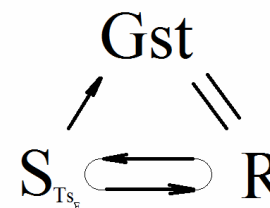

Рис. 1.

Смена целостных картин макроистории происходит из-за нарушения их тождества с реальностью. Данные изменения носят сложный характер, обусловлены феноменологией конкретно-исторической реальности (включая «первую» и «вторую» природу) и, кроме того, зависят от специфических реакций психической сферы субъекта. Однако, как правило, в смене целостных концептов макроистории определяющую роль играют внешние факторы, ибо сама историческая реальность, говоря словами Карла Раймунда Поппера, выступает своеобразным фальсификатором представлений о ней со стороны субъекта. Так, меняясь с различной скоростью и в различной степени, реальность подвергает проверке все теории, которые он на нее проецирует.²² В результате субъект оказывается в пассивной роли по отношению к объекту и, по сути, вынужден применять множество конкурирующих теорий объяснения макроисторической реальности, пока какая-либо из них в ходе «естественного отбора», выдержав конкуренцию с другими теориями, не проявит себя как наиболее пригодная к выживанию, но лишь до тех пор, пока изменения реальности не приведут к новому кризису познавательных способностей субъекта и, соответственно, к новой ситуации отбора теорий.

Временные рамки ситуации смены целостных концептов макроистории варьируются довольно сильно и могут растягиваться на десятилетия, а также исчерпываться достаточно быстро, поскольку многие структурные компоненты на протяжении ноогенеза, включая древнейший период, получили четкое закрепление за конкретными формами пробуждающей их реальности; соответственно, их актуализацию в сознании субъекта в некоторых случаях можно отнести к сфере непроизвольного автоматизма.

Изменения макроисторической реальности, ведущие к смене ее целостных концептов, реанимируют весь перечень структурных компонентов рассматриваемого ноогенеза, одновременно проявляющих себя во всем своем многообразии. Далее в процессе отбора некоторые структуры угасают в сфере неактуального знания, а некоторые, сохраняя свой значимый статус, формируют востребованный перечень (рис. 2). Так, определенная форма макроисторической реальности (R_1) реанимирует весь набор транспарадигмальных структур. Далее, те структуры, которые проявляют соответствие пробудившей их реальности, остаются в сфере актуального знания, в свою очередь,

²² См. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные труды / Пер. с англ.; Сост., общ. ред. и вступит. статья В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – С. 144.

структуры, проявившие несоответствие измененной реальности, вновь подвергаются забвению. В результате в сознании субъекта формируется обновленный перечень транспарадигмальных компонентов (T_{S_1}), на основании которого он создает новое целостное объяснение макроисторической реальности (Gst_1). Кроме того, может сложиться так, что в случае обнаружения соответствия изменившейся реальности ее прошлым трактовкам, имеющимся в ноогенетическом опыте субъекта, последний может реанимировать целостный концепт макроистории, не прибегая к структурным перегруппировкам транспарадигмальных компонентов. Однако, в основном, в подобных ситуациях происходит достраивание или структурное обогащение целостности, созданной в ходе прошлого опыта и востребованной из сферы неактуального знания.

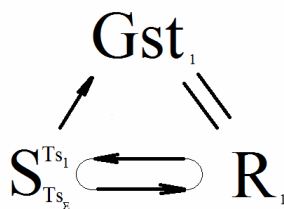

Рис. 2.

В отмеченном ракурсе генезис рассматриваемого знания предстает как многомерное постижение макроистории, основанное на периодических сочетаниях и перегруппировках структурных компонентов различного уровня сложности, начиная от уровня отдельных идей, их фрагментарных сопряжений, и заканчивая уровнем целостных макроисторических «гештальтов». Соответственно, качественным свойством данного ноогенеза, содержащего внушительный комплекс транспарадигмальных структур различного масштаба и степени сложности, является то, что он носит нелинейный характер и, кроме того, имеет в своей основе определенную логику, выраженную в наличии группы закономерностей, реализуемых в процессе развития и сопряжения отмеченных транспарадигмальных структур.

Кроме того, анализ развития транспарадигмальных компонентов макроисторической проблематики позволяет обозначить некоторые специфические черты данного ноогенеза. Во-первых, транспарадигмальный анализ дает возможность вывести макроисторическую проблематику далеко за пределы классического знания, затрагивая «доклассические» этапы его развития, вплоть до самых ранних, архаичных фаз, так как истоки многих структурных компонентов рассматриваемого ноогенеза находят свое проявление в древнейших концептах мироустройства, созданных на заре человечества. Во-вторых, феномен периодических возвратов к прошлым формам знания, фиксируемых в данном ноогенезе, в контексте транспарадигмального анализа предстает как естественный процесс, позволяющий говорить о некотором пересмотре господствующих в современной науке трактовок научного роста,

выраженных в констатации поэтапного совершенствования знания посредством линейного отрицания его устаревших форм.

В данном случае необходимо отметить, что интеллектуальное освоение культурно-исторической реальности, в первую очередь, нацелено на поиск адекватных способов ее объяснения, и, если таковые создаются и некоторое время обеспечивают когнитивное равновесие, то потребности в их совершенствовании субъект не испытывает. Разумеется, изучаемый ноогенез имеет направленность на поиск максимально точного объяснения макроисторической реальности, и его многовариативное воплощение, так или иначе, реализует отмеченный вектор. Однако логика поведения субъекта такова, что в контексте сложной феноменологии рассматриваемой реальности он периодически склоняется к использованию ее прошлых трактовок, даже если они олицетворяют движение науки вспять. Главное в этом процессе – это то, чтобы они соответствовали «ритмам» вмещающей среды и познавательным потребностям субъекта. Как следствие, фактором роста знания при таком подходе становится совершенствование познавательного опыта субъекта, который, перебирая различные гештальты и создавая новые трактовки макроистории, все-таки улучшает и достраивает весь «багаж» своих знаний в отмеченной области. Кроме того, следует подчеркнуть, что создание новых способов объяснения культурно-исторического процесса практически всегда находит в своих глубинных основаниях следы проявления ранее созданных концептов макроистории, и, по сути, основывается на частичном воспроизводстве многих достижений прошлых стадий ноогенеза.

Таким образом, обобщая представленный материал, уместно заключить, что характеристика транспарадигмального развития знания о макроистории позволяет отследить некоторые аспекты логики данного процесса, недоступные в контексте анализа последовательностей его линейного роста. Соответственно, использование данного подхода перспективно и эвристически полезно.

Однако, как уже было отмечено выше, оформление целостной концепции транспарадигмального или структурного анализа генезиса научных представлений о макроистории еще не завершено и представляет собой актуальное направление исследований. На этом основании в контексте отмеченной проблематики можно выделить ряд частных аспектов или вопросов, требующих детального изучения на пути к созданию целостной теории транспарадигмального анализа рассматриваемой области знания:

- во-первых, решения требует вопрос определения теоретико-методологических оснований изучения всего комплекса транспарадигмальных или структурных компонентов познания макроистории. Данный аспект осложняется тем, что уровень постигаемой проблематики носит философский и междисциплинарный характер, затрагивая предметную область теоретической и исторической культурологии, философии истории культуры, философии науки, философии истории, истории, психологии, биологии и некоторых других дисциплин;

- второй аспект касается определения предельных или контекстуальных оснований рождения макроисторических представлений на уровне осмысления картины мира;
- третий аспект затрагивает анализ глубинных факторов, лежащих в основе возникновения транспарадигмальных компонентов рассматриваемого ноогенеза на всех уровнях их проявлений и включает определение основных параметров интеллектуального освоения макроисторической реальности, а также изучение механизмов возникновения знания как такового;
- в-четвертых, самостоятельный аспект рассматриваемой проблематики представляет вопрос установления масштабов и критериев, используемых для фиксации транспарадигмальных компонентов частного, среднего и общего уровней;
- в-пятых, отдельного рассмотрения заслуживает проблема выявления и буквальной фиксации названных компонентов;
- в-шестых, решения требует вопрос определения ключевых признаков, применяемых при составлении их исчерпывающих классификаций и типологий;
- в-седьмых, перспективное направление исследований представляет анализ траекторий развития, а также логики периодических реанимаций и угасаний транспарадигмальных компонентов всех уровней;
- в-восьмых, особого внимания заслуживает вопрос изучения общей логики образования целостных концептов макроистории, в контексте которого находит свое проявление проблема паттернов организации, лежащих в основе рождения многочисленных макроисторических гештальтов;
- и, наконец, решения требует вопрос сочетания теоретико-методологических установок транспарадигмального и парадигмального подходов в рамках одного подхода, позволяющего отслеживать развитие структурных компонентов ноогенеза в контексте фиксации поступательного развития данного знания.

Рассмотрение обозначенного комплекса аспектов, связанных с разработкой и применением транспарадигмального подхода к изучению различных тенденций и закономерностей развития знания о макроистории, уместно осуществить поэтапно, однако не в строгом соответствии с представленным перечнем, так как названные аспекты транспарадигмальной проблематики носят системный характер, и раскрытие содержания многих из них сопрягается с анализом других компонентов. Начать следует с рассмотрения вопросов, касающихся предельных оснований формирования макроисторических представлений. Важность этого исследовательского аспекта выражена в том, что изучение развития знания в той или иной сфере интеллектуальной деятельности предполагает рассмотрение данного процесса в контексте его включенности в ноогенез большего порядка, выступающего своеобразным контекстом. Относительно макроисторического знания отмеченный контекст представлен

развитием ноогенетических комплексов, лежащих в основе общих или предельных представлений о мире.

Далее целесообразно выйти на проблему паттернов организации, лежащих в основе формирования целостных макроисторических представлений, поскольку отмеченные феномены играют важную роль в развитии данного знания и представляют собой различные варианты логики образования макроисторических целостностей на основании сопряжения структурных компонентов изучаемого ноогенеза. Обозначив проблему паттернов, необходимо перейти к анализу глубинных оснований развития знания о макроистории. Данный исследовательский вектор предусматривает анализ элементарного уровня возникновения не только макроисторических представлений, но и затрагивает существенные вопросы возникновения знания как такового.

Затем следует перейти к характеристике вопросов, связанных с анализом транспарадигмальных компонентов частного и среднего уровней, и, наконец, сосредоточиться на рассмотрении вопросов возникновения и развития транспарадигмальных целостностей, попутно освещая весь комплекс представленных аспектов рассматриваемой проблематики.

Глава 3. МАКРОИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА КАРТИНЫ МИРА

Вопрос установления статуса и контекстуальной обусловленности знания о макроистории в общих ноогенетических концептах мироздания является достаточно важным. В первую очередь, отмеченный исследовательский вектор направлен на фиксацию максимальных рамок макроисторического мышления, в контексте которых проявляется функциональное своеобразие и роль данного знания.

Кроме того, изучение контекстуальной сферы рассматриваемого знания обусловлено тем, что его предельные основания, рождаемые в пространстве философии истории и воздействующие на оформление макроисторических концепций в предметной сфере исторической науки, либо создаваемые непосредственно в дисциплинарных областях знания, не охватывают весь спектр существующих трактовок макроистории, возникающих на уровне изначальных предпосылок рождения макроисторических представлений в сознании человека. Дело в том, что определенная степень понимания макроистории формируется в том числе и в тех сообществах и культурах, в которых не возникла не только философия истории, но и наука как таковая. Более того, представления об истории возникают на уровне мировоззрения фактически одновременно с появлением культуры, включая ее самые ранние стадии, соответственно, еще до того момента, как культура станет способна на полноценную саморефлексию. В результате вырисовывается область формирования макроисторических представлений, опережающая их концептуализацию в философском и научном знании. Названная область выражена в богатом перечне целостных картин мироздания, созданных человеком на протяжении истории культуры и включающих в качестве необходимого элемента макроисторическую проблематику. На этом основании можно констатировать, что *макроисторические представления являются частью знания, возникающего в процессе осмысления мира человеком в неизбежном порядке*. Данная включенность макроисторической проблематики в общую структуру миропонимания позволяет определить ее специфические стороны, выраженные в обеспечении представлений о месте и роли человека в мироздании, на уровне его структурной организованности и временных изменений.

Таким образом, первые концепты макроистории формируются на уровне мировоззрения, как только в рамках той или иной культуры начинает вырисовываться способность к целостному осмыслению мира.²³ Далее, отмеченное знание устойчиво сохраняется и сопричастствует в своих вариациях (если таковые возникли) в картинах мира тех или иных культур, оказывая влияние на развитие макроисторических представлений в контексте философского и науч-

²³ Отмеченная способность фиксируется в истории древнейших культур, начиная с эпохи неолита. Именно на данном историческом этапе человек овладевает зрелым абстрактным мышлением, на уровне построения операциональных группировок интеллекта. Материалом для выявления и изучения указанных концептов, в первую очередь, служат памятники неолитического искусства, свидетельствующие о возникновении целостных представлений о мироздании в сознании неолитического человека.

ного познания. Разумеется, представления о макроистории заполняют далеко не все содержание картины мира, а лишь ее часть, однако эта часть присутствует в картине мира в обязательном порядке, опережая концептуализацию макроисторических представлений в отраслевом знании. Данные обстоятельства, позволяющие вести речь о существовании «макроисторической компоненты картины мира», фактически тождественной максимально возможному объему гештальта макроистории, делают задачу изучения сущности и специфики отмеченного феномена достаточно востребованной и актуальной. Изучение макроисторической компоненты картины мира уместно начать с рассмотрения общей характеристики картины мира как таковой.

По существу, *картина мира* – это первый ноогенетический концепт реальности, формирующийся в сознании человека в обязательном порядке. Картина мира определяет весь спектр взаимодействий человека с вмещающей средой и задает основные векторы развития его познавательных способностей.

Функциональные истоки картины мира можно отследить, рассматривая сущностные стороны развития знания о мире, возникающего в контексте жизнедеятельности человека на уровне ноогенетических целостностей, имеющих адаптивную природу. В данном случае следует подчеркнуть, что взаимодействуя с миром, человек формирует его целостный образ в любом случае, просто потому, что такова изначальная логика развития его когнитивной сферы. Реализуя данное качество познавательного процесса, субъект, осваивая вмещающее пространство при помощи создаваемых им ноогенетических структур, создает их «группировки» и в итоге формирует целостные концепты знаний. Наличие отмеченных ноогенетических единств, представляющих основу картин мира, являясь безусловной характеристикой сознательного взаимодействия человека с вмещающей средой, обнаруживает себя уже на самых ранних этапах развития культуры. Более того, создание данных комплексов знаний может не требовать специальных усилий, поскольку оперирование интеллектуальными целостностями заложено в природу сознания человека на уровне его априорных качеств. В отмеченном ракурсе картина мира предстает как надгенетический когнитивный комплекс, обеспечивающий наиболее общие представления о вмещающей реальности и, соответственно, синхронизацию «ритмов» существования человека с «ритмами» среды в процессе адаптации.

Логика формирования картины мира определяется, в первую очередь, условиями «проблемной ситуации», с которой сталкивается человек в процессе адаптации, а также текущим состоянием его приспособительного инструментария. Исходя из того, что человек – существо, ведущее коллективный образ жизни, можно заключить, что параметры и масштабы картины мира, а также механизмы ее создания, трансляции и мутаций определяются «когнитивной сферой» человеческих сообществ. И, поскольку высшей формой надгенетических адаптивных структур человеческого общества является культура, уместно заключить, что картина мира является ее первичной ноогенетической целостностью, иначе говоря, базисным концептом, представляющим синкретичное начало для развития отраслевого знания. Подобный ракурс позволяет рассмат-

ривать картину мира как исходный пункт, детерминирующий развитие и дифференциацию ноогенетической активности у представителей всех культур. В рамках данного вопроса показательным мнением М. С. Кагана, отводящего картине или «модели мира» роль интегрального элемента для идентификации типологического своеобразия различных культур, так как "... модель мира включает в качестве неперменных компонентов определенную «онтологическую гипотезу» – концепцию *отношения человека к миру <...> и к самому себе ...*".²⁴ И далее автор отмечает, что модель мира включает "... принципы иерархизации ценностей и парадигмы научного познания ...".²⁵ В отмеченном ключе характеризует статус картины мира В.С. Степин, отмечая, что мировоззренческий образ мира "... это не только осмысление мира, знание о мире, но одновременно система ценностей, определяющая характер мироощущения, переживания мира человеком, определенную оценку тех или иных его событий и явлений и соответственно активное отношение человека к этим событиям".²⁶

Представленный подход, направленный на фиксацию базисного статуса картины мира в развитии и дифференциации знания, позволяет говорить о том, что наряду с общими представлениями о мире, в качестве необходимого элемента мироустройства, картина мира, несмотря на свой внутренний синкретизм, должна содержать и макроисторическую компоненту. Иначе говоря, представления о макроистории входят в базисную часть знаний о мире, обеспечивающих саму возможность взаимодействия человека с окружающей действительностью.

В анализе данного вопроса, в первую очередь, обращает на себя внимание научное наследие О. Шпенглера, известного своей теорией организменного развития культуры. Именно в работах данного автора содержится теоретико-методологический фундамент, позволяющий вести речь о наличии макроисторической компоненты картины мира. На первый взгляд, подобный акцент может показаться неожиданным, в связи с тем, что О. Шпенглер известен, в основном, как автор достаточно ясной и простой для понимания модели истории, реализующей логику рождения, расцвета и умирания различных организмов культуры посредством их перехода в стадию цивилизации. Однако отмеченный уровень понимания работы О. Шпенглера отражает устойчиво существующую тенденцию упрощения его концепции.

Дело в том, что существует ряд факторов, ведущих к распространению поверхностных трактовок теории автора не только в научно-популярной сфере, но и в области большой науки. В частности, одной из причин нивелировки научного наследия О. Шпенглера является то, что «Закат Европы» создавался в период коренной ломки парадигмальных устоев классического знания, ко-

²⁴ Художественная культура в докапиталистических формациях: Структурно-типологическое исследование / Науч. ред. М.С. Каган; Ленингр. гос. ун-т им А.А. Жданова. – Л.: ЛГУ, 1984. – С. 79.

²⁵ Там же: С. 79.

²⁶ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 14.

гда целью исследования становилось в первую очередь опровержение традиционных научных стратегий и практик, а не создание новых ноогенетических конструктов. Реализуя отмеченные тенденции, О. Шпенглер со свойственным ему пафосом изложения материала констатировал, что ему удалось создать исчерпывающий гештальт истории и сформировал достаточно весомую «апологетику» вокруг собственной «альтернативной теории». Тем самым, автор «нанес удар» по европоцентристской картине макроистории, шокировав этим современников. Однако данная «апологетика», по сути, оттенила теоретико-методологические изыскания О. Шпенглера в области постижения истории, сместив акценты с общих аспектов теории познания истории на ее авторский «гештальт». В итоге относительно наследия О. Шпенглера сформировалось устойчивое противоречие. Так, с одной стороны О. Шпенглер предложил достаточно ясную теорию развития знания в области постижения истории, предполагающую ее многовариативное осмысление в контексте разных культур. С другой стороны, исследователь сам представил ее «единственно верную» и «исчерпывающую» интерпретацию. В результате в оценках научного наследия автора выбор был сделан в пользу последнего аспекта. Помимо сказанного, еще одной причиной нивелировки наследия О. Шпенглера является то, что язык «Заката Европы» по большей части был рассчитан на массовую аудиторию, нежели на рафинированную научную публику. В результате относительно содержания его работы был сформирован целый слой упрощенных и адаптированных для массового восприятия трактовок, глубоко засевших в научно-популярной, учебной и даже научной литературе.

Итак, если отбросить упрощенные варианты трактовок содержания «Заката Европы», становится очевидно, что работа автора содержит ряд до сих пор по-настоящему не оцененных теоретико-методологических установок, направленных на постижение вопросов работы сознания в процессе овладения макроисторической реальностью.

В частности, в трактовке О. Шпенглера, процесс познания мира строится посредством создания его «гештальтов» со стороны познающего субъекта. Гештальты в данном видении предстают как целостные «образы» мира или ноогенетические конструкты, возникающие в обязательном порядке в ходе освоения мира человеком. Процесс создания отмеченных гештальтов, согласно О. Шпенглеру, носит многовариативный характер и тесным образом связан с субъективной стороной познания в целом. Так, анализируя природу гештальтов, автор отмечает, что данные образы "... вовсе не обязательно являются *действительностью*",²⁷ поскольку "Различен лишь глаз, в котором и через который осуществляется этот мир".²⁸ В таком исследовательском ракурсе пространство познания концептов мира предстает как достаточно внушительная совокупность его различных гештальтов или целостных образов, созданных человечеством на протяжении ноогенеза, ставя в центр внимания

²⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006. – С. 163.

²⁸ Там же: С. 163.

не сам мир, а процесс его многовариативного освоения субъектом, порождающего различные ноогенетические формообразования.

Анализируя основные способы познания мира, О. Шпенглер, опираясь на научное наследие Иоганна Вольфганга Гете, пришел к выводу, согласно которому на самом общем уровне для человека существуют "... две крайние возможности упорядочения окружающей действительности в картину мира",²⁹ а именно, – понимание мира с позиций «мир-как-природа» и «мир-как-история». Характеризуя качественную разницу отмеченных способов или стратегий освоения мира, О. Шпенглер отмечает, что первая стратегия, основанная на восприятии «мира-как-природы», характеризуется тем, что "... человек высоких культур сообщает единство и значение непосредственным впечатлениям своих чувств".³⁰ Вторая стратегия, основанная на восприятии «мира-как-истории», опирается на то, что фантазия познающего субъекта "... стремится постичь живое бытие мира по отношению к собственной жизни и тем самым интенсифицировать ее действительность".³¹ Таким образом, Шпенглер констатировал наличие двух принципиально разных способов познания, отделяя "... органическое восприятие мира от механического, совокупность гештальтов от совокупности законов, образ и символ от формулы и системы, однократно-действительное от постоянно-возможного, цель планомерно упорядочивающей фантазии от цели целесообразно разлагающего опыта ...".³²

Тем не менее, при всей своей противоположности данные способы восприятия мира, не имея точной границы между собой, тесным образом взаимосвязаны и всегда соприсутствуют в каждом акте познания. Соответственно, в определении доминант познавательных стратегий у того или иного субъекта, речь можно вести лишь о степени преобладания одного способа овладения миром над другим. Данное преобладание является непременным атрибутом познавательной активности субъекта, так как "В каждом человеке, в каждой культуре, на каждой культурной стадии встречается изначальная предрасположенность, изначальная склонность и предназначение отдавать предпочтение одной из двух форм в качестве идеала миропонимания".³³ По мнению О. Шпенглера, вопрос предпочтения того или иного способа овладения миром со стороны субъекта, является первовопросом всякого человеческого существования и зависит от сложной совокупности факторов самой различной природы, лежащих в основе восприятия и толкования мира, у представителей различных культур на тот или иной период времени. К таковым факторам можно отнести уровень развития культур, характер потребностей человека, а также историческое своеобразие «проблемных ситуаций», обуславливающих сущность и специфику познавательной активности субъекта, отдающего предпочтение тем или иным стратегиям освоения мира.

²⁹ Там же: С. 298.

³⁰ Там же: С. 163.

³¹ Там же: С. 163.

³² Там же: С. 160.

³³ Там же: С. 301.

На первый взгляд может показаться, что указанный подход в трактовках природы ноогенеза крайне субъективирован и ставит под сомнение процесс поиска «абсолютной истины» как основной цели научного познания. В данном случае сразу следует подчеркнуть, что Шпенглер, достаточно жестко критикуя традиции классической научной парадигмы, все же не сводит познание к бессмысленным «играм разума». Познание в трактовках О. Шпенглера, – это, скорее, способ и результат взаимодействия субъекта с миром, нежели процесс поиска «абсолютной истины». Разумеется, фактор субъективизации в понимании О. Шпенглером сущности и специфики познания, особенно в контексте стратегии «мир-как-история», достаточно высок и таит в себе опасности «анархизма». Однако сравнительная характеристика указанных стратегий в концепции О. Шпенглера показывает, что, по сути, автор противопоставляет два способа освоения мира в контексте сущностных характеристик познавательных практик гуманитарного и негуманитарного знания.

В частности, анализ работы Шпенглера позволяет заключить, что основные способы освоения мира, не проявляясь в «чистом виде», как правило, соприсутствуют в сознании познающего субъекта в различных пропорциях, составляя общую картину мира. Кроме того, по мнению автора, история является изначальной формой мира и характерна для всех культур с момента их становления, "... а природа, в смысле некоего усовершенствованного мирового механизма, *поздняя* форма мира, доступная фактически лишь человеку зрелых культур".³⁴ На этом основании О. Шпенглер утверждает, что каждая культура, достигая определенной стадии зрелости, в силу своего устройства и конкретно-исторических обстоятельств обладает индивидуальным способом видения и познания «мира-как-природы», однако "... в еще более высокой степени у каждой культуры, а в ней с незначительными различиями и у каждого отдельного человека есть исключительно собственный тип истории, в картине и стиле которой он непосредственно созерцает, чувствует и переживает общее и личное, внутреннее и внешнее, всемирно-историческое и биографическое становление".³⁵ Более того, способность создавать гештальты «мира-как-природы» оценивается О. Шпенглером как достаточно редкий способ овладения действительностью, проявляющийся в городской среде на поздних и даже старческих стадиях развития организма культуры. В свою очередь гештальты «мира-как-истории» свойственны всему человечеству и возникают в культурах уже на самых ранних стадиях развития, причем их возникновение происходит само собой и менее сознательным способом, нежели того требует создание гештальтов «мира-как-природы».

Предпринятый О. Шпенглером анализ диспозиции «мир-как-история» и «мир-как-природа», с соответствующими стратегиями их освоения, позволил автору поставить познание макроисторической реальности на более высокую ступень по отношению к исторической науке, направленной на фиксацию четких хроноструктурных последовательностей и причинно-следственных цепочек.

³⁴ Там же: С. 303.

³⁵ Там же: С. 345.

чек. В результате макроисторическая проблематика была выведена Шпенглером на мировоззренческий уровень, получив статус обязательной компоненты картины мира, формирующейся во всех культурах, включая древнейшие стадии культурогенеза. Исходя из данного статуса макроисторической компоненты, можно заключить, что *ноогенетических концептов макроистории на мировоззренческом уровне существует как минимум столько, сколько существует картин мира.*

Итак, согласно О. Шпенглеру, познание мира, включая мир-как-историю, строится на принципах целостных фиксаций его гештальтов. Учитывая всю сложность адекватного перевода научного термина «gestalt» на русский язык, можно констатировать, что в трактовке Шпенглера значение указанного термина гораздо шире его распространенных психологических толкований, связанных с распознаванием зрительных образов. Данные упрощенные трактовки гештальта в настоящее время доминируют в обыденном знании и пространстве массовой культуры, тем самым нивелируя сложное семантическое поле рассматриваемого термина. На этом основании важно сделать акцент на то, что в своей работе О. Шпенглер использует термин «гештальт», опираясь на его анализ, содержащийся в трудах Гете. В свою очередь, трактовку гештальта со стороны Гете можно высветить в контексте осуществленной им критики традиционного значения слова «gestalt», направленного на отражение статичных и законченных форм бытия какого-либо существа. В результате предпринятой Гете критики смысловое пространство гештальта было расширено автором до уровня, включающего изменчивость и пластичность названных форм. Данное семантическое обогащение термина гештальт в дальнейшем позволило Шпенглеру, при рассмотрении процесса возникновения гештальтов мира-как-истории, сделать акцент на изменчивости феноменологии исторической реальности, которая, находясь в постоянных преобразованиях, переходит из одного состояния в другое. Кроме того, в представленной О. Шпенглером интерпретации процесса возникновения рассматриваемых гештальтов особую роль получил сам субъект, а именно, его способность смотреть на мир поразному, порождая его различные версии, поскольку "... каждый наблюдатель сообразно своим задаткам получает от одного и того же предмета, от одного и того же фактического материала различное *впечатление* целого, неосознаемое и не поддающееся передаче, которое лежит в основе его суждения и придает последнему личную окраску".³⁶ В итоге процесс возникновения гештальтов мира-как-истории, в трактовке Шпенглера, попал в зависимость от двух переменных. Первая из них выражается в изменениях конкретно-исторической реальности, принимающей те или иные формы. Вторая переменная связана с определяющей ролью восприятия реальности со стороны познающего субъекта, так как "Способность переживать текущую историю и способ ее переживания, главным образом переживания в ней и своего собственного становления, весьма различны у разных людей".³⁷

³⁶ Там же: С. 300.

³⁷ Там же: С. 344.

Таким образом, процесс создания гештальта «мира-как-истории» предстает как момент фиксации «ноогенетической целостности» (Gst), возникающей в сознании субъекта (S) на фоне взаимодействия с макроисторической реальностью (R), причем определяющая роль в этом процессе отводится самому субъекту, перебирающему различные способы овладения окружающим миром в процессе ноогенеза (рис. 3).

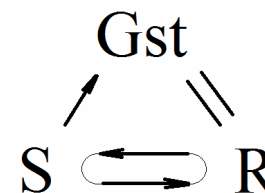

Рис. 3.

Согласно отмеченной логике, любой субъект, взаимодействуя с миром, вырабатывает собственный мировоззренческий гештальт макроистории. На этом основании можно констатировать, что гештальтов макроистории на уровне отдельных культур существует минимум столько, сколько их существовало на протяжении истории культуры; аналогичную ситуацию можно зафиксировать на уровне культурных общностей, этносов, групп, вплоть до уровня отдельного человека. Следует отметить, что формирование макроисторических представлений отдельного человека происходит в контексте «фоновых» влияний общего гештальта, созданного на уровне культуры. В результате воздействия данного гештальта человек конкретизирует, дополняет, либо упрощает его, формируя собственную версию макроистории. Однако в некоторых, достаточно редких случаях, отдельный человек, если оказывается в состоянии, предлагает исключительно собственный гештальт макроистории.

В целом, гештальты «мира-как-истории», представляя собой своеобразные «знаки» или вариации на тему отражения его действительной формы, всякий раз претендуют на предельное объяснение исторической реальности, но, реализуя познавательные потребности тех или иных культур, все же не достигают этого уровня. По данному поводу Шпенглер констатирует, что нам и сегодня известны лишь некоторые формы истории, "... а не *сама* форма, точная копия *нашей* внутренней жизни".³⁸ Но, несмотря на то, что множество существующих гештальтов истории не отражают ее истинную сущность, они вполне справляются с этой ролью в контексте культур, внутри которых они сформировались. Исходя из отмеченных особенностей познания «мира-как-природы» и «мира-как-истории», О. Шпенглер делает важный теоретико-методологический вывод, указывая на перспективность переноса исследовательского акцента с анализа исторического материала в контексте какого-либо одного гештальта на сравнительное изучение различных форм объяснения истории.

Таким образом, определив статус макроисторической компоненты как первичной и обязательной части картины мира, вполне сопоставимой с мак-

³⁸ Там же: С. 175.

симально возможным объемом создания соответствующих гештальтов, можно перейти к рассмотрению теоретических вопросов, связанных с выявлением особенностей и закономерностей, лежащих в основе ее формирования и развития. Анализ отмеченных вопросов уместно провести, разделив их на две группы, в частности на те, которые касаются изначально данных (или «стартовых») оснований формирования макроисторической компоненты и на те, которые затрагивают приобретенные основания ее генезиса. В таком ракурсе изначально данные основания обеспечивают саму возможность постижения мира; в свою очередь, приобретенные основания развития знания, будучи вероятнее всего многообразными и сложными, обуславливают различия в трактовках мироздания. Так, по мнению О. Шпенглера, сфера приобретенного знания определяется, в первую очередь, культурой, налагающей отпечаток на сознание всех своих представителей, поскольку помимо изначально данных условий познания "... в основе всякого мышления лежит еще и совершенно иная необходимость формы, которой человек со всей самоочевидностью подчинен именно как член этой вот, и никакой иной, культуры".³⁹

Изначальные или стартовые основания формирования макроисторической компоненты картины мира находят свое проявление в генетической обусловленности познавательного процесса, иначе говоря – в сферах, связанных с устройством высшей нервной деятельности человека. В данном случае речь идет о том, что способность человека осваивать окружающий мир не является исключительным достоянием отдельных обществ и личностей. В первую очередь, отмеченная способность подкреплена генетической обусловленностью видового единобразия *Homo sapiens*. В частности, данное положение находит свое обоснование в работах Дж. Брунера,⁴⁰ Ф. Боаса,⁴¹ К. Леви-Стросса,⁴² М. Коула и С. Скрибнер,⁴³ согласно которым между представителями различных рас и этносов не наблюдается качественных различий относительно их изначально или стартовых познавательных способностей.

Обозначенное единообразие, выраженное в тождестве высшей нервной деятельности у представителей вида, является своеобразным фундаментом или общим базисом для развития ноогенетических структур человека. Данный фактор, являясь достаточно важным элементом теории познания, позволяет говорить не только об общности исходных оснований познавательного процесса у представителей вида, но и о принципиальном тождестве внутривидовых механизмов развития интеллектуальных способностей, включая особенности

³⁹ Там же: С. 250.

⁴⁰ См. Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера, Р. Олвер и П. Гринфилд; Перевод с англ. М.И. Лисиной. – М.: Педагогика, 1971. – 392 с.

⁴¹ См. Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Водена; Сост. Т.А. Фолиева и О.А. Шинкарь. – Волгоград: Независимый научно-исследовательский центр, 2006. – 200 с.

⁴² См. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.

⁴³ См. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк / Перевод с английского канд. психол. наук П. Тульviste; Под редакцией и с предисловием действительного члена АПН СССР А.Р. Лурья. – М.: Прогресс, 1977. – 262 с.

функционирования сознания. Иными словами, можно заключить, что люди познают так, а не иначе в силу своего видового единства. В рамках данного вопроса показательное мнение Карла Густава Юнга, отмечавшего, что "Психика любого отдельного индивида содержит в себе, помимо личных реминисценций, и великие «изначальные» образы <...>, т.е. врожденные возможности извечного существования человеческих представлений".⁴⁴ Одним из лучших примеров аргументированного и последовательного изучения общей логики развития познавательных способностей человека являются работы Жана Пиаже, в которых автор достаточно подробно описал длительный путь, содержанием которого является развитие всех компонентов высшей нервной деятельности у представителей вида, включая эволюцию интеллекта.⁴⁵

Указанные характеристики сущностных сторон познавательного процесса позволяют констатировать, что равенство изначально данных оснований познания мира делает возможным выявление общих ноогенетических механизмов, используемых субъектом в ходе создания макроисторической компоненты картины мира.

Отталкиваясь от общих принципов и механизмов рождения нового знания (которые будут рассмотрены в последующих главах), вполне уместным и достижимым представляется решение вопроса описания «ноогенетической матрицы», лежащей в основе генезиса макроисторической компоненты картины мира. Относительно названной матрицы можно констатировать, что ее пространственно-временной диапазон охватывает весь объем существующих взаимодействий между человеком и средовым фактором, включая воображаемое пространство и время. В отмеченном диапазоне человек определяет так называемые «базисные регулярности» мира, как правило, лежащие в основе его реального функционирования и обеспечивающие жизненно важные потребности человека. Далее происходит наделение мира-как-истории смыслом и ценностным отношением со стороны познающего субъекта. Параллельно со всеми отмеченными процессами осуществляется обрастание базисной регулярности частными идеями или фрагментарными представлениями о мире. В результате формируется целостный концепт или максимальный гештальт, дающий объяснение макроистории на уровне мировоззрения. Разумеется, описанный процесс рождения макроисторической компоненты строится на постоянном сочетании как изначально, или генетически обусловленных факторов, определяющих ход познавательного процесса, так и приобретенных оснований генезиса знания. Однако сама рассмотренная матрица проявляет себя однообразно у всех представителей вида.

И, наконец, стартовые основания формирования макроисторической компоненты обусловлены самой реальностью, так как, несмотря на все богатство ее феноменологии, реальность объективна и непосредственно существу-

⁴⁴ Юнг К.Г. Психика: структура и динамика / К.Г. Юнг; Пер. А.А. Спектор; Науч. ред. пер. М.В. Маришук. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. – С. 21.

⁴⁵ См. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.

ет для всех. Из этого следует, что человечество, познавая мир в контексте уникальных конкретно-исторических ситуаций, все же взаимодействует с одной, общей реальностью. Причем главный инструмент познания данной реальности – сознание – самой реальностью и обусловлен. Соответственно, реальность как таковая лежит в основе изначально равенства участников процесса познания, и сводить появление ее многочисленных интерпретаций к бессмысленным «экзистенциям» разума нет никаких оснований.

В сфере анализа приобретенных факторов, оказывающих влияние на ноогенез, дело обстоит гораздо сложнее, нежели в сфере стартовых условий процесса познания. Анализ приобретенных оснований генезиса макроисторической компоненты картины мира касается всего спектра исторически конкретных факторов, так или иначе непосредственно влияющих на ход познавательного процесса.

В первую очередь, в числе отмеченных факторов необходимо назвать феноменологию конкретно-исторической реальности, в которой создается макроисторическая компонента картины мира. Отмеченная феноменология носит сложный характер и состоит из множества аспектов. В частности, достаточно серьезное влияние на формирование макроисторических представлений оказывает характер непосредственного взаимодействия человека с вмещающей реальностью, основанный на сочетании потребностей культуры и возможностей их реализации в определенной среде. В данном аспекте наибольший интерес представляют работы М.С. Кагана, создавшего достаточно аргументированную и ясную теорию, согласно которой весь строй культуры определяется спецификой ее деятельностных оснований. В контексте указанной теории М.С. Каган осуществил анализ представлений о мире, формируемых в номадических, земледельческих и ремесленных культурах, обозначив строгую взаимосвязь специфики отмеченных представлений от характера культурных потребностей и возможности их реализации в среде.⁴⁶ Кроме того, непосредственное влияние на формирование мировоззренческих трактовок истории оказывает специфика ландшафта и климатические особенности местности, где происходит адаптация человека. Достаточно подробно отмеченные зависимости были изучены Л.Н. Гумилевым, в контексте анализа формирования макроисторических представлений на уровне этносов, включая особое понимание времени и пространства.⁴⁷

Другим фактором, оказывающим непосредственное влияние на генезис представлений о макроистории, является состояние различных процессов внутри самой культуры. Дело в том, что культура, являясь «второй» природой, представляет для человека специфическую форму реальности, феноменология которой определяет понимание мира в меньшей степени, чем «первая» природа. В результате характер внутрикультурных процессов ста-

новится основой для создания трактовок общего мироустройства со стороны человека, включая понимание макроистории. Относительно уровня влияния феноменологии «первой» и «второй» природы на формирование макроисторической компоненты существует определенная закономерность, согласно которой изначально решающее значение на генезис макроисторических представлений оказывает «первая» природа. Происходит это до тех пор, пока степень зависимости культуры от природного фактора сохраняет решающее значение. Данная тенденция в обязательном порядке проявляется в культурах, ведущим деятельностным основанием которых является собирательство, скотоводство или земледелие. Однако по мере развития культуры и преодоления ею решающей зависимости от природного фактора, степень влияния внутрикультурных процессов на формирование макроисторической компоненты невероятно возрастает. В первую очередь, названная закономерность проявляется в культурах, ориентированных на доминанту ремесла.

Также, в вопросе определения факторов, влияющих на формирование мировоззренческих гешталтов макроистории, надлежит обратить внимание на состояние и уровень развитости самих ноогенетических структур, в контексте которых формируются те или иные макроисторические представления. В данном аспекте влияние прошлого ноогенетического опыта, направленного на понимание мира-как-истории, и представляющего собой своеобразную «копилку» его трактовок, учитывать просто необходимо. Отмеченные трактовки служат отправными точками познания, в тех ситуациях, когда субъект, осмысливая реальность, оказывается в условиях, схожих с теми, в которых были созданы уже существующие гешталты. Следует учесть, что в некоторых ситуациях субъект проявляет склонность к буквальному заимствованию макроисторических компонент картин мира прошлых эпох, не прибегая к их критическому анализу. Однако, в большинстве случаев, влияние эволюции ноогенетических структур на формирование макроисторических представлений строится посредством обогащения и усложнения уже существующих гешталтов макроистории, либо создает интеллектуальные предпосылки для создания новых макроисторических компонент.

Открытие множества гешталтов мира-как-истории, возникших в результате влияния приобретенных факторов на познавательный процесс и определивших его постижение представителями различных культур на долгое время, привело О. Шпенглера к принципиальному выводу, согласно которому «... в пределах подлежащей нам истории существует множество познавательных *стилей* ...».⁴⁸ Соприсутствие данных стилей или форм познания Шпенглер воспринимал как фатальную историческую необходимость, позволяющую преодолеть единомыслие в вещах, которое служит скорее фактором всеобщего заблуждения, нежели отражает истинные цели науки. Данный подход позволил О. Шпенглеру утверждать, что истинная природа познавательного процесса может быть раскрыта только посредством сравнительной

⁴⁶ См. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. 2-е издание. – СПб.: Петрополис, 2003. – С. 137-166.

⁴⁷ См. например: Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий географического общества СССР. – Вып. 15. Этнография. – Л., 1970. – С. 143-157.

⁴⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006. – С. 251.

морфологии различных форм познания. Именно в этом направлении исследований автор видел основную задачу, решение которой еще только предстояло западному мышлению. Однако, своеобразным парадоксом «Заката Европы» явилось то, что О. Шпенглер, сформулировав достаточно четкие установки сравнительной морфологии гештальтов истории, призывая к изучению многообразия форм ее толкования и критикуя те из них, которые претендовали на ее окончательное объяснение, сам предложил «исчерпывающий гештальт», постигнув «душу» истории сквозь ее видимые формы. В данном случае уместно предположить, что О. Шпенглер, стремясь «нанести удар» по концепции, господствовавшей в науке несколько столетий и ни у кого не вызывавшей сомнения, предпринял все меры, чтобы обосновать свою точку зрения на природу истории, отчасти в ущерб своим теоретико-методологическим установкам. Но подобное предположение вряд ли прольет свет на истинные мотивы ученого, в некоторых случаях противоречащего самому себе.

Итак, наличие множества гештальтов мира-как-истории, как результатов взаимодействия субъектов различного уровня с макроисторической реальностью, говорит о том, что феномен параллельного сосуществования различных способов объяснения макроистории в тот или иной момент развития науки является сущностной стороной рассматриваемого ноогенеза, иначе говоря, познание макроистории многомерно по сути.

Однако после выхода «Заката Европы» обозначенные О. Шпенглером теоретико-методологические аспекты сравнительной морфологии гештальтов истории, по большей части, не получили развития, поскольку отмеченная автором проблематика, как уже было указано выше, растворилась в упрощенных трактовках его основного труда. В результате научное сообщество, пройдя сквозь полосу затяжного кризиса знания первой половины XX века, в основном сохранило верность установкам классической научной парадигмы, выраженную в направленности на поиск исчерпывающего объяснения истории, не развивая эвристический потенциал обозначенных О. Шпенглером идей. В контексте неклассической научной парадигмы 40-х – 60/70-х годов XX столетия идеи сравнительной морфологии гештальтов истории также не получили продолжения. И лишь в период господства постнеклассической парадигмы 70-х годов XX – начала XXI века обозначился рост научного интереса к указанной проблематике.

В контексте современных исследований многомерного постижения макроистории обращает на себя внимание «культурно-интеллектуальная история» – относительно новое направление исследований, касающееся некоторых аспектов сравнительной морфологии гештальтов макроистории. Причиной формирования данного направления явился кризис познавательных практик собственно интеллектуальной истории, вследствие чего, по мнению Л.П. Репиной, «... сфера интересов интеллектуальной истории, изучавшей творческое мышление и новаторские идеи интеллектуалов, распространилась на проблематику культуры в ее антропологическом понимании, на категории сознания, мифы, символы,

языки, в которых люди осмысливают свою жизнь».⁴⁹ В результате данного «расширения», проект культурно-интеллектуальной истории включил в свое предметное поле «... анализ мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации окружающей природы и социума, всех форм, средств, институтов интеллектуального общения, а также их взаимоотношений с «внешним» миром культуры».⁵⁰ Отмеченный исследовательский ракурс позволяет констатировать, что историческое развитие представлений об истории содержит массу ее вариантов, возникающих вследствие односторонних «искажений» реальности в сознании представителей той или иной эпохи, в контексте которой формируются «истинные» представления о тех или иных событиях, включая макроисторию. Изучение отмеченных «преломлений» реальности, фактически представляющее собой комплексный анализ исторических условий возникновения гештальтов макроистории, формирующихся в контексте той или иной эпохи, имеет большую эвристическую ценность и, согласно мнению Л.П. Репиной, позволяет установить, «Как люди воспринимали события (не только их личной или групповой жизни, но и Большой истории), современниками или участниками которых они были, как они их оценивали, каким образом хранили информацию об этих событиях, так или иначе интерпретируя увиденное или пережитое – все это представляет огромный интерес».⁵¹

Тем не менее, в целом исследования, направленные на изучение феномена многомерного постижения истории, имеют достаточно скромную степень распространенности в научных кругах, по всей вероятности, по причине достаточно сильного несоответствия парадигмальным установкам исторической науки XX – XXI вв. Исходя из данной ситуации, приходится констатировать, что сфера субъективных интерпретаций макроистории все еще является малопривлекательной для ученых-историков, сохраняя статус «особой» предметной области, угрожающей утопить исследовательский интерес в потенциально бесконечных «играх разума». Однако, «игры разума», о которых идет речь при создании трактовок макроистории, представляют собой не только процесс «нащупывания» единственно верной интерпретации исторического процесса, но, кроме того, позволяют различным субъектам вполне успешно адаптироваться к тем или иным проявлениям конкретно-исторической реальности. Отмеченный адаптивный аспект, лежащий в основе многомерного постижения макроистории, выражается в том, что субъект, приспосабливаясь к определенной конкретно-исторической реальности в контексте той или иной культуры, создает соответствующие ноогенетические структуры (историческую компоненту картины мира или гештальты истории), позволяющие ему успешно взаимодействовать со средой, стремясь к равновесному сосуществованию с ней. В указанном ракурсе изучение феномена многомерного постижения макроистории приобретает особый статус.

⁴⁹ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 4.

⁵⁰ Там же: С. 4.

⁵¹ Там же: С. 6.

Завершая анализ сущности и специфики макроисторической компоненты картины мира, в первую очередь, надлежит отметить особую роль О. Шпенглера в разработке теоретико-методологических оснований изучения данного феномена. В частности, анализ его работ позволяет заключить, что макроисторическая компонента существует как обязательный (причем, не всегда осознаваемый субъектом) и первичный компонент картины мира, представляя собой максимально объемный и интегрированный в общие представления о мире гештальт мира-как-истории. Специфика макроисторической компоненты проявляется в том, что она, представляя собой «предельный» уровень понимания макроистории, создает своеобразный «интеллектуальный базис» для развития знаний в области ее постижения на философском и дисциплинарном уровне. Так, на протяжении ноогенеза человечеством было создано большое число макроисторических компонент картины мира, которые в своей совокупности, представляя набор определенных гештальтов мира-как-истории, периодически реанимируются, комбинируются и достраиваются субъектом в процессе интеллектуального освоения конкретно-исторической реальности. Отмеченное множество трактовок макроистории носит вполне закономерный характер, и находит свое обоснование в том, что каждый отдельный гештальт мира-как-истории, созданный в рамках какой-либо культуры, имеет высокую степень соответствия ее внутренним особенностям, а также той грани исторической реальности, с которой данная культура тесно взаимодействовала. В таком ракурсе гештальты макроистории предстают не как фрагменты линейного развития знания в области ее постижения; в данном видении гештальты являют собой различные варианты объяснения истории, «действительные» в строго определенных условиях. В результате, обладая определенным «багажом» макроисторических гештальтов, в зависимости от характера меняющейся конкретно-исторической реальности, субъект способен выбирать те или иные трактовки истории, позволяющие ему наиболее адекватно объяснять реальность и взаимодействовать с ней. Именно на этом факторе основывается феномен одновременного сосуществования различных способов объяснений макроистории в процессе ее постижения субъектом. И, наконец, в становлении и развитии макроисторической компоненты картины мира существуют определенные закономерности, обусловленные как изначальными, так и приобретенными основаниями. Данные характеристики рассматриваемой проблематики создают возможность для дальнейшего изучения феномена многомерности в познании макроистории на уровне ее целостных концепций.

Однако, сама по себе фиксация множества гештальтов макроистории, реализующих процесс нелинейного развития рассматриваемой проблематики, не проливает свет на вопрос логики их внутренней организованности. Учитывая, что макроисторические гештальты представляют собой целостные образования транспарадигмальных компонентов различного уровня, неизбежно возникают вопросы – «Что лежит в основе данных единств? По каким принципам они образуются?». В результате, отмеченные вопросы высвечивают проблему паттернов, лежащих в основе формирования целостных представлений о макроистории.

Глава 4. ГЕШТАЛЬТЫ И ПАТТЕРНЫ МАКРОИСТОРИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Приступая к рассмотрению феномена паттернов, проявляющих себя в изучаемом ноогенезе, следует отметить, что множество гештальтов мира-как-истории, созданных на протяжении развития знания, представляют собой целостности транспарадигмальных структур, в основе образования которых лежит определенная логика. Данная логика обеспечивает сопряжение различных идей частного уровня, а также их фрагментарных сочетаний в системные единства, выступающие в роли концептов макроисторической реальности. Относительно обозначения некоторых аспектов отмеченной логики собственно и применяется термин «паттерн».

Тем не менее, фиксация проблемы паттернов, обнаруживающих себя в процессе образования гештальтов макроистории, содержит ряд трудностей, в первую очередь, выраженных в неустойчивом семантическом пространстве как самих терминов «гештальт» и «паттерн», так и в многообразии феноменов, которые обозначаются указанными терминами. Изучение данного вопроса показывает, что за каждым из рассмотренных терминов стоит целый спектр исследовательских направлений, развивающих те или иные грани проблематики, относящейся к феноменам паттернов и гештальтов. Так, с одной стороны, «гештальт» и «паттерн» имеют общее семантическое пространство, допускающее их синонимичное толкование. С другой стороны, совместное применение указанных дефиниций допускает некоторые семантические различия, которые отражают те или иные грани проблемы возникновения ноогенетических целостностей. Именно в контексте отмеченных смысловых различий и высвечивается феномен паттернов организации, лежащих в основе макроисторических гештальтов.

Исходя из данного положения, представляется уместным рассмотреть основные характеристики проблемы паттернов, обнаруживающих себя в процессе формообразования гештальтов мира-как-истории, посредством раскрытия наиболее оптимального содержания термина «гештальт» применительно к обозначению ноогенетических целостностей, а также посредством подбора смысловой нагрузки «паттерна» в качестве обозначения логики внутренней организованности данных единств.

Кроме того, приступая к изложению материала, следует подчеркнуть, что рассматриваемая проблематика выходит далеко за рамки собственно макроисторического знания и, по сути, носит универсальный характер, поскольку фактор образования целостных представлений о макроистории на уровне ее гештальтов раскрывает определенные ноогенетические закономерности, лежащие в основе родовых признаков интеллектуальной деятельности. В данном случае речь идет о феномене возникновения любых ноогенетических единств, при помощи которых субъект воспринимает познаваемую реальность. Дело в том, что достаточно сформировавшийся интеллект способен воспринимать реальность не иначе, как только через целостности, так как

фрагментарные представления о ней снижают эффективность адаптивных взаимодействий. В основе данного свойства интеллекта лежит его коренная способность, пользуясь терминологией Ж. Пиаже, создавать «операциональные группировки» и, соответственно, ноогенетические целостности. Исходя из отмеченных свойств интеллекта, уместно заключить, что сам факт комплексного «схватывания» реальности, путем объединения различных идей и их сочетаний в системные единства, заложен в основе познавательного процесса на сущностном уровне. Соответственно, и проблема паттернов организации, лежащих в основе образования целостных макроисторических представлений, не является исключительным атрибутом макроисторического знания – данная проблема носит общенаучный характер и находит свое проявление в основе образования любых ноогенетических комплексов.

Итак, переходя к рассмотрению обозначения ноогенетических целостностей как гештальтов, следует подчеркнуть, что наиболее состоятельное смысловое решение данного вопроса принадлежит О. Шпенглеру. Кроме того, помимо О. Шпенглера, термин гештальт для обозначения ноогенетических конструктов использовал Т. Кун. В трактовках данных авторов применение термина гештальт носит достаточно глубокий характер и полностью не сводимо к его популярному в современном научном обиходе пониманию, сформировавшемуся в контексте гештальтпсихологии. Причем, вероятнее всего, психологическая традиция гештальта, как таковая, не оказала влияния на О. Шпенглера в силу своей неразвитости на тот момент истории науки; в свою очередь, Т. Кун в своем понимании гештальта отталкивался от его интерпретаций, существующих в сфере гештальтпсихологии.

В частности, как уже было отмечено выше, в концепции О. Шпенглера семантическая нагрузка термина «гештальт» (нем. *gestalt*) опирается на наследие Гете, подвергнутого критике уже существовавшее ко времени его жизни и творчества значение слова «*gestalt*», используемого в немецком языке для фиксации "... комплекса проявлений бытия какого-нибудь реального существа ...".⁵² Отмеченное значение слова гештальт, по мнению Гете, характеризовалось статичностью и отрешенностью от всего подвижного, акцентом на законченное и прочное установление частей в составе целого. В результате, в работах, посвященных морфологии растений и животных, Гете представил данное смысловое содержание как несостоятельное по причине отсутствия в нем каких-либо факторов изменчивости бытия организмов, отмечая, что "... если мы будем рассматривать все формы, особенно органические, то найдем, что нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного".⁵³ В итоге в контексте критики Гете, гештальт предстал не просто как целостное бытие организма, но и как бытие организма развивающегося.

Отталкиваясь от данного смыслового содержания, «*ноогенетический гештальт*» можно представить как *единство познавательных структур, воз-*

⁵² Гете И.-В. Избранные сочинения по естествознанию / Пер. и коммент. И.И. Канаева; Ред. акад. Е.Н. Павловского. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – С. 11.

⁵³ Там же: С. 12.

нищее в сознании субъекта вследствие его взаимодействия с реальностью. Отмеченное единство выглядит не как застывшее и окончательно сформировавшееся образование, поскольку, будучи основанным на внутренней подвижности и мобильности когнитивной сферы, оно включает в свое бытие фактор изменений различного уровня.

Однако, соблюдая принцип исторической достоверности, важно упомянуть, что начало процесса распространения смыслового содержания термина гештальт, относящегося к предметной сфере психологии и отражающего целостность восприятия формы, было положено за два с лишним десятилетия до выхода «Заката Европы» в работе Христиана фон Эренфельса «О гештальт-качествах», опубликованной в 1890 году. В результате распространения идей Эренфельса и дальнейшей популяризации исследований, направленных на изучение «гештальт-качеств» в психологии, термин гештальт стал медленно, но верно набирать научную популярность. Так, спустя десять лет после выхода работы Эренфельса многие европейские психологические словари еще не содержат данного термина. В частности, названный термин отсутствует в словаре по философии и психологии, созданном под редакцией Джеймса Болдуина в 1901 году и охватывающем внушительное число терминов из различных областей философского и гуманитарного знания.⁵⁴ Но к моменту издания работы О. Шпенглера терминология, относящаяся к применению «гештальта» в области психологии, находит свое отражение в психологических словарях. Например, словарь Фрица Гизе включает такие термины как «*Gestaltsgefühl*» (букв. «чувство гештальта», «ощущение целостности образа» – элементарное эстетическое восприятие пропорциональности в чем бы то ни было; например: в геометрических фигурах, в ощущении прекрасного) и «*Gestaltqualität*» (букв. «гештальт-качество» – способность воспринимать и ощущать единства отдельных элементов в целостных формах),⁵⁵ относящиеся к работам Эренфельса. В рассматриваемом случае обращение к словарям не случайно, так как специальные словари, учебники и энциклопедии служат своеобразным «индикатором» степени научной распространенности и статуса терминов. Отмеченная закономерность рассматривалась Т. Куном в качестве одной из определяющих в отношении проявления парадигмальных традиций того или иного времени.⁵⁶ Соответственно, О. Шпенглер вполне мог быть знаком с названными смысловыми интерпретациями. И, тем не менее, в рассмотрении смыслового содержания термина гештальт в работах О. Шпенглера более выражена традиция Гете.

⁵⁴ См. Dictionary of philosophy and psychology including many of the principal conceptions of ethics, logic, aesthetics, philosophy of religion, mental, pathology, anthropology, biology, neurology, physiology, economics, political and social philosophy, philology, physical science, and education and giving a terminology in English, French, German, and Italian / Written by many hands and edited by James Mark Baldwin with the cooperation and assistance of an international board of consulting editors. Vol. I. – New York: The Macmillan company; London: Macmillan and co., limited, 1901. – P. 412-413.

⁵⁵ См. Giese F. Psychologisches Wörterbuch. – Leipzig; Berlin: Teubner, 1921. – S. 58.

⁵⁶ См. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – С. 180-181.

Кроме того, об отсутствии традиции психологических интерпретаций гештальта в «Закате Европы» говорит серьезная научная замкнутость интересов О. Шпенглера, опиравшегося в своей работе на несколько избранных имен.

Таким образом, традиция Гете, развиваемая О. Шпенглером, позволяет применять термин «гештальт» для обозначения ноогенетических целостностей, несводимых к простым фиксациям формы.

В свою очередь Т. Кун, отталкиваясь от смыслового содержания термина гештальт, используемого в гештальтпсихологии, трактует его как некую универсальную «призму», через которую субъект некоторое время смотрит на познаваемую реальность. В такой интерпретации гештальты предстают как ноогенетические комплексы, лежащие в основе распознавания тех или иных «граней» изучаемой реальности и обеспечивающие взаимодействие субъекта с ней, включая в свое содержание образцы решений тех или иных научных задач. От смены гештальтов, по мнению Т. Куна, зависят коренные перемены в восприятии мира субъектом: “Элементарные прототипы для этих преобразований <...> убедительно представляют известные демонстрации с переключением зрительного гештальта. То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывалось кроликом”.⁵⁷ Следует отметить, что трактовка Т. Куном термина гештальт (в некоторых случаях тождественная авторской интерпретации самих парадигм) значительно глубже и содержательнее его смысловых вариаций, используемых в психологии, и распространяется на уровень сущностных вопросов интеллектуального взаимодействия субъекта с миром. Соответственно, в данном смысловом контексте, также как и в случае с О. Шпенглером, применение термина гештальт для обозначения целостных ноогенетических концептов вполне допустимо.

Относительно применения термина «паттерн» для обозначения принципов, лежащих в основе образования ноогенетических целостностей, уместно указать, что его смысловая нагрузка гораздо богаче, нежели у термина гештальт, и включает множество смысловых оттенков, некоторые из которых синонимичны гештальту. Данное обстоятельство создает некоторые трудности относительно использования рассматриваемого термина для обозначения принципа образования ноогенетических целостностей. Соответственно, с целью преодоления названных трудностей, необходимо проанализировать смысловые нюансы, которые составляют содержание термина паттерн применительно к рассматриваемому уровню познания.

С момента своего внедрения в научный обиход термин «паттерн» проделал довольно сложный путь, обретая понятийный статус и постепенно проникая в «языки» отдельных наук, а также распространяясь на междисциплинарную область знания. За время своего использования в контексте отдельных дисциплин указанный термин подвергся довольно серьезным смысловым мутациям, получая множество трактовок, основанных на различных вариантах перевода и научных традициях, усложняющих его адекватное прочтение

⁵⁷ Там же: С. 151.

на общенаучном уровне. Кроме того, в настоящее время активное и нарастающее использование указанного термина в научных исследованиях в некоторых случаях является тенденцией моды и не всегда уместно в смысловом отношении.

Итак, слово «паттерн» (pattern) – английское и в буквальном смысле переводится как «рисунок», «узор», «система», «структура», «выкройка», «образец», «пример», «модель», «шаблон». ⁵⁸ Происхождение указанного слова связано с латинским «patronus», означающим “... защитник, поборник <...>; правозащитник, судебный защитник, адвокат <...>; патрон, покровитель ...”. ⁵⁹ В русском языке данное слово является заимствованным и практически не встречается в общих словарях и энциклопедиях, за исключением специальных изданий, научных и философских словарей.

Анализ смысловой нагрузки слова паттерн раскрывает множество его современных толкований и употреблений, к таковым относятся: устойчивость внешних параметров какого-либо феномена; целостность; взаимосвязанное множество элементов, имеющее качественное отличие от простой суммы; устойчивый образец мышления и поведения, сохраняющий свою автономность в культурном опыте и участвующий в формировании субъекта; стереотип; сложный геометрический (фрактальный) узор, основанный на повторении элементов; скрытый смысл и принцип единства чего-либо; некий алгоритм действия, аналогичный компьютерной программе; последовательность операций; некоторое управляющее начало; то, что является противоположностью хаоса и процесса разрушения; интеллектуальный концепт. Данные толкования, несомненно, оказывают влияние на сложность прочтений рассматриваемого термина в контексте различных областей знания.

Первоначальное применение термина паттерн в научном знании относится к области биологии и психологии, в частности, бихевиористского направления. В данных исследованиях под паттерном понимались некоторые поведенческие целостности или образцы. Далее термин стал распространяться в широком междисциплинарном пространстве, проникая, в том числе, и в науку, затрагивающие сущностные вопросы культурно-исторического бытия человека, в частности в культурную антропологию, культурологию и некоторые другие области знания. В сфере культурной антропологии первенство в применении термина паттерн принадлежит Рут Бенедикт, автору книги «Patterns of Culture», изданной в 1934 году. В теоретической схеме изучения культур, созданной Р. Бенедикт и обратившей “... серьезное внимание на то, как из сотен деталей в итоге складываются модели” (букв. patterns), ⁶⁰ был сделан акцент на уникальности и своеобразии системных конфигураций каждой

⁵⁸ См. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер, А.Б. Шевнин, М.Ю. Бродский. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 862.

⁵⁹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. – М.: Русский язык, 1976. – С. 732.

⁶⁰ Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2007. – С. 51.

культуры в отдельности. Характеризуя высокую степень значимости паттернов культуры, Р. Бенедикт отмечала, что “Жизненная история индивидуума – это, прежде всего, приспособление к паттернам и стандартам, традиционно принятым в его сообществе” (перевод авт.).⁶¹ Данные паттерны или системные конфигурации культуры, по мнению исследовательницы, характеризуют черты постоянства и преемственности, что в свою очередь обеспечивает устойчивость культуры в целом. Таким образом, обозначив проблему паттернов культуры, Р. Бенедикт положила начало целому исследовательскому направлению.

В результате, начиная с 40-50-х годов XX века, идея паттернов культуры становится достаточно популярной и востребованной в североамериканской научной традиции. Констатируя высокий статус данной проблематики в гуманитарном знании отмеченного времени, Альфред Кребер и Клайд Клакхон подчеркивали, что в сфере многих дисциплин, направленных на осмысление культуры и социальной реальности, установилась общая тенденция понимания высокой роли паттернов как факторов, обеспечивающих устойчивость и целостность культуры. Реализуя данную тенденцию, многие ученые отталкивались от изначальной исследовательской установки, согласно которой “Культура состоит из паттернов, явных и скрытых, направленных на поведение и его изучение, приобретенных и передаваемых в символах, составляющих особые достижения человеческих групп, включая их воплощение в артефактах” (перевод авт.).⁶² В частности, сам А. Кребер, анализируя «культурные модели» (букв. – patterns), как неповторимые исторические конфигурации, отмечал, что они “... обладают концептуальным значением, некоторым образом отражающим феноменальную реальность. Это явствует из того факта, что модели, которым мы приписываем порождение культурных продуктов высокой ценности, четко определены, даже сконцентрированы в пространстве и времени ...”.⁶³ Рассматривая вопрос научного оформления термина «паттерн», необходимо отметить, что некоторую трудность в его трактовках в работах представителей американской антропологической школы представляет то, что помимо слова «pattern» в английском языке есть слово «model» («модель», «макет», «шаблон», «образец», «эталон»).⁶⁴ Данное обстоятельство усложняет адекватную трактовку указанных терминов, и в большинстве случаев под «моделью» в переводах работ американских культурологов следует понимать «паттерн» как «конфигурацию культуры», обеспечивающую ее глубокую устойчивость, не сводя данный термин к про-

⁶¹ Benedict R. Patterns of culture. – Boston: Houghton Mifflin company, 1959. – P. 2-3.

⁶² Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions / With the assistance of Wayne Untereiner and appendices by Alfred G. Meyer. – Cambridge, Massachusetts: Published by the museum of American archeology and ethnology, 1952. – P. 181.

⁶³ Кребер А.Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. Г.В. Вдовиной. – М.: Росспэн, 2004. – С. 704.

⁶⁴ См. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер, А.Б. Шевнин, М.Ю. Бродский. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 731.

стой характеристике внешней организации чего-либо.⁶⁵ Таким образом, сформированная Р. Бенедикт и А. Кребером традиция смысловой интерпретации «паттерна» основательно закрепилась в американской и европейской культурной антропологии и культурологии второй половины XX века.

В отечественной науке рост интереса к термину паттерн обозначился лишь в последние несколько десятилетий, так и не породив его единообразного использования. Например, в культурологическом словаре А.И. Кравченко «паттерны» не отождествляются с «моделями» и определяются как “... структурные образцы культуры, стереотипы поведения, сложившиеся в рамках определенной культуры; устойчивая конфигурация связей людей друг с другом, с предметной и природной средой”;⁶⁶ в социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г.В. Осипова, при сохранении традиции толкования паттерна культуры в буквальном переводе с английского как «культурного образца», последний определяется как “Преобладающие ценности и верования, характеризующие данную культуру и отличающие ее от других”;⁶⁷ в свою очередь, в большом толковом словаре по культурологии Б.И. Кононенко формулировки «паттерн культурный» и «образец культурный» используются в качестве равноправных.⁶⁸

Следует подчеркнуть, что в контексте современных междисциплинарных исследований проблема паттернов начинает приобретать все более весомый статус. Довольно интересное прочтение указанного термина содержится в Новейшем философском словаре под редакцией А.А. Грицанова.⁶⁹ Так, в отмеченном словаре, в статье, посвященной термину «концепция», указывается, что под влиянием постструктуралистских и постмодернистских дискурсов сложилась традиция употребления вместо термина «теория» термина «паттерн», близкого по содержательным и смысловым характеристикам к понятию «концепция». В данном прочтении паттерн выступает существенной стороной процесса познания и предстает как некое интуитивное, «умозрительное видение», основанное на «моментальности схватывания» целостностей. В частности, в рассматриваемой статье указывается, что “Паттерны,

⁶⁵ Примером такого несоответствия являются переводы работы А. Кребера «Конфигурации культурного роста». В частности, в издании Кребер А.Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. Г.В. Вдовиной. – М.: Росспэн, 2004. – 1008 с. «pattern» переводится как «модель»; в свою очередь в переводе отрывков из отмеченной работы в издании Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 720 с. «pattern» переводится как «паттерн».

⁶⁶ Кравченко А.И. Культурология: Словарь. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 438-439.

⁶⁷ Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – С. 154.

⁶⁸ См. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече 2000; АСТ, 2003. – С. 294, 311.

⁶⁹ См. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

"гнездясь в сознании", в культуре обеспечивают устойчивость, повторяемость, фиксируемость "естественной конфигурации" (проступающей за слоем феноменального) и "семантизации" (различия смысловых единиц), обеспечивающих видение мира".⁷⁰ Данное понимание паттерна, частично соотносимое с гештальтом как способом «схватывания» бытия изучаемого объекта, в трактовке Т. Куна, показывает общую семантическую нагрузку терминов гештальт и паттерн, которая допускает их совместное применение для обозначения ноогенетических целостностей, формируемых в ходе познания реальности и создающих возможность ее комплексного объяснения на основании актуализированных реакций сознания.

Однако решающее значение на процесс популяризации термина паттерн оказали исследования в сфере изучения механизмов организации и закономерностей развития сложных системных объектов. В результате в контексте данных исследований теоретико-методологическое оформление получила идея «паттернов» – своеобразных «конфигураций», лежащих в основе образования систем. Весомый вклад в развитие данной проблематики внес А.А. Богданов, создатель «Тектологии» – всеобщей организационной науки, идеи которого послужили своеобразным фундаментом для дальнейшей разработки проблемы паттернов организации систем.⁷¹ Помимо А.А. Богданова у истоков рассматриваемых исследований стоял Л. фон Берталанфи, автор «Общей теории систем».⁷² В частности, в анализе сложных системных объектов Берталанфи был сделан акцент не на изучении их отдельных частей, а на связях, формирующих ту или иную систему, что вполне сопоставимо с «проблемным полем» паттернов. В 1948 году вышла в свет «Кибернетика» Н. Винера, которая обобщила и подвела итоги научных достижений того времени в области исследований паттернов, став мощным интеллектуальным движением.⁷³ Суть данного движения можно определить как междисциплинарное изучение организационной целостности систем, направленное на поиск алгоритмов управления данными системами. Начиная с 70-х годов XX века оформилась синергетика – междисциплинарное исследовательское направление, основу которого составило изучение организации и механизмов развития сложных системных объектов. Синергетика позволила преодолеть слабые стороны тектологии, общей теории систем и кибернетики в вопросах овладения паттернами организации систем, включив в предмет своего исследова-

⁷⁰ Там же: С. 505.

⁷¹ См. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука / Междунар. ин-т А. Богданова. – М.: Финансы, 2003. – 496 с.

⁷² См. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем: [Сборник переводов] / Перевод с англ. и польск. А.М. Микиши, Б.В. Плесского, Г.Л. Смоляна и др.; Общ. ред. и вступ. статья В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.

⁷³ См. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И.В. Соловьева; Под. ред. Г.Н. Поварова. – М.: Советское радио, 1958. – 216 с.; Винер Н. Кибернетика и общество / Перевод с англ. Е.Г. Панфилова; Предисл. и прим. И.Г. Поспелова. – М.: Тайдекс Ко, 2002. – 184 с.

ования вопросы периодических перестроек систем посредством их разрушения и самоорганизации на основании действия различных паттернов, тем самым сформировав современный уровень понимания факторов, лежащих в основе образования системных конфигураций.

В контексте синергетического видения основ организации системных объектов различной природы, довольно убедительное определение паттерна организации дает в своих работах Ф. Капра, изучающий механизмы образования неживых систем, а также вопросы становления и развития жизни на Земле. По мнению Ф. Капры, изучение паттернов глубоко связано с проблемой познания в целом, а именно – проблемой изучения материального и сущностного. Так, рассматривая познавательные стратегии предшествующих периодов развития знания, Ф. Капра определил основной вектор, позволяющий акцентировать внимание на паттернах систем. По данному поводу автор отмечает, "... что на протяжении всей истории западной науки и философии существовал конфликт между изучением материи и изучением формы. Изучение материи начинается с вопроса «Из чего это сделано?»; изучение формы – с вопроса «Как это сделано, каков его паттерн?»".⁷⁴ То, что лежит «по ту сторону» физических параметров материальных единств, по мнению автора, относится к сфере паттернов и определяет весь строй мироздания и жизни. Однако традиционная наука в ее классическом варианте, констатирует автор, в основном сосредоточена на изучении материального, иначе говоря, структур паттернов, и практически не занимается вопросами сущностного, лежащего в основе их организации. И лишь сделавшись объектом кибернетического системного мышления, замечает Ф. Капра, идея паттернов, как конфигураций взаимоотношений, лежащих в основе систем, получила развитие, став важнейшей концепцией.⁷⁵

Согласно определению Ф. Капры «*Паттерн организации* любой системы, живой или неживой, – это конфигурация взаимоотношений между компонентами системы, определяющая существенные характеристики этой системы. <...> Именно ту конфигурацию взаимоотношений, которая обуславливает существенные характеристики системы, мы и будем понимать как паттерн организации».⁷⁶ Паттерн организации, по мнению автора, может быть распознан только при том условии, если он воплощен в физическую структуру, однако изучение только структуры не проливает свет на паттерн ее организации. По данному поводу Ф. Капра отмечает, что паттерны "... не могут быть измерены или взвешены; они должны быть обозначены, вычерчены. Чтобы понять паттерн, мы должны обозначить конфигурацию взаимоотношений. Другими словами, структура включает количества, тогда как паттерн включает качества".⁷⁷ Связующим звеном между паттернами и структурой служит процесс их постоянного воплощения, в ходе которого паттерны мате-

⁷⁴ Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. под ред. В.Г. Трилиса. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – С. 97-98.

⁷⁵ См. там же: С. 97.

⁷⁶ Там же: С. 176.

⁷⁷ Там же: С. 98-99.

риализуются в конкретных феноменах, несущих их «отпечаток». Посредством изучения процесса воплощений паттернов исследователь получает возможность их выявления и описания. Следует отметить, что в настоящем издании определение «паттерна», данное Ф. Капрой, является базисным.

Исходя из основных достижений, полученных в области системно-синергетических исследований, наличие паттернов организации систем предстает как решающий компонент их бытия, как некая идея или принцип, определяющий их возникновение и развитие. На этом основании моделирование и изучение когнитивных систем на уровне «паттернализации» фрагментарных знаний о реальности в ноогенетические целостности предстает как перспективное направление исследований. В данном случае соотнесение принципа образования целостностей транспарадигмальных структур, лежащих в основе процесса познания, с термином «паттерн» достаточно правомерно. Однако, отмеченный термин отражает общий уровень понимания принципов образования системных конфигураций и применим к системам любой природы. Соответственно, в вопросе обозначения ноогенетических единств, во избежание терминологических несоответствий и противоречивых трактовок, помимо термина «паттерн» представляется уместным использовать формулировку «ноогенетический паттерн». По сути, *ноогенетический паттерн* – это принцип, согласно которому актуализированные в сознании субъекта идеи организуются в системную целостность. Данный феномен паттернализации идей, являясь универсальным свойством работы сознания, обнаруживает свое проявление на всех уровнях познавательного процесса. Устойчивую основу ноогенетических единств, позволяющих выявлять соответствующие паттерны, представляют *транспарадигмальные структуры* ноогенеза.

В отмеченном ракурсе паттерн предстает как внутренняя характеристика гештальта, как скрытое начало, обеспечивающее его форму. Разумеется, в определенной степени термин паттерн можно соотнести с самой ноогенетической целостностью, однако данная целостность, образуемая вследствие действия паттерна, как таковая не раскрывает принципа своего единства, выступая лишь его внешним проявлением. Отмеченное смысловое содержание термина паттерн позволяет констатировать, что паттерны лежат в основе гештальтов как скрытые принципы их целостности, реализуемые в исторической феноменологии гештальтов.

В контексте обозначенных смысловых различий гештальтов и паттернов макроистории, в первую очередь, обращает на себя внимание теория метапаттерновой структурированности истории Петра Кондратьевича Гречко. Переходя к характеристике данной теории, важно указать на то, что П.К. Гречко принадлежит первенство в использовании термина «паттерн» (с приставкой «мета-») относительно обозначения своеобразных формообразующих начал истории, определяющих построение ее целостных концептов. Кроме того, работы автора представляют собой удачный пример современных исследований транспарадигмальных структур общего уровня, и помимо

трудов О. Шпенглера, Т. Куна, Дж. Холтона и Ж. Пиаже, формируют теоретико-методологический базис настоящего издания.

В частности, анализируя сложность и неоднородность процесса познания социально-исторической реальности, автор указал на постоянное присутствие в отмеченном ноогенезе нескольких наиболее общих способов ее толкования. Данные способы, по мнению П.К. Гречко, выступают в роли архетипически укорененных прообразов идеи истории, коренятся глубоко в сознании познающего субъекта и дают ей исчерпывающее объяснение на самом универсальном уровне. Обозначая отмеченные способы понимания истории, автор использует понятие «метапаттерн», введенное в научный обиход Грегори Бейтсоном в качестве обозначения «паттерна паттернов» или «связующего паттерна».⁷⁸ Следует подчеркнуть, что в данной концепции приставка «мета-» является дополнением к термину «паттерн» и отражает предельный уровень познания социально-исторической реальности. И, по сути, формулировка «метапаттерн истории» аналогична формулировке «паттерн макроистории».

Феномен метапаттернов, по мнению П.К. Гречко, имеет тесную сопряженность с уровнем философии истории и служит своеобразным базисом или интегративным началом для развития и конкретизации представлений о социально-исторической реальности как отдельного ученого, так и научного сообщества в целом, поскольку последняя познается не иначе как только через призму метапаттернов. Так, согласно автору, метапаттерны “... выражают собой предельно глубокий, экстралогический уровень исторической реальности”,⁷⁹ и выступают как способ и результат структурирования истории, исполняя роль устойчивых и конкурирующих между собой принципов, лежащих в основе ее объяснения. На этом основании П.К. Гречко отождествляет метапаттерны с базовой интуицией историка, с интуицией истории как целого, так как в нее упираются все «врожденные идеи» и «фундаментальные априори» исторического познания. В результате на основании действия отмеченных метапаттернов, по мнению автора, формируются различные версии социально-исторической реальности, сосуществующие друг с другом на равных правах, как своеобразные вариации ее понимания. Существенной стороной метапаттернов является то, что они принципиально не опровергаются, а всего лишь предпочитают субъектом, просто потому, что “Метапаттерны именно как метапаттерны все равны, одинаково правомерны и состоятельны. У каждого свои сторонники или поклонники”.⁸⁰

Рассматривая существующие метапаттерны, П.К. Гречко изначально сформулировал несколько смешанный перечень данных феноменов, в частно-

⁷⁸ См. Бейтсон Г. Природа и разум. Необходимое единство / Пер. с англ. А.И. Фета. – Новосибирск: Институт семейной терапии, 2005. – С. 10.

⁷⁹ Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / Под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 71.

⁸⁰ Там же: С. 71.

сти, фиксируя циклический, линейный, спиральный, ковариативный («осевой»), ризомный метапаттерны. Кроме того, несколько расширяя рамки единого типологического ряда, автор обозначил метапаттерн утопии («светлого будущего»), а также смысловой метапаттерн истории, эквивалентом которого выступает «справедливость». В более поздней редакции текста автор сократил перечень рассматриваемых метапаттернов, опираясь на типологию, соответствующую основным моделям или схемам макроистории, обозначив циклический, линейный, спиральный, ковариантно-осевой и ризомный метапаттерны, отмечая, что данный перечень не является исчерпывающим, поскольку «Истории, естественно, никто/ничто не запрещает ходить и по другим путям, вычерчивать другие фигуры. <...> И от этого осмысление исторического процесса в терминах метапаттернов становится еще более неоднозначным».⁸¹ В данном случае, учитывая всю сложность проблемы составления «исчерпывающих» типологий, вопрос фиксации всеобъемлющего перечня метапаттернов не является настолько важным, насколько важно инициированное автором направление исследований, выраженное в изучении глубинных ноогенетических феноменов, обеспечивающих возникновение целостных макроисторических концептов. Характеризуя данное направление исследований, П.К. Гречко отмечает, что «Метафизический, базово-интуитивный статус метапаттернов истории направляет наше внимание не столько на саму историю, сколько на тех, кто ее изучает, – людей, стремящихся понять развитие, особенно будущее, общества, опираясь на опыт прошлого и надежды, упования настоящего».⁸² Указывая на перспективность разработки вопросов метапаттерновой структурированности истории, сам автор заключает, что его работа не охватывает всех метапаттернов истории, однако демонстрирует нетривиальность наработанного в данной области материала, являющегося основанием для дальнейшего изучения отмеченной проблематики.

Таким образом, анализ концепции П.К. Гречко позволяет решить проблему определения максимально соответствующей дефиниции для фиксации глубинных принципов, лежащих в основе образования гештальтов макроистории, с термином «паттерн».

Однако в области современных исследований процесса познания культурно-исторической реальности смысловое содержание терминов гештальт и паттерн носит неустойчивый характер. Например, паттерн нередко отождествляется со смысловой нагрузкой таких понятий и формулировок как «идея истории», «конфигурация событий», «логика истории»; кроме того, паттерн соотносится с «моделями» и «схемами» истории, обозначая некую хроноструктурную последовательность универсального и макроисторического уровня; либо происходит его отождествление с какой-либо отдельно взятой метаисторической концепцией, парадигмой или транспарадигмальной структурой. Названная неопределенность смысловых трактовок паттерна в различных теориях развития знания о культурно-исторической реальности проявляется до-

⁸¹ Там же: С. 72.

⁸² Там же: С. 70.

вольно сильно. Схожая противоречивая ситуация наблюдается и в отношении применения термина гештальт. Данное обстоятельство несколько размывает единообразие в использовании рассматриваемых терминов, однако на современном этапе развития анализируемой проблемы отмеченный плюрализм является вполне закономерным.

Определенное число терминологических аналогов содержится и в настоящем исследовании, допускающем некоторый синонимичный ряд относительно обозначений гештальтов и паттернов макроистории. Так, в обозначении различных сторон целостных представлений о макроистории вполне допустимы такие понятийные вариации, как «картина истории», «концепт мира-как-истории», «гештальт макроистории», «ноогенетическая целостность», «целостность устойчивых идей» и т.п. В свою очередь относительно обозначения принципа образования отмеченных целостностей вполне допустимо использование формулировок «паттерн макроистории», «метапаттерн истории», «тематический паттерн», «ноогенетический паттерн» и т.п. В контексте рассматриваемого вопроса следует сделать акцент на то, что термин «метапаттерн», применяемый П.К. Гречко для обозначения глубинного, связующего начала организации макроисторических представлений, вполне подходит для того, чтобы прочно закрепиться на уровне наименования указанного феномена. Хотя сам автор использует достаточно много эквивалентов данному термину, отмечая, что «Метапаттерны, фигуры, траектории – это все синонимы. Синонимы как вариации на тему картины целого истории или телеологической динамики мира социального».⁸³ Кроме того, автор применяет ряд формулировок, отражающих смысловое содержание метапаттерна, в частности, «концептуальная модель истории», «структурная репрезентация базово-интуитивной идеи истории»⁸⁴ и т.п. Резюмируя данную ситуацию, уместно повторить, что в области изучения целостных представлений о макроистории, включая весь спектр вопросов, связанных с анализом их морфогенеза, в силу отсутствия общепринятой дефиниции вполне допускается одновременное использование близких по смыслу формулировок и определений.

Характеризуя значимость выявления и изучения паттернов организации, определяющих морфогенез гештальтов мира-как-истории, следует подчеркнуть, что анализ отмеченных феноменов очень важен и позволяет отследить внутреннюю логику образования макроисторических картин, которые традиционно изучались в «готовом виде»,⁸⁵ являя собой конечные продукты формообразования, не раскрывающие природу данного процесса. Кроме того, феномен паттернов позволяет определенным образом упорядочить и типологизировать гештальты макроистории, поскольку спектр их частных воплощений невероятно богат и нуждается в некоторой минимализации. Так, учитывая вероятностное количество допустимых гештальтов, олицетворяющих собой все частные проявления це-

⁸³ Там же: С. 70.

⁸⁴ См. там же: С. 70.

⁸⁵ Примером данной тенденции явилась трансляция формационного паттерна макроистории в отечественной системе образования советского и постсоветского периода.

лостных макроисторических представлений, возникающих в контексте различных конкретно-исторических условий на уровне общества, группы и личности, их число может равняться количеству данных соприкосновений и осмыслений реальности, достигая степеней, не позволяющих их исчислить. Исходя из названных обстоятельств, наиболее оптимальным способом изучения гештальтов представляется поиск внутренних логик, лежащих в основе их образования. Данный подход позволяет переступить через феноменологию «несравнимых» гештальтов и обеспечить пространство для их соотнесения и сравнения. Дело в том, что *гештальты мира-как-истории*, несмотря на все многообразие их феноменологических различий, будучи системными ноогенетическими образованиями, *предполагают наличие определенных системообразующих паттернов, в обязательном и безусловном порядке*. Это утверждение находит свое обоснование в контексте системно-синергетического понимания генезиса системных объектов, позволяющего трактовать вопрос наличия паттернов организации на уровне априорных признаков процесса образования и развития любых систем. В отмеченном ракурсе паттерны выражают не просто наличие неких внутренних логик, определяющих образование целостных представлений о макроистории; паттерны, в таком видении, формируют «общий знаменатель» системного строения макроисторических гештальтов.

Рассматривая вопрос фиксации паттернов, обнаруживающих свое проявление в формообразовании макроисторических концептов, следует отметить, что в данном процессе паттерны проявляют себя достаточно многообразно, буквально пронизывая все уровни изучаемого ноогенеза. Однако можно с уверенностью утверждать, что количество паттернов, воплощаемых в различных гештальтах мира-как-истории, все же несколько меньше, а, возможно, и существенно меньше, чем самих гештальтов.

Выявление паттернов организации представляет собой достаточно сложное направление исследований и предполагает фиксацию различных факторов, в той или иной степени обеспечивающих логику формирования концептов мира-как-истории. Учитывая, что данный процесс зависит от большого числа переменных, носит системную природу и не сводим к действию простых сил, вопрос обнаружения отмеченных паттернов может иметь множество конкретных решений. Исходя из данной ситуации, большой исследовательский интерес обретают те паттерны, воздействию которых наиболее ощутимо. Тем не менее, паттерны, не оказывающие существенного влияния на формирование макроисторических концептов, также привлекательны для изучения, в первую очередь вследствие того, что в рассматриваемом знании они проявляют себя комплексно, образуя сложную сеть системообразующих логик, лежащих в основе формирования ноогенетических целостностей.

Степень влияния различных паттернов на образование целостных макроисторических концептов зависит от их статуса и варьируется в диапазоне, начиная от решающего и заканчивая периферическим воздействием. Например, к сфере проявления значимых паттернов можно отнести паттерны, образуемые вследствие воздействия парадигм, в контексте которых формируется

некоторое однообразие создаваемых трактовок мира-как-истории. Отмеченное фоновое воздействие различно проявляет себя в рамках классической, неклассической и постнеклассической парадигм. В данном случае парадигмальный паттерн, отражающий устойчивое однообразие парадигмальных установок, обеспечивает схожесть различных макроисторических концепций. Помимо названного, существует целая группа паттернов, оказывающих прямое влияние на образование концептов мира-как-истории. Кроме того, на среднем уровне рассматриваемого ноогенеза паттерны проявляют себя в определенных логиках образования локальных структурных связей.

Говоря о фиксации различных паттернов макроисторической реальности, следует сделать некоторое уточнение, связанное с определенными противоречиями и путаницей, возникающей в вопросе выявления паттернов. Указанные противоречия основаны на том, что наличие паттернов организации систем, так или иначе, отражает воздействие определенных факторов, имеющих самую разную природу. Данные факторы, оказывая влияние на образование и развитие системных единств, могут иметь как внутреннее, так и внешнее по отношению к системе происхождение. Вследствие их воздействия, процесс системообразования принимает некоторое однообразие или логику, отражающую влияние того или иного фактора. Данная логика и представляет собой паттерн организации. Тем не менее, в изучении паттернов нередко наблюдается ситуация, когда происходит отождествление самого фактора, влияющего на морфогенез системы, с паттерном, который возникает вследствие его воздействия и, по сути, с данным фактором не отождествим. Именно на этом основании Ф. Капра констатирует, что паттерны нельзя увидеть в чистом виде, так как они не материальны. Паттерны можно «вычислить» посредством сравнения различных конкретных проявлений систем, отражающих их воздействие. Кроме того, паттерны можно зафиксировать на основании анализа различных факторов, оказывающих влияние на образование и развитие системных единств. В частности, в рассмотренном выше примере парадигмальным паттерном является некий принцип организации, лежащий в основе формирования целостных концептов мира-как-истории, а внешним фактором, оказывающим влияние на возникновение отмеченного паттерна, являются сами научные парадигмы. Исходя из обозначенной характеристики данного феномена, остается констатировать, что процесс выявления паттернов организации систем представляет собой достаточно сложную область исследований, имеющую малую степень привлекательности в гуманитарном знании.

И все же, вопрос фиксации различных паттернов имеет свое решение и в целом зависит от моделирования данного процесса самим исследователем, потому как при желании связать логику возникновения знания о макроисторической реальности можно с огромным количеством факторов, включая второстепенные и незначительные процессы. Данный подход позволяет фиксировать многообразные паттерны, которые находят свое проявление на среднем и общем уровнях изучаемого ноогенеза, посредством выявления,

описания, а также определения степеней их влияния на формирование макроисторических гештальтов, создавая основу для комплексного анализа названных феноменов.

Учитывая потенциальное множество паттернов, возникающих вследствие действия различных факторов и обнаруживающих себя в концептах мира-как-истории, данное обстоятельство делает довольно актуальной задачу определения наиболее значимых из них. В вопросе фиксации различных паттернов, в первую очередь, необходимо определить общий, универсальный или «предельный» паттерн, обеспечивающий единообразные начала рождения целостных трактовок мира-как-истории. Данный паттерн вполне очевиден и выражен в общей логике возникновения знания, обусловленной сущностными характеристиками сознания и познаваемой реальности, реализуя которую, субъект формирует ее макроисторические концепты. На этом основании представляется уместным детально рассмотреть морфогенез изучаемых гештальтов и в контексте данного анализа отследить проявление не только паттерна «предельного» уровня, но и других, частных паттернов, участвующих в формообразовании макроисторических представлений.

Однако для реализации этой цели требуется рассмотреть вопросы, связанные с глубинными факторами, лежащими в основе рождения и развития знания о макроисторической реальности, поскольку отмеченный уровень во многом определяет природу состоявшихся ноогенетических структур.

Глава 5. ГЛУБИННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОЖДЕНИЯ ЗНАНИЯ О МАКРОИСТОРИИ

Переходя к рассмотрению глубинных оснований рождения знания о макроистории, в первую очередь, надлежит указать, что данная проблематика затрагивает уровень общих вопросов, связанных с рождением знания в целом, и не сводима к ее узкодисциплинарным трактовкам. Соответственно, изучение отмеченной проблемы, так или иначе, предполагает выход на универсальный уровень ее осмысления. Отправной точкой данного исследовательского вектора является то, что изначальные причины возникновения отраслевого знания носят универсальный характер и во многом определяют природу любого ноогенеза.

Говоря о данном аспекте изучения развития знания о макроистории, важно учитывать то, что сравнительный анализ целостных макроисторических гештальтов, основанный на игнорировании глубинных факторов, определяющих природу рассматриваемого ноогенеза, способен представить лишь неполную картину данного процесса. Дело в том, что комплексный анализ ноогенетических целостностей, так или иначе, ставит проблему изучения их морфологии, а также механизмов развития в контексте вопросов, затрагивающих первичные основы происхождения знания как такового.

В первую очередь, изучение глубинных оснований рождения знания предполагает ответ на вопрос – «Каким образом возникает новое знание, и что лежит в основе данного процесса?». Изучение названного вопроса показывает, что проблема возникновения знания напрямую связана с адаптивной функцией сознания, иначе говоря, генезис знания носит обусловленный характер и в значительной степени определяется природой адаптации. В соответствии с отмеченной зависимостью становится очевидным, что *процесс возникновения целостных макроисторических концептов*, имея в своей основе адаптивную обусловленность, *выглядит как результат развития приспособительных реакций субъекта, рождаемых в контексте его взаимодействия со средой.*

Данное утверждение находит свое теоретико-методологическое обоснование на стыке нескольких областей знания, а именно, в контексте философии науки, а также предметной области биологии и психологии, в частности, психологии интеллекта и когнитивной психологии. В указанном синтезе философского и дисциплинарного знания становление и развитие интеллектуальных способностей человека рассматривается как следствие развития его адаптивных структур.

В целом, суть адаптации выражается в направленности организмов на синхронизацию собственных жизненных «ритмов» с «ритмиками» окружающей среды. Причем данное качество адаптации распространяется не только на человека, поскольку стремление к синхронизации с вмещающей реальностью представляет источник адаптивной активности всех форм жизни. Так, приспособляясь к вмещающей реальности, отмеченные формы жизни вы-

рабатывают сложные комплексы адаптивного инструментария. Одним из компонентов данного инструментария, присущего только человеку, является знание, в традиционном смысле этого термина.

Однако достаточно любопытной выглядит трактовка отмеченного процесса в работах Ф. Капры. В частности, характеризуя адаптивную активность организмов, в конечном счете обеспечивающую самосохранение живых систем, Ф. Капра отмечает, что в основе их жизнедеятельности заложен «когнитивный» фактор, так как "... все живые системы – это когнитивные, т. е. обучающиеся системы...".⁸⁶ Так, адаптируясь к среде и тем самым оказавшись в рамках некоторой «когнитивной сферы», определяемой, по мнению Ф. Капры, диапазоном "... взаимодействий с окружающей средой, которые может осуществлять живая система ...",⁸⁷ последняя, условно говоря, «познает» среду, вырабатывая соответствующие «реакции», которые позволяют ей самосохраняться и воспроизводиться. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что термин «познание» используется в трактовке автора в достаточно широком смысловом диапазоне и применяется для обозначения процесса взаимодействия организмов с окружающей средой.⁸⁸ Разумеется, способы получения, сохранения и трансляции «когнитивного опыта» у разных организмов существенно отличаются и, в зависимости от возрастания сложности живых организмов и увеличения их «когнитивной сферы», расширяются, начиная от генетического уровня и заканчивая высшей нервной деятельностью человека. Особую роль в отмеченном усложнении Ф. Капра отводит появлению мозга и нервной системы, значительно обогативших параметры «когнитивной сферы» человеческих организмов. В частности, относительно обозначения сугубо человеческих характеристик процесса познания, Ф. Капра отмечает, что "... специфические особенности человеческого познания обусловлены нашей способностью абстрактно мыслить ...".⁸⁹ Благодаря данной «ключевой характеристике сознания», мы "... можем использовать, и используем, ментальное отображение, символы и информацию".⁹⁰

Схожую точку зрения на природу «сознательных» реакций живых организмов на средовые воздействия выразил К. Поппер, отмечая, что "Животные и даже растения постоянно решают проблемы. И решают они свои проблемы посредством метода конкурирующих предварительных пробных решений и устранения ошибок".⁹¹ Данный метод проб и ошибок, иронизирует К. Поппер, "... применяется не только Эйнштейном, но – более догматически – даже амебой. Различие заключается не столько в пробах, сколько в критическом и кон-

⁸⁶ Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. под ред. В.Г. Трилиса. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – С. 179.

⁸⁷ Там же: С. 290.

⁸⁸ См. там же: С. 288.

⁸⁹ Там же: С. 307.

⁹⁰ Там же: С. 292.

⁹¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные труды / Пер. с англ.; Сост., общ. ред. и вступит. статья В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – С. 486.

структивном отношении к ошибкам ...".⁹² В результате решения тех или иных «проблем», вызванных взаимодействием со средой, живые организмы приспосабливаются к ней, постоянно совершенствуя свои адаптивные структуры. Так, сопоставляя различные виды приспособительных реакций организмов, К. Поппер фактически констатирует их функциональное адаптивное тождество, отмечая, что "Пробные решения, которые животные и растения включают в свою анатомию и свое поведение, являются биологическими аналогиями теорий и наоборот: теория соответствует эндосоматическим органам и их способу функционирования <...>. Так же как и теории, органы и их функции являются временными приспособлениями к миру, в котором мы живем".⁹³

Таким образом, с опорой на концепции Ф. Капры и К. Поппера, можно констатировать, что основу процесса рождения нового «знания» составляют «проблемные ситуации», с которыми сталкиваются живые системы. Сутью отмеченных ситуаций является кризис адаптивного равновесия, выраженный в десинхронизации «ритмов» среды и организма вследствие каких-либо изменений. Названные обстоятельства вынуждают различные формы жизни преодолевать возникающие трудности посредством «нашупывания» адекватных «ответов» на «вызовы» среды. Данный процесс носит открытый характер, сопровождается переменным числом неудачных попыток и включает несколько сценариев развития, а именно: деградацию организма, его гибель, коэволюцию со средой и совершенствование. Следствием поиска решений и преодоления проблем, возникающих в ходе адаптиационного процесса, являются изменения адаптивного инструментария, которым обладают организмы. Это могут быть изменения механизмов адаптации двух видов – наследственных, включая «полезные» мутации генотипа и появление безусловных рефлексов; и ненаследственных, включая компоненты, формирующиеся на основании опыта, начиная от условных рефлексов и приобретенных форм поведения, заканчивая усложнением интеллектуальной деятельности и совершенствованием культуры, как инструмента адаптации человека.

Отдельная группа теорий, содержащих объяснение вопросов рождения знания, представлена предметной областью психологии. В данном случае следует отметить, что отношение к психологии в вопросе объяснения процесса возникновения знания со стороны философии науки достаточно противоречиво. Например, в поддержку использования достижений психологии в области изучения процесса возникновения знания высказывался П. Фейерабенд. Так, в рассмотрении вопросов, связанных с развитием восприятия, автор ссылался на результаты психологических исследований, представленных в работах Ж. Пиаже и его школы.⁹⁴ Кроме того, глубинную связь становления и развития устойчивых тематических структур познания с предметной сферой психологии отмечал Дж. Холтон. Анализируя данную связь, Дж. Холтон ука-

⁹² Там же: С. 269.

⁹³ Там же: С. 486.

⁹⁴ См. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; Общ. ред. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. – С. 377-378.

зывает, что “Нам необходимо больше знать об источниках тем. <...> хорошим исходным пунктом в этом деле был бы подход, акцентирующий взаимосвязи между когнитивной психологией и индивидуальной научной деятельностью”.⁹⁵ Более осторожную точку зрения выразил Т. Кун, отнеся многие вопросы, связанные с научными предпочтениями ученых и путями развития науки в целом, к компетенции психологов. Однако, сравнивая сложность и неразрешимость данных вопросов с «ящиком Пандоры», и лишь наметив направления поиска ответов на них, Т. Кун отмечал, “... что открыв ящик Пандоры, я же его и захлопну. В этих вопросах слишком много такого, чего я и сам не понимаю и не должен делать вид, будто понимаю”.⁹⁶

В резкой форме характеризовал познавательные возможности психологии К. Поппер, отводя данному знанию второстепенную роль и отмечая, что психологический подход во многом уступает познавательному потенциалу изучения продуктов «3-го мира», т.е. результатов деятельности.⁹⁷ Кроме того, автор решительно не доверял тем научным теориям, которые основывались на личных убеждениях их создателей и практически не поддавались верификации, хотя и не отбрасывал их вовсе, отмечая некоторую пользу подобного рода слабоверифицируемых научных исканий. Крайнюю степень неприятия К. Поппер выразил по отношению к психоанализу и индивидуальной психологии, сравнивая данные дисциплины с псевдонаукой, астрологией и примитивными мифами, не имеющими верифицируемого эмпирического базиса.⁹⁸ Однако в изучении проблем возникновения нового знания, а именно рождения замысла и создания новых теорий, автор пишет о невозможности раскрыть данные вопросы полностью при помощи логического анализа, отмечая, что “Вопрос о путях, по которым новая идея <...> приходит человеку, может представлять существенный интерес для эмпирической психологии, но он совершенно не относится к логическому анализу научного знания”.⁹⁹ Таким образом, отношение философов науки к эвристическим возможностям психологии в области описания механизмов зарождения нового знания можно охарактеризовать, как довольно осторожное и скептическое. В свою очередь, изучение работ отмеченных авторов показывает, что в решении данных вопросов представители философии науки, в конце концов, были склонны отсылать читателя к предметной области психологии, обращая внимание на сферу таинственности и загадочности истоков возникновения идей в сознании субъекта.

Однако психология располагает вполне состоятельными теориями, позволяющими подобрать теоретико-методологические основания для объяснения

⁹⁵ Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – С. 40.

⁹⁶ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – С. 564.

⁹⁷ См. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные труды / Пер. с англ.; Сост., общ. ред. и вступит. статья В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – С. 449.

⁹⁸ См. там же: С. 241.

⁹⁹ Там же: С. 50-51.

процесса рождения знания, опираясь на адаптивную функцию сознания, выраженную в приспособительных реакциях субъекта на взаимодействия со средой.

Весомый вклад в изучение адаптивной функции сознания внес швейцарский психиатр К.-Г. Юнг, по мнению которого ни один живой организм невозможно понять вне его связи с условиями вмещающей среды. Отмеченная обусловленность, по мнению автора, очевидна, поскольку все живые организмы, имея тесную связь с окружающим миром, обладают системой приспособляющих функций, и их физическое состояние напрямую зависит от средового фактора. В данном функциональном плане К.-Г. Юнг воспринимал и душу, которую “... следует понимать как *приспособительную систему, обусловленную внешними земными причинами*”.¹⁰⁰ В частности, рассматривая соответствие системы приспособительных реакций души закономерным физическим событиям, К.Г. Юнг отмечал, что под этим он подразумевает “... не функцию восприятия, связанную с органами чувств, а скорее особого рода психические явления, параллельные физическим закономерностям”.¹⁰¹ Такой исследовательский ракурс позволил автору поставить организацию души человека, включая все ее структуры и подсистемы, в некоторую зависимость от средовых условий адаптивного процесса. В данном ключе К.-Г. Юнг трактует и сознание человека, заключая, что “От сознания мы можем ожидать приспособительных реакций и проявлений, ибо сознание в известной степени является частью души, ограничивающейся в основном непосредственно происходящими событиями”.¹⁰²

Согласно концепции Юнга, любой субъект, оказавшись в контексте определенного средового воздействия, начинает приспособляться к внешним условиям, вырабатывая соответствующий комплекс адаптивных «реакций». Важно подчеркнуть, что при таком подходе, в зависимости от масштабов понимания адаптирующегося «организма», субъектом может выступать как отдельно взятый человек или группа, так и культура в целом. В ходе взаимодействия со средой, субъект, по мнению К.-Г. Юнга, “... выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами, так что через некоторое время ему кажется, будто он познал смысл и структуру мира”.¹⁰³ Как следствие, в результате тесного контакта с определенной гранью вмещающей реальности, субъект выстраивает систему устойчивых реакций, отражающих внешнее воздействие среды, так как “Уже в самых первых зачатках человеческого общества мы находим следы душевных усилий, направленных на то,

¹⁰⁰ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / Предисл. А.В. Брушлинского; пер. с нем. А.М. Боковой. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – С. 134.

¹⁰¹ Там же: С. 127.

¹⁰² Там же: С. 126.

¹⁰³ Там же: С. 111.

чтобы отыскать формы, способные связать или смягчить действие смутно ощущаемых сил”.¹⁰⁴

В результате, в контексте данного подхода, развитие знаний о мире предстает как совокупность глубоко укорененных в сознании субъекта устойчивых «реакций» на средовое воздействие конкретно-исторической реальности. Данные «реакции», включая возникновение различных ноогенетических структур, ложатся в основу формирования целостных комплексов устойчивых проявлений психической сферы, позволяющих субъекту взаимодействовать с миром. Отмеченные комплексы, согласно К.-Г. Юнгу, изначально закрепляясь на коллективном уровне в архетипической сфере и получая отражение в мифологических образах мироустройства, непосредственно воздействуют на дальнейшее развитие психической жизни рядовых представителей коллектива, оказывая достаточно сильное влияние на генезис знания. Таким образом, К.-Г. Юнгом была обозначена четкая зависимость сложной психической жизни человека от внешних условий, к которым он приспосабливается.

Однако наибольший интерес в данной области исследований представляет операциональная концепция интеллекта швейцарского психолога Ж. Пиаже, отмечавшего перспективность синтеза достижений психологии, философии науки и биологии в изучении генезиса интеллектуальных способностей человека. В частности, Ж. Пиаже писал, что “... психологические теории интеллекта располагаются как бы между биологическими теориями адаптации и общими концепциями познания. В том, что существует родство между психологическими теориями и эпистемологическими учениями, нет ничего удивительного, ибо, хотя психология и освободилась от философской опеки, к счастью, еще остались пути, связывающие изучение психических функций с исследованием процессов научного познания”.¹⁰⁵

В своей теории Ж. Пиаже в качестве стержневого элемента приспособительных реакций человека рассматривает понятие «интеллект», под которым подразумевает “... высшие формы организации или равновесия когнитивных структурирований”,¹⁰⁶ обеспечивающих адаптацию, то есть равновесие между взаимодействием организма и среды. Адаптивный процесс в трактовке автора состоит из двух компонентов – ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция в самом широком смысле определяется Ж. Пиаже как воздействие организма на окружающие его объекты “... поскольку это действие зависит от предшествующего поведения, направленного на те же самые или на аналогичные объекты”.¹⁰⁷ Под аккомодацией автор понимает обратное воздействие

¹⁰⁴ Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / Перевод, вступ. статьи Р.А. Гальцевой, И.Б. Роднянской; Примеч. С.С. Аверинцева и др. – М.: Политиздат, 1991. – С. 112.

¹⁰⁵ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Просвещение, 1969. – С. 70.

¹⁰⁶ Там же: С. 65.

¹⁰⁷ Там же: С. 66.

среды на организм. Необходимо указать, что Ж. Пиаже использовал сугубо биологическую терминологию, несколько расширив ее смысловое содержание и сферу употребления, распространив на область интеллектуальной деятельности человека и продуктов данной деятельности, то есть на культуру.

В своих исследованиях Ж. Пиаже удалось «примирить» две противоположные точки зрения на источник причин интеллектуального развития. В частности, согласно концепции автора, не внешние и не сугубо внутренние причины, имманентно присущие субъекту, являются источником развития интеллекта, данное развитие в равной мере строится на пересечении средового и субъективного факторов. Первоначально, по мнению Ж. Пиаже, организм сталкивается с прямым взаимопроникновением со средой, однако с появлением психической жизни постепенно возникают опосредствованные взаимодействия субъекта и объектов, осуществляющиеся на все более значительных пространственно-временных расстояниях и по все более сложным траекториям. Интеллект с его логическими операциями и их «группировками», обеспечивающими устойчивое и вместе с тем подвижное равновесие между универсумом и мышлением, продолжает и завершает совокупность адаптивных процессов, являясь их высшей формой. Несомненной заслугой Ж. Пиаже явилось то, что ему удалось описать поэтапный процесс становления и развития интеллекта в контексте приспособительных реакций организма, раскрыв основные параметры познавательного процесса. Тем самым был создан теоретический базис для изучения проблемы возникновения знания на уровне общей «ноогенетической матрицы».

Относительно описания того, каким образом субъект при помощи сознания синхронизирует свое существование с вмещающей средой, с опорой на работы Ж. Пиаже, можно констатировать, что в меняющемся пространственно-временном диапазоне, имея способность к фиксации движений, субъект при помощи интеллекта создает «ноогенетические целостности», опосредующие его взаимодействие с реальностью. Соответственно этому утверждению можно сформулировать пять параметров познавательного процесса, касающихся, в том числе, и изучаемой области знания, а именно: «время», «пространство», «движение», «смысл», «отношение». В этих параметрах в сознании субъекта формируются различные идеи и их локальные сопряжения, на основании которых возникают ноогенетические целостности.

Тем не менее, предпринятый Ж. Пиаже анализ развития интеллектуальных способностей человека в контексте адаптивных взаимодействий со средой оставляет открытым вопрос, касающийся самой сути возникновения знания. В данном случае необходим такой уровень постижения отмеченного вопроса, согласно которому будет определен универсальный фактор, лежащий в основе появления знания как такового, включая любые формы его проявлений. Однако названная проблематика, при всей очевидности ее высокого проблемного статуса, находит свое отражение в работах, посвященных сущностным аспектам генезиса знания, достаточно редко, не говоря уже о ее положительном разрешении. Среди исследователей, уделивших отдельное внимание рассматриваемому вопросу, необходимо отметить К. Поппера и Т. Куна.

Согласно мнению К. Поппера, в основе порождения нового знания лежит присущая субъекту потребность фиксировать «регулярности». Причем данная потребность связана с его врожденными склонностями к ожиданию регулярностей, «... что хорошо видно из того удовольствия, которое получает ребенок, когда удовлетворяет эту потребность».¹⁰⁸ Отмеченные ожидания представляют собой определенное «знание», «... которое хотя и не является *верным* а *ргіогі*, однако *психологически или генетически априорно*, то есть предшествует всякому наблюдению».¹⁰⁹ Таким образом, имея генетически или психологически обусловленную направленность на определение регулярностей, субъект получает возможность фиксировать, а также узнавать и предсказывать их и, соответственно, вырабатывая адекватные способы реагирования, формирует новое знание. По данному поводу К. Поппер отмечает, что «... мы ожидаем существования регулярностей повсюду и пытаемся искать их даже там, где их нет. События, которые не поддаются этим попыткам, мы склонны трактовать как некоторый вид «шумового фона» и не оставляем наших ожиданий даже в том случае, когда они оказываются неадекватными и нам следовало бы признать свое поражение».¹¹⁰ Именно посредством выявления и предсказания регулярностей, согласно автору, человек может говорить о том, что обладает знанием: «Даже наши собственные наблюдения мы не принимаем всерьез и не приписываем им статус научных наблюдений до тех пор, пока не повторим и тем самым не проверим Их».¹¹¹ Соответственно, регулярности, по мнению К. Поппера, являются не только основой возникновения знания как такового, но и фактором его верификации, поскольку «... когда некоторые события повторяются в соответствии с некоторыми правилами и регулярностями <...>, наши наблюдения в принципе могут быть проверены каждым человеком».¹¹²

В подобном ключе построена и теория Т. Куна. Так, анализируя первичные механизмы появления знания, Т. Кун обозначил высокую роль выявления «сходств» в данном процессе, в частности, указывая на то, что логическое знание о природе является приобретенным «... в процессе установления сходства между различными ситуациями и в силу этого воплощенное скорее в способе видения физических ситуаций, чем в правилах или законах».¹¹³ Способность субъекта видеть данные сходства строится на его умении подбирать и конструировать соответствующие гештальты, имеющие актуальность до тех пор, пока логика «повторов», содержащихся в реальности, соответствует логике повторов, предполагаемых тем или иным гештальтом. И как только в среде происходят определенные изменения, не соответствующие

¹⁰⁸ Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные труды / Пер. с англ.; Сост., общ. ред. и вступит. статья В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – С. 262.

¹⁰⁹ Там же: С. 262.

¹¹⁰ Там же: С. 264.

¹¹¹ Там же: С. 68.

¹¹² Там же: С. 68.

¹¹³ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – С. 245.

внутренним установкам используемого гештальта, субъект отбрасывает его и подбирает подходящий из уже существующих в опыте, либо создает новый, позволяющий устанавливать сходства и, соответственно, реагировать на них.

Таким образом, синхронизируя ритмику своего существования с ритмикой средового фактора при помощи адаптации, субъект, в первую очередь, ориентирован на фиксацию логики различных «регулярностей» и «сходств», включая синонимичный ряд данных определений, в частности «повторов», «ритмик», «пульсаций» и т.п. По сути, регулярности в данном видении предстают как любые ритмики реальности, которые способен распознавать субъект. Данные ритмики лежат в основе фактора четкого соответствия адаптивных структур субъекта определенным условиям реальности, в контексте взаимодействия с которой отмеченные ритмики фиксируются. В свою очередь способность субъекта определять регулярности – это основа рождения знания, закрепляемого в условных рефлексах, приобретенных навыках, интеллекте и культурном коде.

Рассматривая природу регулярностей, важно подчеркнуть, что их суть принципиально циклична. Дело в том, что регулярностями являются не только буквальные циклы, отражаемые в «правильных» последовательностях (рис. 4). Буквальный цикл – это всего лишь самый очевидный и простой способ фиксации ритмик. Данный уровень является первичным и проявляет себя, начиная с самых ранних стадий всех ноогенезов (включая онтогенетический и филогенетический уровни). В частности, на уровне онтогенеза практически все ранние формы возникновения знания ребенка основаны на фиксации буквальных циклов, начиная от фиксации и узнавания ритмичных звуков погремушки, заканчивая осознанным повторением ритмичных действий. Также обстоит дело и на уровне видового развития человека, начиная от буквальных ритмик первых форм искусства, и заканчивая ранними формами ритмизаций картины мира.

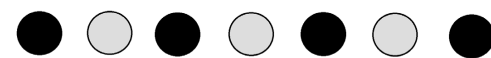

Рис. 4.

Однако помимо простых и буквальных регулярностей существует целый спектр их усложненных вариантов. Соответственно, рассматривая феномен рождения знания, необходимо помнить, что регулярностями являются определенные последовательности повторов, которые могут строиться на различных вариациях, включая множество переменных. Например, в качестве отмеченных переменных могут выступать изменения амплитуды регулярности (рис. 5), изменения ее частоты (рис. 6), и градации степени сложности повторов (рис. 7).

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Главное в определении регулярностей для субъекта – это зафиксировать природу повторов или некий алгоритм, лежащий в их основе, который позволяет не только распознавать их, но и просчитывать отмеченные повторы в направлении прошлого и будущего.

Беря во внимание многообразие различных переменных, которые могут служить основанием для фиксации регулярностей, достаточно обоснованным выглядит утверждение, согласно которому субъект по мере роста своих интеллектуальных способностей движется от фиксации буквальностей регулярностей в направлении их усложнения. Например, логику буквальностей ритмик последовательности «ночь – день» может уловить даже ребенок, однако для того, чтобы связать феномен появления солнечных пятен с магнитными бурями на Земле и ростом психической активности масс, необходимо приложить гораздо большие интеллектуальные усилия. Отсюда можно сделать вывод, согласно которому *от степени сложности фиксируемых субъектом регулярностей зависит степень сложности интеллектуальной деятельности как таковой.*

Итак, обозначив глубинные характеристики становления знания в целом, вполне уместно перейти к рассмотрению сущностных сторон реализации указанного процесса на уровне интеллектуального освоения макроисторической реальности. Однако, несколько забежав вперед, необходимо подчеркнуть, что многие аспекты рассматриваемой проблематики, представленные в ее дальнейшем анализе, соответствуют не только сфере познания макроистории, по сути, отражая универсальные характеристики любого ноогенеза.

Отдельного внимания в изучении процесса рождения знания о макроистории заслуживает вопрос, касающийся установления факторов, влияющих на формирование избирательного интереса субъекта в фиксации тех или иных регулярностей. Переходя к рассмотрению заявленного вопроса, следует отметить, что в определении субъектом названных регулярностей (ритмов, сходств, пульсаций или повторов) существует некоторая логика, выраженная в наличии различных ноогенетических тенденций и закономерностей.

Во-первых, в формировании названных закономерностей высокую роль играет сама реальность, представляющая собой сложную и изменчивую среду, с неограниченным потенциалом конкретно-исторических проявлений. Данное обстоятельство позволяет констатировать высокую степень влияния макроисторической реальности на процесс фиксации регулярностей, так как последняя провоцирует познавательный интерес субъекта посредством постоянной изменчивости своей феноменологии, периодически нарушая корре-

ляции с регулярностями, которые использует субъект для ее объяснения. Соответственно, многообразные формы и метаморфозы макроисторической реальности формируют определенный исследовательский простор для поиска регулярностей, лежащих в ее основе.

Второй аспект логики определения регулярностей заключается в том, что субъект, руководствуясь принципом «простоты» и «симметрии», первоначально фиксирует повторы и сходства, ритмика которых содержит как можно меньше переменных и «фонового шума». Например, субъект предпочтет последовательность «А-А-А-А-А» по сравнению с «Ab-Ac-Ab-Ac-Ab» и обратится ко второму случаю, только когда первый окажется непригодным. Иначе говоря, самой простой и предпочтительной является та регулярность, фиксация которой требует минимальных затрат интеллектуальной энергии. Например, начиная с самых ранних этапов истории культуры, для фиксации временных последовательностей субъект традиционно использовал ритмику движения Солнца и Луны, как наиболее доступную и очевидную. Таким образом он игнорировал сложные ритмики движения всего комплекса звезд и планет, имея более простые способы определения регулярностей временных интервалов.

Отсюда вытекает третий аспект логики определения макроисторических регулярностей, согласно которому процесс усложнения и создания новых регулярностей основан на невозможности использовать их более простые формы. Соответственно, если простая регулярность позволяет адекватно описывать историческую реальность, то ее усложнение не будет иметь смысла и не потребуются. На этом основании можно заключить, что единственным стимулом к усложнению регулярностей может стать кризис устоявшихся способов понимания реальности, вынуждающий субъекта искать им замену. Например, данная тенденция довольно ярко просматривается в культурах традиционного типа, ориентированных на монотонные темпы существования и переключающихся с одной регулярности на другую только тогда, когда эвристический статус первичной регулярности утрачивается.

Отмеченная тенденция имеет и противоположную сторону, обозначая четвертый аспект изучаемой проблематики: в частности, в случае возникновения возможности использовать более простые регулярности, их сложные аналоги теряют статус значимости и субъект возвращается к использованию их первичных форм. Данный аспект имеет особую важность в контексте развития знания о макроистории, во многом объясняя природу возвратов научного сообщества к макроисторическим концептам, пережившим период своей востребованности и «осевшим» в области неактуального знания. Одной из причин отмеченных возвратов может являться неспособность господствующих регулярностей давать объяснения меняющейся макроисторической реальности, в результате чего они уступают место ее архаичным трактовкам. Другой причиной может явиться реанимация значимости процессов, породивших более простые регулярности истории и оттеняющих ее сложные объяснения. И, наконец, если наряду с процессами, обеспечивающими действие

сложной регулярности, обозначаются более простые процессы, то субъект предпочтет переключиться на простую регулярность.

В-пятых, особую роль в выявлении регулярностей приобретает специфика органов восприятия человека, который фиксирует только те регулярности, которые способен воспринимать непосредственно (например, смену дня и ночи, круговорот времен года, рождение и смерть, погодные явления, эпидемии, риски и т.п.). Данные регулярности уместно назвать «первичными».

В-шестых, по мере усложнения знания и создания «искусственных дополнений» к органам восприятия спектр регулярностей может расширяться, например, включая: обусловленность констант макроисторического процесса открытиями Ньютона и Галилея; зависимость ритмики истории от «ударов» космической энергии, с последующей мутацией отдельных этнических групп; аналогии, позволяющие интерпретировать исторический процесс на основании синергетических открытий в области термодинамики, и так далее. Отмеченные регулярности относятся к «вторичным», поскольку для их фиксации субъект нуждается в сложной инструментальной и механизмах опосредования. Логика предпочтений первичных и вторичных регулярностей на протяжении ноогенеза, сопровождаемого усложнением интеллектуальной деятельности субъекта, строится на постепенном смещении его интереса с первичных регулярностей на их вторичные формы. Однако на уровне изначальной предрасположенности субъект все же склонен отдавать предпочтение первичным регулярностям.

В-седьмых, распознавание регулярностей, лежащих в основе культурно-исторического процесса, опирается на целостность восприятия и его упорядоченность, и, соответственно, на принципы гештальта, разработанные в сфере гештальтпсихологии¹¹⁴ – в частности, на принцип «близости», «схожести», «целостности», «замкнутости», «смежности», «общей зоны». В результате их действия субъект создает различные «призмы», позволяющие ему улавливать те или иные виды регулярностей. Процесс создания отмеченных «призм» затрагивает сущностные механизмы восприятия, сопровождается человеком на протяжении всего познавательного процесса и осуществляется перманентно, в некоторых случаях не требуя от субъекта больших интеллектуальных усилий.

В-восьмых, важную роль в распознавании сходств играет степень непосредственного влияния различных элементов макроисторической реальности на субъекта. Данный фактор вполне сопоставим с принципом «близости» в гештальтпсихологии. Дело в том, что субъект склонен обращать внимание, в первую очередь, на наиболее очевидные «раздражители» среды, либо на те из них, которые напрямую затрагивают жизненно важные элементы вмещающей реальности. В результате в ходе познания макроисторической реальности с

¹¹⁴ См. Вертгеймер М. Продуктивное мышление: Пер. с англ. / Общ. ред. С.Ф. Горбова и В.П. Зинченко. Вступ. ст. В.П. Зинченко. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.; Коффка К. Восприятие: введение в Гештальт-теорию. (Статья). В. Келер. Гештальт-психология (Глава 2 и 3 из книги «Гештальт-психология»). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 69 с.

течением времени акценты в определении регулярностей могут смещаться и варьироваться на основании доминанты природно-климатических, экономических, политических, социальных, общекультурных и прочих процессов. Например, природно-климатическая цикличность, имеющая первичную степень влияния на представителей земледельческих и кочевнических культур, будучи основной регулярностью макроисторических концептов, формируемых в данных культурах, теряет свою значимость для представителей личностно-креативного типа культуры, ориентированных на прогрессивные изменения «второй» природы, в контексте пульсаций инновационных процессов.

В-девятых, в фиксации регулярностей в различных сферах макроистории субъект ориентирован на оптимальную степень их соответствия изучаемой реальности, а именно, масштаб регулярности должен максимально совпадать с масштабом познаваемой реальности, либо с ее фрагментом. Кроме того, среди множества регулярностей, отражающих ту или иную сферу макроисторической реальности, субъект, руководствуясь принципом наибольшего соответствия и простоты, предпочитает выбирать те из них, которые достаточно полно отражают природу изучаемой сферы, оттеняя регулярности, фиксирующие логику пульсаций изучаемого объекта на «фоновом» уровне. Например, качественные изменения европейской культуры Нового времени, вызванные развитием капиталистических отношений, достаточно оптимально раскрываются К. Марксом в контексте регулярности, основанной на логике ритмик экономических процессов. Кроме того, пульсации, лежащие в основе истории европейской культуры названного периода, вполне возможно проследить и посредством выявления ритмик в других ее сферах, например через анализ истории искусства, посредством изучения династических ритмик, периодичности войн, вплоть до повторов, основанных на регулярных всплесках противостояния феодальных и буржуазных институтов. Однако регулярность, отмеченная К. Марксом в анализе истории Европы Нового времени, является наиболее оптимальной и первичной по отношению к маркеру общекультурных трансформаций и, в тоже время, достаточно простой для понимания.

И, наконец, в-десятых, «переключения» с одной регулярности на другую сопровождаются реанимацией всего спектра существующих регулярностей, зафиксированных субъектом в ходе прошлых решений «проблемы». Данное явление, выраженное в одновременном соприсутствии различных способов фиксировать регулярности в моменты ноогенетических переключений, является неотъемлемым признаком изучаемого знания.

Представленный перечень аспектов логики определения регулярностей, вероятнее всего, не является исчерпывающим и нуждается в дальнейшей научной разработке и конкретизации, однако названного вполне достаточно, чтобы зафиксировать преобладающие ноогенетические тенденции, составляющие ее содержание.

Таким образом, субъект, взаимодействуя с реальностью, фиксирует в ее проявлениях ритмики, имеющие различные масштабы, длительности и степени сложности. Отмеченные регулярности, образуя определенную сумму зна-

ний о специфике и функционировании реальности, ложатся в основу формирования макроисторического мышления. Как следствие, на основании способности проецировать действие выявляемых регулярностей в прошлое и будущее, субъект формирует первые представления о реальности в ее исторических формах. Данные проекции, постепенно расширяясь, достигают своего максимума, выраженного в наличии трактовок макроисторических процессов. Отсюда вполне допустимо говорить о макроисторической реальности как о «продолженной» реальности, имея в виду пространственно-временные проекции, выстраиваемые субъектом на основании анализа феноменологических проявлений ритмик среды, с которой он непосредственно взаимодействует.

Однако анализ различных аспектов логики фиксации регулярностей в познании макроистории, будучи направлен на глубинные вопросы возникновения «квантов» макроисторического мышления, не может полностью раскрыть природу данного ноогенеза, поскольку регулярности не существуют в сознании субъекта сами по себе во фрагментарном виде. Дело в том, что одной из сущностных сторон генезиса когнитивных структур организмов является их целостность; иначе говоря, весь запас адаптивного инструментария, применяемый организмом в процессе взаимодействия со средой, представляет собой не просто сумму, а системно организованное единство. Данная закономерность проявляется на всех уровнях жизнедеятельности различных организмов, начиная от низших форм жизни, где когнитивные целостности передаются от поколения к поколению в готовом виде, и заканчивая высшими организмами, формирующими собственный адаптивный инструментарий на протяжении всего периода своего существования. Таким образом, все когнитивные структуры высших организмов, в том числе и результаты интеллектуальной деятельности, изначально рождаясь во фрагментарном виде, в любом случае обеспечивают направленность адаптивного процесса на формирование инструментальных целостностей. Так, реализуя отмеченные качества когнитивных структур, фиксируя и распознавая пульсации реальности в определенном диапазоне, пространственно-временные параметры которого обусловлены масштабами различных «проблемных ситуаций», субъект приступает к созданию «ноогенетических группировок», образуя вокруг тех или иных регулярностей интеллектуальные единства.

Данный процесс, в первую очередь с опорой на труды Ф. Капры и Ж. Пиаже, можно представить как паттернизацию когнитивных структур в системное единство, в завершении которого формируется целостная картина, отражающая определенный вариант адаптивного равновесия. В частности, Ж. Пиаже, рассматривая генезис интеллекта, отмечает изначальную склонность субъекта создавать «операциональные группировки», и, соответственно, применять данные целостности для поддержания коэволюции со средой. Кроме того, как уже было отмечено выше, Т. Кун, расширяя значение термина «гештальт», условно обозначает им не только особенности восприятия, но и созданные субъектом целостные ноогенетические образцы, позволяющие

ему усматривать аналогии и сходства в решении задач различного порядка.¹¹⁵ В отмеченном исследовательском ракурсе интеллектуальные группировки, создаваемые субъектом на основании фиксации тех или иных регулярностей, предстают как результат проявления сущностных сторон сознания человека.

Реализуя данное качество интеллектуальной деятельности, субъект, взаимодействуя с конкретно-исторической реальностью на протяжении некоторого времени, на основании фиксации широкого спектра частных регулярностей, первоначально создает определенную сумму локальных группировок, основанных на комбинациях регулярностей различного масштаба и степени значимости, позволяющих ему реагировать на некоторые проявления реальности. Далее, реализуя тенденцию к объединению ноогенетических структур познавательного процесса, субъект создает целостные концепты реальности, включая гештальты макроистории, основанные на актуализации всего запаса когнитивного опыта, накопленного в ходе интеллектуального освоения реальности в ее макроисторических проекциях. Делается это посредством отбора наиболее подходящих фрагментов данного опыта и приведения его в системное единство, обеспечивающее устойчивое взаимодействие с макроисторической реальностью.

Таким образом, анализ глубинных оснований, лежащих в основе возникновения знания о макроистории, дает возможность определить изначальные условия и механизмы возникновения отмеченного знания, на уровне фиксации субъектом различных регулярностей, а также раскрывает логику образования целостных макроисторических представлений на уровне паттернизации идей частного уровня и их локальных группировок. Данный анализ, несомненно, полезен, поскольку его применение позволяет отследить изначальные факторы, во многом определяющие природу изучаемого знания.

Далее следует остановиться на вопросах, связанных с рассмотрением природы транспарадигмальных компонентов частного уровня, обнаруживающих свое проявление в развитии знания о макроистории и олицетворяющих различные варианты фиксации тех или иных регулярностей. В первую очередь, значимость отмеченных компонентов ноогенеза выражается в том, что они представляют собой первичные структуры, участвующие в образовании целостных макроисторических концептов. Соответственно, изучение качественных характеристик, перечня и механизмов сопряжения данных компонентов ноогенеза позволяет пролить свет на многие вопросы, лежащие в основе формообразования и развития гештальтов макроистории, включая воздействие паттернов организации на данный процесс.

¹¹⁵ См. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – С. 152; 243-244.

Глава 6. ТЕМАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ПОЗНАНИЯ МАКРОИСТОРИИ

Приступая к анализу транспарадигмальных структур частного уровня, следует повторить, что данный уровень представлен сквозными идеями, стабильно повторяющимися в ходе ноогенеза и укорененными глубоко в сознании субъекта. Отмеченные идеи представляют собой не иначе как фиксируемые сознанием субъекта регулярности, отражающие определенные процессы и явления культурно-исторической реальности. Однако, в отличие от множества регулярностей, которые способен определять субъект, данный вид регулярностей характеризуется тем, что они фиксируются субъектом гораздо чаще, чем все остальные. Возникновение и периодическое воспроизведение отмеченных идей на протяжении познавательного процесса проявляется во множестве конкретных случаев и несвязанных между собой ноогенезов, и в определенной степени заложено природой как самого сознания, так и спецификой познаваемой реальности. Названные обстоятельства позволяют говорить об универсальности, по крайней мере, наиболее архаических устойчивых идей на общечеловеческом уровне.

В первую очередь, приступая к рассмотрению отмеченных феноменов ноогенеза, необходимо решить задачу подбора соответствующих теоретико-методологических оснований, позволяющих изучать транспарадигмальные компоненты в развитии знаний о макроистории на частном уровне. Отмеченный вопрос находит свое теоретико-методологическое решение в сфере философии науки, в частности, в работах Дж. Холтона – автора концепции тематического анализа науки, одним из первых обратившего внимание на структурные компоненты ноогенеза. Так, в ходе изучения исторического развития точного знания, Холтону удалось обнаружить и отследить «траектории» развития некоторых идей, периодически проявляющих себя на протяжении истории познания. Причем истоки тех или иных идей в некоторых случаях регистрировались Холтоном на уровне культур Древнего мира. В результате перед автором открылась целая палитра исторически устойчивых компонентов науки, стабильно сохраняющих свой статус в контексте развития знания. Отмеченные структуры Дж. Холтон обозначил как «темы» или «тематические структуры».

В трактовке Дж. Холтона тематические структуры стабильно проявляют себя на протяжении познавательного процесса, буквально «проникая» сквозь его основные этапы. По этому поводу автор отмечает, что анализ тематических структур "... дает возможность находить в развитии науки определенные черты постоянства или непрерывности, некоторые относительно устойчивые структуры, которые воспроизводятся даже в изменениях, считающихся революционными, и которые подчас объединяют внешне несоизмеримые и конфрактирующие друг с другом теории".¹¹⁶ По сути дела, «тематические структуры» в интерпретации Холтона – это пример постоянного прояв-

¹¹⁶ Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – С. 9.

ления и соразвития отмеченных выше сквозных идей, олицетворяющих частный уровень транспарадигмальных структур рассматриваемого ноогенеза. Исходя из данного соответствия, сквозные или устойчивые идеи вполне уместно соотносить с тематическими структурами как на сущностном, так и на понятийном уровне, и в дальнейшем использовать их определения как синонимичные.

Итак, согласно Дж. Холтону, именно темы, формируя черты ноогенетического постоянства, обеспечивают единообразное выражение мыслительного процесса у всего научного сообщества. Темы в таком видении выступают как связующие элементы ноогенеза, а их периодические перегруппировки, усложнения и мутации олицетворяют рост науки, соединяя непрерывной нитью все этапы ее исторического развития, включая, последовательности несоотносимых гештальтов. Данное понимание феномена тематических структур позволяет преодолеть трактовки развития знания как дискретного процесса, сопровождаемого революционными отрицаниями прошлых достижений науки. Отмеченное свойство тематического анализа позволяет изучать историю развития знания в контексте переплетений различных тематических вариаций и их противоположностей, генетически связывающих даже те теории, которые на первый взгляд кажутся совершенно несопоставимыми и даже антагонистичными. Характеризуя данную сторону тематического анализа, Дж. Холтон пишет что "... даже самые глубокие изменения науки, например, такие, которые выражают эволюцию взглядов от Максвелла и до Эйнштейна, требуют от ученого или научного сообщества не коренного преобразования, не «Гештальт переключения» или подобного им драматического разрыва всех верований, данные изменения требуют всего лишь перемещения некоторых тематических компонентов в их противоположную сторону" (перевод авт.).¹¹⁷

Зарождение тематических структур, в интерпретации автора, напрямую связано с наиболее устойчивыми вопросами, возникающими при соприкосновении сознания с изучаемым объектом. Учитывая специфику устройства сознания и общность реальности, с которой взаимодействуют все участники познавательного процесса, становится вполне очевидным, что возникновение тех или иных идей при соприкосновении субъекта с исторической реальностью, в определенной степени запрограммировано спецификой реальности и сознания как таковых. Характеризуя названную черту тематических структур, Холтон отмечает, что многие темы носят универсальный характер и стабильно проявляются в различных областях познавательной деятельности, более того "Междисциплинарная общность тем, используемых в различных областях исследований, бросает свет как на смысл всей научной деятельности, так и на единую основу действующих здесь механизмов воображения".¹¹⁸

¹¹⁷ Holton G. The Advancement of science, and its burdens: with a new introduction. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1998. – P. 177.

¹¹⁸ Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – С. 28.

Отталкиваясь от данной мысли, можно утверждать, что в сфере познания макроисторической реальности существует определенный перечень тематических структур. Отмеченный перечень, будучи сформирован на протяжении ноогенеза, является воплощением некоторого числа стабильно проявляющих себя идей, которые в своей совокупности составляют генетическую основу преемственности знания в области постижения макроистории, «пронзая» основные этапы данного ноогенеза и, тем самым, обеспечивая его целостность. В таком видении динамика тематических структур, обеспечивающая генезис макроисторического знания, включает их перегруппировки, конкурентную борьбу, «мутации», дифференциации, а также всплески и падения актуальности. В данном случае показательно мнение самого Дж. Холтона, изучавшего развитие тематических структур в области точных наук, однако отмечавшего перспективность применения тематического анализа в различных сферах знания. По данному поводу, Холтон писал: «Хотя практически во всех своих работах я анализировал события, взятые из истории физических наук, некоторые результаты могут найти приложение и в других науках».¹¹⁹ И, далее, автор заключает: «Представляется поэтому, что работа по выявлению и классификации тематических структур может привести к открытию каких-то глубинных черт сродства между естественным и гуманитарным мышлением».¹²⁰

Однако концепция тематического анализа науки, разработанная Дж. Холтоном, имеет ряд слабых мест, одним из которых является отсутствие четкого определения «тематической структуры». Причиной данного положения дел является сложность самого феномена тематической структуры, порождающая потенциальное множество ее теоретических интерпретаций. Так, анализируя природу тематических структур, Дж. Холтон отмечает, что «Всегда остается опасность спутать тематический анализ с чем-то иным: юнговскими архетипами, метафизическими концепциями, парадигмами и мировоззрениями. (Вполне может оказаться, что два последних члена этого перечня содержат в себе тематические элементы, однако в целом различия между ними совершенно неустранимы <...>)».¹²¹ Будучи достаточно дискуссионной, отмеченная проблема окончательно не решена и в настоящее время.

Исходя из комплексного анализа рассматриваемого феномена, данное определение можно сформулировать следующим образом: *тематическая структура – это укоренившаяся в сознании субъекта идея, выражающая устойчивое понимание познаваемой реальности, ноогенетическая (или магистральная) линия развития которой характеризуется высокой степенью периодических актуализаций.*

Кроме того, Дж. Холтон не дал ответа на достаточно важный для его подхода вопрос, а именно, автор не сформулировал четких критериев для выявления тематических структур в научном знании, ограничившись их фраг-

¹¹⁹ Там же: С. 9.

¹²⁰ Там же: С. 9.

¹²¹ Там же: С. 41-42.

ментарной, разномасштабной и типологически невыдержанной констатацией в области физики и других естественных наук. В частности, на страницах работ Дж. Холтона встречается упоминание следующих тематических структур: простоты и необходимости, жизненного цикла, изотропии и однородности, симметрии и сохранения, эффективности геометрических образов, бесконечности и конечности, атомизма и континуума, дополнительности, киральности, постоянства, редукционизма и холизма, иерархии и единства, абсолюта и среды. Даже самый беглый анализ позволяет сделать вывод о неоднородности и типологической разобщенности перечисленных тем. Возможной причиной отмеченного положения является то, что темы, по мнению Дж. Холтона, уточняются и развиваются, не позволяя фиксировать их стабильный перечень. Но так или иначе, отмеченный вопрос Холтоном решен не был.

Анализ данного вопроса позволяет сформулировать некоторые критерии, направленные на выявление тематических структур науки, к таковым относятся:

- возраст устойчивых идей;
- степень их распространенности в различных ноогенезах;
- фактор периодичности проявления тем в развитии знания;
- наличие логики в процессе реанимации и угасания тематических структур;
- способность структуры к сопряжению.

Использование первых трех критериев основывается на статистических данных, в свою очередь четвертый и пятый критерии ориентированы на выявление ноогенетических закономерностей, лежащих в основе их развития.

Возвращаясь к анализу тематических структур познания макроистории, следует указать на то, что их становление имеет тесную связь с филогенетическим опытом человечества, затрагивает глубинные основы психики и проявляется на уровне сущностных характеристик сознания. На этом основании вполне уместным становится утверждение, согласно которому тематические структуры, в определенной мере, являются потенциально заложенными в сознание на архетипическом уровне, вследствие его устройства и специфики самой реальности. Иными словами, сознание порождает определенные тематические структуры в силу своей природы, поскольку иначе оно познавать не может.

Так, начиная с древних времен, человечество накопило определенный запас знаний об исторической реальности. Данный опыт получил выражение в общей сумме идей, отражающих понимание ее различных аспектов. Многие из идей, дающих то или иное объяснение происходящим в реальности процессам, проявляли себя чаще, чем другие, и реанимировались в соответствии с некоторой логикой. В ходе сопряжения субъекта с различными формами конкретно-исторической реальности шел постепенный отбор отмеченных идей. В результате данного отбора наиболее «жизнеспособные» из них, закрепляясь в сознании, принимали форму тематических структур.

В ходе развития знания о макроистории обозначились специфические сферы проявления тематических структур, а именно ритуал, мифология, религия, философия, наука, искусство, фольклор и т.д. Каждая из отмеченных сфер проявления тематических структур характеризуется тем, что на определенном этапе развития отмеченного знания в ее контексте рождались целостные концепты макроистории, с соответствующим *перечнем тем*, находящим свое отражение и в других сферах. Кроме того, на протяжении рассматриваемого ноогенеза, те или иные области воплощения тематических структур доминировали над остальными, определяя основные тенденции в понимании макроисторической реальности. Первоначально такой областью выступал ритуал, позднее мифология, далее особый статус приобрела религия, затем наука. Необходимо отметить, что сфера философии в данном процессе сохраняла относительное постоянство. Изначально тематические структуры возникали на уровне коллективных субъектов, закрепляясь в области архетипического, однако по мере усложнения знания, при сохранении коллективной природы тематических структур, их источником во многих случаях стал выступать отдельный человек.

Исходя из сложности рассматриваемой проблематики, уместно обозначить основные этапы становления и развития тематических структур познания макроистории. Следуя логике О. Шпенглера, Дж. Холтона, а также К.-Г. Юнга, можно констатировать, что первые концептуальные воплощения представлений о мире в его макроисторических проекциях, содержащие в качестве обязательного элемента тематические структуры, были сформированы еще на уровне самых ранних этапов истории человека разумного. Однако скудный запас «первичного» или аутентичного материала, ограниченный археологическими данными, делает анализ концептов мироустройства древнейшего человека, на предмет выявления тематических структур его сознания, достижимым, но достаточно трудным. Преодолением отмеченных трудностей может стать опора на «вторичный» материал, выраженный в многочисленных этнографических изысканиях, фольклорных и иных данных. И, тем не менее, уровень «стерильности» отмеченного материала, содержащего налет различных эпох истории, а также следы влияния иных культур, ставит под сомнение «чистоту эксперимента».

Первая доступная для детального изучения сфера, где выражены концептуально оформленные макроисторические представления о мире и происходящих в нем процессах, – мифы. Присутствуя во множестве отдельных культур, мифы, включая их целостные системы, создают возможность фиксации некоторых идей, которые, сохраняя свой статус на протяжении истории познавательного процесса, обнаруживают себя и в современном знании. В первую очередь, особое тематическое единство различных мифологических комплексов отслеживается в контексте анализа типологического своеобразия культур Древнего мира и Средних веков, реализующих различные деятельностные основания, во многом определяемые конкретикой адаптивных условий, с которыми сталкивались те или иные культуры. Исходя из данной зависимо-

сти, устойчивым тематическим единообразием окрашиваются мифологические концепты мира-как-истории, созданные, соответственно, в контексте кочевых, земледельческих и личностно-креативных культур.

Кроме того, анализ мифологических представлений позволяет многим ученым фиксировать в данных феноменах культуры следы влияния древнейшего периода истории. В рамках данного вопроса показательным является мнение Юнга, трактовавшего мифологические образы как отражение сферы коллективного бессознательного, сформировавшейся на самых ранних этапах взаимодействия человека с миром и выраженной в различных идеях и архетипах. Так, рассматривая мифы, К.-Г. Юнг отмечал содержащийся в данных комплексах потенциал укорененных в глубинах сознания идей, направленных на объяснение мира и во многом предопределивших дальнейшее развитие знания. Отмеченная связь мифов с коллективным бессознательным, а, соответственно, и с древнейшим знанием, говорит о том, что в самом раннем периоде истории возникла первичная целостность миропонимания, иначе говоря, своеобразная интеллектуальная матрица, проникшая в «археологию» сознания человека и оказывающая влияние на все последующие переосмысления мироустройства. Акцентируя внимание на высокой роли сферы коллективного бессознательного, выступающей изначально базисом понимания мироустройства и оказывающей влияние на различные пересмотры мировых процессов, К.-Г. Юнг пишет: «То, что предстает в визионерском переживании, есть один из образов коллективного бессознательного, т.е. своеобразный и прирожденный компонент структуры той «души», которая является матрицей и предпосылкой сознания. По главному закону филогенеза психическая структура в точности так же, как и анатомическая, должна нести на себе метки пройденных прародителями ступеней развития».¹²²

Данная матрица, сформировавшаяся в контексте древнейшего периода истории, основана на комплексном отражении мирового устройства и процессов, составляющих его содержание. В ее основе лежат изначально присущие сознанию характеристики, единообразно проявляющие себя в контексте взаимодействия сознания со средой, причем отмеченное единообразие фиксируется на уровне различных коллективов, провоцируя рождение схожих идей и архетипов в различных ноогенезах. В первую очередь, данные идеи отражают устойчивые интерпретации наиболее значимых процессов, лежащих в основе взаимодействия человека с миром. В частности, К.-Г. Юнг, анализируя данный феномен, отмечал, что «... в таком фантастическом искаженном виде физический процесс проник в психику и там закрепился, вследствие чего даже сегодня бессознательное по-прежнему репродуцирует подобные образы».¹²³ Рас-

¹²² Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / Перевод, вступ. статьи Р.А. Гальцевой, И.Б. Роднянской; Примеч. С.С. Аверинцева и др. – М.: Политиздат, 1991. – С. 113.

¹²³ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / Предисл. А.В. Брушлинского; пер. с нем. А.М. Боковикова. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – С. 127.

сматривая общую совокупность мифологических представлений, спроецированных коллективным бессознательным, К.-Г. Юнг констатирует, что они, несомненно, содержат "... отображение физического процесса, причем это настолько очевидно, что многие исследователи, как известно, считают подобные мифы изобретением первобытных людей для объяснения физических процессов. И здесь верно по крайней мере то, что именно на этой материнской почве произросли естественная наука и натурфилософия".¹²⁴ Соответственно, интеллектуальные проекции, исходящие от архаических представлений о мироустройстве, олицетворяют собой не иначе как тематические структуры, тесно связанные с филогенетическим опытом человечества.

Дальнейшее развитие и конкретизацию тематические структуры получают в религиозных концептах мироустройства. В отмеченных формах осознания мира темы усложняются и дифференцируются, обнаруживая все большее число своих частных проявлений. Относительно трактовок мира-как-истории, созданных в контексте различных религий, следует указать на высокую степень преемственности, выраженную в наличии генетических связей устойчивых идей религиозных концептов мира-как-истории с их аналогами в мифологических объяснениях данного аспекта мироздания.

Самостоятельное направление концептуализации представлений о мире представляет философия, в контексте которой формируется широкий спектр авторских трактовок мировых процессов, в том числе и макроисторических, содержащих отражение тех или иных устойчивых идей. На данном уровне познания, помимо высокой роли коллективного фактора в развитии тематических структур, особый статус приобретает роль отдельных личностей.

И, наконец, в области научного осмысления макроистории наблюдается явная преемственность в отношении тематических структур, возникших в различных сферах культуры. Однако, к моменту становления классической науки весомая часть тем, фиксируемых в познании макроисторической реальности, уже получила свою оформленность в контексте предшествующих периодов истории знания; в результате, проникнув в науку Нового и Новейшего времени, отмеченные темы продолжили свои ноогенетические траектории. Кроме того, достаточно внушительным выглядит перечень тематических структур, рожденных в контексте развития самой науки. Примечательно, что в данной сфере, как и в философии, наряду с коллективным фактором высокую роль в оформлении и развитии тематических структур играет личный вклад отдельных ученых.

В итоге общая картина развития тематических структур познания предстает как сложная, используя терминологию Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «корневая» структура,¹²⁵ произрастающая из общей интеллектуальной матрицы, возникшей еще в древнейший период истории и представляющей собой зна-

¹²⁴ Там же: С. 127.

¹²⁵ См. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я.И. Свицкого; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – С. 8-9.

чальный набор тематических структур познания макроисторической реальности, включая первичные формы их целостностей. Данная матрица, закрепившись в сфере архетипического, стала первоначальной основой для возникновения и развития наиболее общих тематических структур. Последующий генезис отмеченных структур связан с их постепенным усложнением, которое строится, как правило, посредством бинарных, либо тринитарных дифференциаций. И, кроме того, развитие тематических структур сопровождается моментами создания новых тем. Однако, как правило, новые структуры находят в архаичных слоях сознания свои более ранние аналоги, содержащие «зерна» будущих дифференциаций, с которыми обозначается их генетическая связь. В таком видении современное состояние процесса познания макроистории предстает как «сложная корона», состоящая из различных тематических структур, произошедших от изначальной ноогенетической матрицы, единообразно реализующей сущностные характеристики сознания и познаваемой реальности.

Существенной стороной тематических структур, возникших в ходе познания макроистории, является их четкое соответствие тем или иным формам реальности (включая различные состояния «первой» и «второй» природы). Формирование отмеченных соответствий основано на том, что многие темы рождались в определенных конкретно-исторических условиях. Далее, в ходе качественных изменений вмещающего пространства, отмеченные темы угасали, переходя в сферу неактуального знания. Однако впоследствии, когда реальность принимала форму, схожую с той, в которой те или иные структуры были созданы, они вновь реанимировались. С течением времени, когда данный процесс повторялся неоднократно, тематические структуры получали четкое закрепление за породившими их состояниями среды, на уровне устойчивых реакций сознания, выраженных в реанимации тех или иных структур, в ответ на проявление определенных средовых воздействий. Причем отмеченные реакции могли проявлять себя достаточно незаметно для познающего субъекта, вплоть до сферы произвольного автоматизма, обеспечивая мобильность познавательного процесса и реализуясь в быстрых ноогенетических переключениях субъекта с одной структуры (или группы структур) на другую.

В настоящее время довольно актуальной и достаточно трудной является задача составления исчерпывающего перечня, а также классификации тематических структур в области исследования культурно-исторического процесса. Фиксация наиболее устойчивых сквозных идей, многократно воспроизводимых в исследованиях культурно-исторической реальности, позволяет предположить, что к области тематических структур в рассматриваемой сфере относятся следующие: начала и конца истории; линейной, циклической и вариативной динамики; сворачивающейся и разворачивающейся спирали; порядка и хаоса; прошлого, настоящего и будущего; разового жизненного цикла; неизменности и изменений; развития; прогресса и регресса; эволюции и инволюции; стабильности и переходности; рока, судьбы; фатализма; провидения;

наличия и отсутствия смысла; источника смысла (извне или от человека); общности и уникальности истории; мессианства; ухода и возврата; возрождения; вечного возвращения; золотого века и многие другие.

Однако даже самый общий анализ данного перечня ставит перед исследователем ряд трудностей. В частности, названный перечень тематических структур не имеет типологического единства. Происхождение, возраст и научная значимость многих тем достаточно различаются и трудно соотносятся. Например, многие темы имеют архетипическое происхождение и достаточно сильную степень укорененности в фольклорных, мифологических, религиозных и философских источниках, а некоторые темы имеют частнонаучное происхождение и даже конкретного автора. Соответственно, данные разнородные темы довольно трудно соотносить и рассматривать как равноценные. Кроме того, многие тематические структуры, хотя и выглядят как самостоятельные, однако с небольшими отличиями повторяют и дублируют друг друга, фактически развивая одни и те же идеи. Также ситуация усложняется тем, что в некоторых случаях процесс реанимации названных структур строится на их воспроизводстве не в буквальном виде, а в несколько измененном, причем меняется не только способ их выражения, но и форма, в которой они получают воплощение. В частности, возникнув в форме устного предания, тема может быть воспроизведена в магическом ритуале, мифе, позднее в религии, философском учении и научном знании. Причем, даже будучи локализованными в рамках отдельных областей своих проявлений, тематические структуры не застрахованы от «мутаций». Примечательно, что в научном знании отмеченный процесс выглядит динамичней, нежели в других областях постижения мира, усугубляясь тем, что устойчивые идеи в развитии науки принимают уникальные конкретно-исторические формы, неся на себе отпечаток не только собственно научной, но и культурной традиции в целом. И, наконец, тематические структуры могут реанимироваться в сочетании с другими темами и, соответственно, сознательно «подстраиваться» субъектом под различные тематические сопряжения и их комплексы. Таким образом, исходя из того, что тематические структуры с течением времени дифференцируются, усложняются, многократно дублируются в различных вариациях, отпочковываются друг от друга, а также спрягаются, уходя от первоначального минимального перечня, сформировавшегося в сознании человека на ранних стадиях становления культуры, в изучаемой сфере можно констатировать растущее многообразие тематических структур. Соответственно, довольно актуальной представляется задача составления исчерпывающего перечня тематических структур в области постижения макроистории, для систематизации и упорядочения которого существует несколько способов.

В частности, вполне возможно построение тематической типологии, основанной на хронологических периодах, представленных доминантами тех или иных структур. Другой основой для построения типологии может стать фактор воплощения тематических структур в тех или иных сферах культуры. Кроме того, возможно создание типологии структур, отражающей их статус в

последовательностях тематических дифференциаций. Однако в рассматриваемом вопросе показательным является мнение У. Эко, отмечавшего на примере анализа искусства и литературы качественную сторону западной культуры, направленной в познании сложного материала на его упорядочение посредством составления различных «исчерпывающих» списков, перечней, классификаций и типологий.¹²⁶ Данные типологии, в контексте европейской научной традиции, являют собой высокую степень познанный упорядоченной и типологизированной реальности. Следуя отмеченной логике, тематические структуры можно упорядочить как угодно, вплоть до элементарного выстраивания отмеченных структур в алфавитном порядке. И все же, это будет всего лишь некая иерархизация разнообразного материала по определенному признаку, затрагивающая лишь поверхностный уровень научной проблематики и выраженная в своеобразной констатации высокой степени ее сложности. Решение отмеченных вопросов через создание различных классификаций, исторических последовательностей и формального структурирования научных достижений не всегда является исчерпывающим.

Разумеется, качественная черта западного мышления, выраженная в его направленности на упорядочение реальности и достаточно ярко проиллюстрированная в работе У. Эко, имеет под собой основания. Главное, на что здесь требуется обратить внимание, это то, что упорядочение материала должно строиться не на случайных, либо традиционно применяемых основаниях; в первую очередь, процесс типологизации и структурирования должен содействовать действительному проникновению в суть изучаемого явления.

Таким образом, исходя из отмеченного многообразия тематических структур, составляющих содержание современного знания, реализуя задачу установления их исчерпывающего перечня на основании подбора типоразличительного признака, максимально отражающего суть изучаемых компонентов ноогенеза, представляется уместным для начала несколько упростить данный спектр их проявлений, ликвидировав многократные повторы одних и тех же тем. Вследствие данного отсева, количество тематических структур, реализующих устойчивые идеи, имеющие достаточно высокий статус, и являющихся в некотором смысле базисными, значительно сокращается.

В результате очищения тематического перечня от повторяющихся друг друга структур, довольно перспективным предстает вариант составления их типологии в контексте постепенного усложнения изначального или древнего перечня тем на протяжении развития знания. Такой подход позволяет составить своеобразное генеалогическое древо тематических структур, произрастающее от изначальных тем и отражающее их «ноогенетические траектории», а также процесс дифференциации, начиная от становления первых концептов мира-как-истории и вплоть до современности. В частности, анализ серьезного числа источников, так или иначе воплощающих макроисторические концепты, показывает, что в сфере изучения процесса познания куль-

¹²⁶ См. Эко У. Vertigo. Круговорот образов, понятий и предметов: Пер. с итал. – М.: Слово, 2009. – 408 с.

турно-исторической реальности тематических структур, берущих свое начало на ранних этапах становления культуры и проявляющихся в течение всего периода развития знания, – не более нескольких десятков. С этим обстоятельством, характерным для научного знания в целом, по мнению Дж. Холтона, “... связана древность многих тем и их постоянное воспроизводство как в течение спокойной эволюции науки, так и во время «революций»”,¹²⁷ поскольку, как считает автор, “... именно сохранение со временем относительно небольшого запаса тем, циркулирующих в любой данный момент в сообществе ученых, и наделяет науку, несмотря на весь ее рост и изменчивость, той индивидуальностью, которой она обладает”.¹²⁸ Кроме того, данный историко-генетический подход позволяет изучать генезис тематических структур и в обратном хронологическом порядке – от современной сложности к первоначальному минимальному перечню тем.

Однако анализ наиболее устойчивых тематических структур, имеющих древнее происхождение, показывает, что по мере движения в прошлые стадии развития знания данные структуры упрощаются лишь частично и, в целом, продолжают соприисутствовать в познавательном процессе, включая его самые ранние периоды. Более того, древние тематические структуры, по отношению к своим современным генетическим линиям не выглядят элементарными. В контексте данного вопроса обращает на себя внимание мнение К.-Г. Юнга, который, рассматривая генезис душевной жизни человечества, отмечал, что “Если мы возвращаемся к тому давнему уровню духовного развития человечества, когда перестают быть видимы принципиальные различия отдельных областей духа, то мы приходим не к познанию глубокого принципа их единства, а лишь к прежнему состоянию недифференцированности, характерному для той ступени процесса исторического развития, на которой не существовало ни того, ни другого. Из этого элементарного состояния нельзя, однако, вывести принципа, на основании которого мы можем сделать вывод о сущности более поздних и более развитых состояний, даже если последние, как это всегда бывает, непосредственно из него (элементарного состояния) вытекают”.¹²⁹ Таким образом, даже на уровне первых синкретичных концептов мира-как-истории обозначается одновременное соприисутствие зачатков основных идей, развивающихся в процессе его дальнейшего освоения. В данном аспекте важно указать, что историко-генетический анализ дает возможность отслеживать последовательности тематических дифференциаций, которые с течением времени формируют растущий список тех или иных ответвлений изначальных тем. Однако отмеченный анализ не позволяет проникнуть в суть первичного тематического перечня, который обнаруживает свое единообразие на всех этапах истории познания. Иначе говоря, историко-генетический анализ позволяет от-

¹²⁷ Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – С. 27.

¹²⁸ Там же: С. 28.

¹²⁹ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / Предисл. А.В. Брушлинского; пер. с нем. А.М. Боковикова. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – С. 39.

следить эволюцию усложнения той или иной изначальной темы, от ее первичного проявления до богатого перечня ее вариаций в современном знании; и, тем не менее, раскрыть природу самой первичной темы названный анализ не позволяет.

В результате отмеченных особенностей, выраженных в принципиальной схожести и генетической обусловленности тематических структур изначальных концептов мира с их дальнейшими аналогами, проблема определения исходного перечня тем упирается в вопросы, связанные с сущностными характеристиками познавательного процесса. Исходя из данного положения, следует повторить, что в основе рождения знания, включая знание о макроистории, лежит отмеченная К. Поппером и Т. Куном способность субъекта определять сходства и регулярности в широком пространственно-временном диапазоне. Либо отмеченную способность можно охарактеризовать в контексте концепции развития интеллекта Ж. Пиаже, как способность субъекта улавливать движения в меняющемся пространственно-временном диапазоне. Далее, на основании фиксации различных регулярностей субъект создает ноогенетические целостности, опосредующие его взаимодействие с реальностью. Отмеченный процесс сопровождается наделением полученного знания смыслом, и, кроме того, знание «окрашивается» личным отношением со стороны субъекта, включая психоэмоциональные, аксиологические, этические и эстетические аспекты природы человека. Соответственно, вопрос построения типологии тематических структур наиболее оптимально решается с опорой на основные параметры работы сознания в осмыслении реальности. К таковым относятся: движение, время, пространство, смысл и отношение.

Данный подход позволяет разбить тематические структуры познания макроистории, предварительно очистив их перечень от многократных повторов, на пять групп, в частности, на темы:

- отражающие макроисторические регулярности;
- иллюстрирующие восприятие времени;
- характеризующие восприятие пространства;
- лежащие в основе поиска смысла истории;
- и, наконец, темы, выражающие отношение субъекта к макроисторической реальности.

В контексте данных параметров вполне уместно осуществить обозначенный выше анализ генетических траекторий исторического усложнения изначальных тематических структур. Учитывая различия сфер воплощения тематических структур познания мира-как-истории, в частности фольклора, мифологии, религии, философии, науки и искусства, их идентификация должна строиться с учетом целого комплекса различных характеристик отмеченных форм освоения мира. Показательным в данном вопросе является мнение самого Дж. Холтона, который, решая задачу обнаружения и упорядочивания тематических элементов научных дискуссий, проводит аналогию с подходом “... фольклориста или антрополога, выслушивающих эпические

предания с целью выявления глубинных тематических структур и повторов”.¹³⁰

Итак, первый параметр познавательного процесса связан со способностью субъекта фиксировать изменения реальности в контексте различных движений и на этой основе распознавать регулярности. Тематические структуры, отражающие макроисторические регулярности, иллюстрируют ритмики, являющиеся определяющими по отношению ко всем другим пульсациям реальности; иначе говоря, ритмики, раскрывающие сущностную сторону мира-как-истории.

В первую очередь, в контексте фиксации данных тематических структур особый статус приобретает тематическая пара «неизменности» и «изменений». Отмеченные темы носят универсальный характер и применимы по отношению ко всем производным от них тематическим структурам. В тесной связи с данными структурами находится еще одна тематическая пара, а именно, темы «порядка» и «хаоса». Тема порядка отражает зафиксированную субъектом регулярность, иначе говоря, его способность видеть в культурно-историческом процессе некоторую логику в виде определенных ритмов, сходств и повторов. В свою очередь, тема хаоса характерна для состояния, когда субъект не может определить регулярности в культурно-историческом процессе. Важным критерием значимости отмеченной пары является то, что данные темы, также как и темы неизменности и изменений, вполне применимы к характеристике любых макроисторических регулярностей. В рамках рассматриваемой группы тематических структур необходимо отдельно подчеркнуть, что каждая из названных тем обладает высокой степенью укорененности на уровне архетипов сознания и определяет развитие целого тематического направления, оказывая серьезное влияние на формирование гештальтов макроистории.

Следуя логике развития познавательных структур человека, а также учитывая образ жизни древних людей, можно заключить, что первые регулярности, фиксируемые в области познания макроистории, основывались на фиксации простых повторов, обусловленных природно-климатическими и биологическими циклами. На данном фоне была сформирована тема «циклизма» мировых процессов, ставшая своеобразной отправной точкой в развитии знания о макроисторических ритмиках. Как уже отмечено в пятой главе, все регулярности, которые фиксирует субъект, основаны на факторе буквальных, либо сложных повторов, а потому все они, условно говоря, цикличны. В данном случае речь идет о доминанте буквальных циклов, сохраняющих свои параметры на уровне постоянных величин, соответственно, раннюю версию темы циклизма уместно обозначить как тему «буквальных повторов». Отмеченная тематическая структура в своих изначальных формах более соответствовала теме неизменности, нежели реализовывала идею изменений, получив свой определяющий статус, начиная с периода архаики. Так,

¹³⁰ Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – С. 26.

характеризуя принцип изначальной цикличности как доминирующий способ понимания процессов, лежащих в основе архаической картины мира, И.М. Савельева и А.В. Полетаев отмечают, что циклическая схема “... учитывает факт наличия изменений, но эти изменения, во-первых, имеют ограниченный диапазон, во-вторых, они периодически повторяются в неизменной последовательности ...”,¹³¹ поскольку “... именно в повседневной жизни люди в первую очередь сталкивались и продолжают сталкиваться с различными циклическими процессами, связанными с движением космических сил (смена времен года, фаз луны, дня и ночи)”.¹³² Следует отметить, что тема циклизма доминировала в трактовах мира-как-истории вплоть до конца эпохи средневековья, наиболее ярко отразившись практически во всех мифологических комплексах, а также на уровне священных текстов и мировых религий, особенно в буддизме.

В процессе развития темы циклизма истории стали обозначаться ее частные проявления. Примером данного ответвления от основной структуры является тема «разового жизненного цикла», отражающая природу мировых процессов на уровне одной фазы цикла, от «рождения до смерти». Однако, как правило, данная тематическая структура содержит гипотетическое прошлое и будущее истории, реализуя идею череды подобных разовых циклов. Отмеченная традиция нашла свое проявление в идее периодического обновления мира, сопровождаемого разрушением прежнего порядка и возникновением нового порядка, практически не связанного со старым. Например, данная тема получила отражение в мифах о всемирном потопе, а также довольно ярко проявилась в Ведах и Авесте. Кроме того, концепты, содержащие идею череды разовых или «разорванных» циклов истории этносов, культур и цивилизаций, получили широкое распространение и в научном знании. В частности, рассматриваемая тема стала достаточно популярной в последней трети XIX века, сохранив высокий уровень востребованности вплоть до настоящего времени, и проявившись в работах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Л.Н. Гумилева, А. Тойнби и др. Однако существуют и буквальные воплощения темы разового жизненного цикла. В частности, примером реализации данной темы на уровне мировой религии, является христианство. Также, определенные черты начальности и конечности макроисторического процесса отслеживаются в работах К. Ясперса и представителей марксистско-ленинской школы истории, развивавших основные положения формационной теории.

Отдельную группу производных структур в развитии темы циклизма образуют темы, отражающие стадийное устройство циклов. Тематические структуры отмеченного уровня имеют массу конкретно-исторических проявлений и отдельных авторов, однако общая суть данных тем сводится к метафоричному обозначению основных возрастных стадий циклов мировой исто-

¹³¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 284.

¹³² Там же: С. 285.

рии, в частности: век богов – век героев – век людей (Дж. Вико), юность – зрелость или цветущая сложность – старость или упрощение (К.Н. Леонтьев), детство – юность – взрослое состояние – старость (О. Шпенглер) и т.п., включая достаточно сложные последовательности. Например, в концепции развития этносов Л.Н. Гумилева, разовый жизненный цикл этноса содержит следующие фазы: подъем – акматика – надлом – инерция – обскурация – мемориальная фаза. В случае своей популяризации, отмеченные названия стадий циклов приобретают статус тематических структур, «отрываясь» от уровня конкретных теорий. Примером отмеченных отрывов является широкое использование возрастных аналогий в характеристике макроисторического развития культур и цивилизаций, введенных в научных обиход Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым и О. Шпенглером; другой пример – наличие акматической фазы развития этносов в концепции Л.Н. Гумилева, ставшей своеобразной темой, олицетворяющей пик зрелости и творческой активности участников макроисторического процесса, и т.д.

Параллельно с темой циклизма возникает тема «линейных» изменений истории, носившая по отношению к теме циклизма подчиненный характер, вплоть до конца эпохи средневековья. Первичные факторы появления данной структуры связаны с прямыми последовательностями, которые субъект фиксировал в рамках макроисторических циклов. Проявляя себя на уровне частной, событийной или повествовательной истории, отмеченная тема отражалась в форме хроник, сутью которых являлось не выявление ритмик истории, а всего лишь прямое документальное отражение событийных цепочек, с некоторыми элементами логики изменений. И лишь в постренессансную эпоху, на фоне качественных трансформаций европейской культуры, данная тема приобрела статус доминирующей.

Изменение статуса линейных трактовок макроистории было связано с появлением темы «прогресса», достигшей своего максимума в XVIII – XIX веках и оказавшей прямое влияние на линейные версии истории, лучше всего подходившие для фиксации небуквальных, возрастающих изменений. Более того, в период своей доминанты тема прогресса оказала воздействие практически на весь спектр регулярностей, отражающих циклические ритмы макроистории. Как следствие, тема циклизма под воздействием темы прогресса приняла форму усложнения циклов, выразившись в так называемой «разворачивающейся спирали». В графическом плане выражение всех регулярностей, основанных на идее прогресса, строится на переменных в виде растущих параметров частоты и амплитуды. Примерами проявления отмеченной темы являются макроисторические концепции И.-Г. Гердера, Ж.-А. Кондорсе, О. Конта, К. Маркса, Л. Уайта, К.М. Кантора и др.

В сфере обозначения стадий линейных регулярностей макроистории, аналогично тому, как это происходило в области циклических концепций, сформировалось определенное число частных фиксаций ее периодов. Некоторые из отмеченных обозначений приняли форму «хрестоматийных» и устойчивых последовательностей, к таковым относятся: последовательность «ан-

тичная история – истории средних веков – новая история» (Х. Келлер); чередование «прогрессивных эпох экономической общественной формации» (К. Маркс), либо чередование «общественно-экономических формаций» (В.И. Ленин); смена периодов человеческой истории «доистория – история – мировая история» (К. Ясперс) и т.д. Отдельные последовательности и названия стадий истории, возникшие в контексте ее линейных трактовок, с течением развития знания, находили свое проявление и в других теориях, основанных на различных регулярностях, приобретая форму тематических структур.

И все же, в контексте линейного видения макроистории сформировалось не так много тематических структур. Одной из причин отмеченной тенденции является то, что фактор повторяемости в линейном развитии минимален. В данном случае тематические структуры могли возникать лишь в случае синхронистического анализа схожих периодов развития тех или иных культур или цивилизаций. Примером отмеченной тенденции является идея «возрождения» в трактовке Н.И. Конрада, а также идея «средневековья» в трактовке Н.А. Бердяева и т.д. Другой путь возникновения частных тематических структур в отмеченных версиях истории – это обозначение ее стабильных и переходных состояний (например «формация» и «революция»; «период» и «осевое время» и т.п.).

В последней трети XIX века популярность получила тема «регресса», наличие которой можно отследить в мифологических и религиозных концептах мира-как-истории, повествующих о постепенном разложении общества, движущегося от «золотого века» к своему упадку или «закату». Идея регресса отразилась на темах циклизма и линейности макроистории, в частности, посредством уменьшения амплитуды и частоты выявляемых регулярностей, выразившись в форме сворачивающейся спирали и нисходящей линии.

Кроме того, в ходе развития знания, в XIX веке обозначились более сложные вариации тематической пары прогресс – регресс, а именно темы «эволюции» и «инволюции».

Во второй половине XX – начале XXI веков, на фоне затруднений в осмыслении логики развития макроисторической реальности, оформляется тема «вариативной» динамики. Суть данной структуры выражена в том, что она направлена на фиксацию регулярностей, основанных на сложных вариациях переменных и нелинейных форм развития. Регулярности данного типа не поддаются однозначному предсказанию, поскольку содержат качественно-своеобразные моменты, лежащие в основе переключения с одной ритмики на другую. Примерами воплощения темы вариативных регулярностей макроистории являются концепции, созданные в сфере системных и синергетических исследований, в частности: теория динамики культурных моделей А. Кребера; вариативная модель динамики культуры П.А. Сорокина; теория развития цивилизаций А. Тойнби; концепция нелинейной динамики культуры М.С. Кагана; теория взрывных трансформаций семиотического ядра культуры Ю.М. Лотмана; синергетическая теория развития миросистем И. Валлерстайна; ризомная модель развития систем Ж. Делеза и Ф. Гваттари и многие другие.

На фоне усложнения макроисторических регулярностей, свое абсолютное выражение получили темы «стабильности» и «переходности». Данная тематическая связка стала одной из определяющих по отношению ко всем регулярностям макроисторического процесса, обеспечив понимание стабильных состояний и этапов смены различных периодов макроистории, включая межфазовые переходы внутри стабильных периодов.

В частности, массу своих локальных обозначений породила тематическая структура «переходности». Примерами частных решений данной структуры являются следующие варианты ее воплощений: «исторический разрыв», «межэпохальность» – как проблема членения культурно-исторического процесса (Л.М. Баткин); «период варварства» – характеризующий упадок культуры, ее разложение и последующее возрождение (Дж. Вико, Н.А. Бердяев); «осевое время» – как всеобщий переход к культурным универсалиям (К. Ясперс); «революция» – как необходимый и закономерный результат развития классовой борьбы (К. Маркс, В.И. Ленин); «непосредственный» и «опосредованный» переход – как две формы проявления переходных периодов, единая сущность которых сводится к процессу смены общественно-экономических формаций (В.Н. Шевченко); «технологическая революция» – как момент качественных изменений технологической подсистемы культуры (Л. Уайт); «кризис» – как закономерный этап культурно-исторического процесса, характеризующий нарушение внутреннего строя культуры (П.А. Сорокин, А.П. Назаретян); «перегиб», «межфазовый переход» – как периоды, содержание которых составляет процесс смены фаз в этногенезе (Л.Н. Гумилев); «фазовый переход» – как переходный период между фазами культурно-исторического процесса, продолжающийся до тех пор, пока вырабатываются все признаки, диагностические для новой фазы (И.М. Дьяконов); «вызов – ответ» – как элемент динамики цивилизаций (А. Тойнби); «деиерархизация» – как процесс распада сложных структур культуры на более простые с их последующим перераспределением (иерархизацией) (В.П. Бранский, С.Д. Пожарский); «бинарность», «раскол» – как наличие двух противоположных ценностных полюсов, обуславливающих постоянные переходы в культуре (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский); «эристические» эпохи – как переходные эпохи в истории культуры (И.В. Кондаков); «раскол» – как разрыв коммуникаций внутри общества (А.С. Ахиезер); «пограничье» – как период развития культуры, находящийся между определенными историческими эпохами и связующий их (В.Е. Багно); «сдвиг» – как механизм и средство изменения исторического состояния (К.Н. Леонтьев, Э.В. Сайко); «структурные перестройки» – как форма адаптивных процессов, олицетворяющая собой переход системы культуры на качественно новый уровень самоорганизации (Э.С. Маркарян); «хаос» – как олицетворение полного разложения структурно-функционального единства культуры и ее последующей коренной трансформации (И.Р. Пригожин, В.В. Василькова, Е.Н. Князева); «взрыв» – как момент всеобщей и качественной трансформации ядра семиотического поля культуры (Ю.М. Лотман); «медиальная» фаза – как этап пере-

хода, совмещающий характеристики уходящей (антецедентной) и нарождающейся (консеквентной) формации мирового исторического процесса (Г.Г. Сильницкий); «переходный тип культуры» – как качественно своеобразный и оформленный культурно-исторический тип, обеспечивающий процесс смены стабильных культурно-исторических типов (Л.М. Баткин, М.С. Каган); «постмодерн» – как состояние культуры, знаменующее собой момент самопознания и переосмысления реализовавшегося культурно-исторического типа (У. Эко); «*kairos*» – как пространство-время, наиболее близкое к системно-синергетическому видению переходных процессов в историко-культурном развитии (И. Валлерстайн) и т.д. Многие из отмеченных вариантов обозначения темы переходности с течением времени приобрели статус самостоятельных структур, либо, как в случае с «хаосом», являлись таковыми изначально.

Рассматривая различные варианты воплощений темы переходности, необходимо указать, что состояние перехода изначально не притягивало внимание со стороны субъекта, поскольку архетипически воспринималось им как потенциально опасное, дезориентирующее, безстатусное и потому нежелательное для него состояние реальности, достаточно сильно затрудняющее выявление регулярностей. На этом фоне субъект обозначил изначальною склонность к предпочтению стабильных состояний мира-как-истории. Однако общая логика развития тематической структуры переходности в истории знания показывает постепенное повышение интереса к ней со стороны субъекта, вплоть до того, что в контексте синергетической парадигмы данная тема стала определяющей по отношению к теме стабильности.

Тема стабильности, так же как и тема переходности, имеет множество локальных воплощений. В самом широком смысле тема стабильности отражает некие устойчивые тенденции, реализуемые в различных регулярностях макроистории. В более узком смысле отмеченная тема применима к обозначению стабильных периодов, фиксируемых в регулярностях, основанных на буквальных повторах, прогрессе, регрессе и вариативности истории. К конкретно-историческим воплощениям данной темы относятся все фиксации стабильных стадий макроисторического процесса, приведенные в контексте характеристики различных регулярностей в настоящем обзоре.

Архетипическое восприятие темы стабильности со стороны субъекта носит положительный характер, обусловленный тем, что стабильность изначально воспринималась им как фактор безопасного существования, обеспечивающий возможность предвидеть изменения реальности. Тем не менее, в контексте различных версий макродинамики истории, тема стабильности получает неоднозначные толкования. Например, тема стабильности, включая ее локальные версии, в частности тему «застоя» (А. Тойнби), в контексте идеи прогресса выглядит как отражение отрицательного фактора динамики. Однако та же тема, но только в контексте темы буквальных циклов, отражает желаемое состояние для субъекта.

Таким образом, на протяжении развития знания был сформирован целый перечень тематических структур разной степени значимости, образую-

щих иерархическую цепочку дифференциаций макроисторических регулярностей от нескольких наиболее общих тем.

Следующий параметр познавательного процесса касается восприятия времени. В отношении обозначенного параметра в процессе интеллектуального освоения макроисторической реальности оформился ряд тематических структур. Рассматривая отмеченные темы, важно сделать акцент на том, что понимание времени в контексте общих трактовок макроисторической реальности на протяжении истории познания хоть и приобретало некоторые различные оттенки, однако на уровне сущностных характеристик сознания его восприятие оставалось и остается достаточно однообразным. В частности, общая схема восприятия времени, тесно связанная со способностью субъекта переживать, запоминать и предвидеть, была сформирована уже в архаической древности, – речь идет о трактовках времени как последовательности прошлое – настоящее – будущее. Названная способность воспринимать время на сущностном уровне никогда не менялась, представляя априорные качества процесса познания. На основании перечисленных временных проекций были сформированы первые три тематические структуры, выражающие различные акцентуации в понимании макроисторического времени, иначе говоря, идейную направленность макроистории на «прошлое», «настоящее» или «будущее». Основу данных акцентуаций создает смысловая составляющая истории, определяющая степень значимости каждого из векторов времени. В контексте данных временных проекций сформировалась тема «золотого века», включая ее устремленность, соответственно, на прошлое, настоящее и будущее.

Относительно характеристики древнейших форм восприятия времени, достаточно интересную интерпретацию данного вопроса предложил М. Элиаде, фиксируя в своих работах так называемые «вневременные» культуры, а именно культуры, в которых динамике времени не уделялось решающего значения. В частности, характеризуя древнейшие общества как внеисторические, Мирча Элиаде отмечает, что "... для "первобытного мышления" все важнейшие акты повседневной жизни были явлены изначально богами или героями",¹³³ соответственно, главной особенностью древнейшего периода истории человечества, по мнению автора, было отрицание каких-либо перемен и исторического времени. Так, рассматривая отмеченное свойство архаических культур, М. Элиаде констатирует, что в данных культурах "... особенно бросается в глаза тенденция сопротивляться конкретному историческому времени и стремление периодически возвращаться к мифологическому первоначалу, к Великому Времени".¹³⁴ Однако, несмотря на отмеченное качество архаических культур, выраженное в игнорировании исторического хода времени, некоторые временные последовательности, так или иначе, фиксировались субъектом. Но только данные фиксации носили частный, а потому вторичный и незначитель-

¹³³ Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / Пер. с фр.; Науч. ред. В.П. Калыгин, И.И. Шептунова. – М.: Ладомир, 2000. – С. 44.

¹³⁴ Там же: С. 23.

ный характер по отношению к постоянной возобновляемости мировых процессов. В данном случае речь идет о культурах, макроисторические концепты которых основывались на буквальной цикличности мира-как-истории, и потому в контексте отмеченных повторов время могло трактоваться как незначительный параметр.

Отмеченная тенденция нашла свое продолжение и в традиционных культурах Древнего мира, реализующих тему буквального циклизма мировых процессов в качестве определяющей. Основываясь на идее буквальных циклов, составляющей центральное содержание понимания макроисторических процессов в названных культурах, можно отметить, что в картинах истории древних культур присутствовало и будущее, и прошлое, состоящие из последовательностей циклов, реализующих логику буквальных повторов. Однако последовательности однообразных повторов, уходящих в прошлое и будущее, не вызывали большого интереса у представителей древних культур. Вследствие проявления отмеченных факторов, тема настоящего приобрела особый статус, надолго закрепившись в подавляющем большинстве макроисторических картин, основанных на буквальных циклах. Помимо темы настоящего, немаловажную роль в контексте древних и особенно средневековых гешталтов макроистории, получила тема прошлого. Кроме того данная тема нашла яркое проявление в научных теориях, отражающих идею регресса истории. В свою очередь, явные акценты на тему будущего обозначились лишь в Новое время в концептах мира-как-истории, реализующих идею прогрессивного развития человечества. Названные аспекты логики, определяющей смысловые акценты на прошлое, настоящее и будущее, показывают высокий уровень зависимости понимания времени от состояния адаптивных структур субъекта, а также от характера господствующих регулярностей, которые использует субъект в трактовках мира-как-истории.

Более того, в контексте тех или иных макроисторических регулярностей нередко происходит прямое отождествление времени с их формами. Так, циклическая регулярность формирует представления о «циклическом» времени, линейная регулярность – о «линейном», вариативная – о различных вариациях хода времени, порождая соответствующие тематические структуры (например, «нелинейности» времени). В процессе развития отмеченных тенденций диапазон восприятия времени и, соответственно, тем получил многочисленные объяснения и хроноструктурные формы, достигнув апогея своей сложности в контексте вариативных регулярностей макроистории, отражающих системные и синергетические алгоритмы развития. Отмеченная тематика нашла отражение в работах таких авторов как Ф. Бродель, И. Валлерстайн, И.М. Савельева, А.В. Полетаев, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов и других.

Особую роль в восприятии исторического времени играют темы, характеризующие его предельность, а именно тематические структуры «бесконечности» и «конечности» времени. С названными структурами, в первую очередь, с темой конечности истории, связаны темы ее «начала» и «конца». Обозначенные тематические пары вполне допускают определенные комбинации,

выраженные в том, что историческое время может иметь начало и быть бесконечным в направлении будущего, или иметь конец и быть бесконечным в направлении прошлого, либо иметь конец и начало, либо быть полностью бесконечным. Решение данных тематических сочетаний, в первую очередь, находится в прямой зависимости от форм макроисторической регулярности, с которыми взаимодействует субъект, а также от специфики выявляемых регулярностей и смыслового содержания макроистории.

Так в циклических концептах макроистории свое проявление получают обе тематические пары. В частности, темы начала и конца применяются для обозначения предельных рамок отдельных циклов. В свою очередь, в рамках общего макроисторического диапазона циклических версий допустимы как идеи бесконечности истории, так и гипотетические моменты ее начала и конца, однако достаточно далекие, чтобы не быть ощутимыми в ее ближайших проекциях. То же самое можно сказать и относительно линейных версий макроистории, основанных на стабильных ритмиках. Однако в контексте регулярностей, отражающих идеи прогресса либо регресса, появляются различные акценты на рассматриваемые тематические пары. Например, в контексте темы регресса истории, популяризируется идея ее конца, при возможной конечности или бесконечности ее прошлого. В свою очередь в контексте темы прогресса, как правило, хотя и не всегда, бесконечным становится будущее, а прошлое конечным. Относительно вариативных ритмик макроистории можно заключить, что в их пространстве допустимы различные сочетания тем начала и конца, а также бесконечности и конечности макроистории.

Еще одну тематическую пару образуют идеи «ускорения» и «замедления» времени. Логика востребованности данных тем обусловлена событийной насыщенностью различных периодов истории, а также динамикой качественных изменений, составляющих их содержание. Наиболее ярко отмеченная тематическая пара проявляет себя в контексте противоположных характеристик восприятия хода времени в контексте стабильных и переходных состояний макроистории. Монотонно протекающие стабильные периоды в таком ракурсе характеризуются замедлением времени, а событийно и информационно насыщенные состояния переходности, соответственно, его ускорением.

Отдельную группу тематических структур, раскрывающих понимание макроисторического времени, олицетворяют темы, отражающие различные варианты решения проблемы временных интервалов макроистории. Данные темы вполне устойчивы, однообразны, практически не подвержены дифференциации и потому вполне легко определяются. К таковым темам относятся: «век», «период», «эпоха», «эра» и так далее, включая различные варианты «круглых чисел» десятичной и некоторых других систем счета.

И, наконец, наиболее сложную группу тематических структур, раскрывающих восприятие исторического времени, представляют темы, реализующие идею усложнения представлений о времени. Весомый вклад в разработку данных тематических структур внес Ф. Бродель. В частности, преодолевая традиционную, просветительскую трактовку исторического времени, в осно-

ве которой лежали физические параметры, автор сконцентрировал внимание на субъективных моментах его восприятия и описания как социального творения. Относительно проблемы времени Ф. Бродель отмечал, что «Диалектика времени – это ядро социальной реальности, живое, внутреннее, постоянно возобновляемое противоречие между настоящим моментом и медленным течением времени. О чем бы ни шла речь, о прошлом или о настоящем, четкое понимание того, что социальное время имеет множество форм, оказывается неотъемлемым для общей методологии наук о человеке».¹³⁵ Воспринимая время двояко, как протяженность промежутка времени и как объект измерения, Ф. Бродель выделял несколько категорий социального времени в терминах протяженности:

- короткий период (l'histoire evenementielle) – «история событий»;
- средний период (l'histoire conjoncturelle) – «конъюнктурная» или «циклическая история»;
- длительный период (l'histoire structurelle или longue duree) – «структурная история»;
- очень длительный период – «время мудрецов».¹³⁶

Таким образом, относительно понимания макроисторической реальности особый статус тематических структур получило социальное время среднего и длительного периодов, а также время мудрецов. Отмеченные темы позволили обогатить существующие представления о времени, выраженные в представлениях о его ограниченных, либо бесконечных дискретных последовательностях, дополнив данные представления пониманием многомерности времени.

Третья группа тематических структур характеризует восприятие пространства. По сути, данный параметр касается границ взаимодействия субъекта с окружающей реальностью в процессе адаптации. Определив данные границы, субъект, опираясь на логику изменений пространственных параметров реальности, проецирует данные представления на прошлое и будущее. В контексте данных проекций пространственные параметры макроисторической реальности либо сохраняются на одном уровне, либо меняются в направлении его расширения или сужения. Данные пространственные изменения отражаются в темах «постоянного», «расширяющегося» и «уменьшающегося» пространства. Сохранение представлений о макроисторическом пространстве на одном уровне наблюдается в культурах, цикл жизнедеятельности которых основан на его буквальном воспроизводстве. Данные состояния культуры олицетворяют собой равновесное соотношение адаптивных структур субъекта с воздействием средового фактора. Расширение пространственных рамок макроисторических концептов может происходить вследствие экстенсивного или интенсивного

¹³⁵ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории [Сборник статей] / Общ. ред. и вступ. статья И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – С. 117.

¹³⁶ См. например: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв.: В 3 т. / Пер. с фр. Л.Е. Куббея; Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – Т. 3: Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – С. 65-84.

роста адаптивных структур субъекта, а также на основании тенденций экспансии, по-разному проявляющих себя в тех или иных культурах. В свою очередь, уменьшение макроисторического пространства является следствием снижения эффективности адаптивных структур субъекта и, кроме того, выражается в ослаблении тенденций культурной экспансии.

Относительно понимания пространства в ходе развития знания о макроистории оформились еще две тематические структуры. К таковым относятся темы «локального» и «всеобщего» пространства. Названные темы находятся в определенной зависимости от интегрированности той или иной культуры или цивилизации в общий макроисторический процесс. Данная включенность или, напротив, ограниченность основывается на множестве конкретно-исторических факторов и типологических особенностей культур, и зависит, например, от преобладания традиционных или инновационных процессов; от различий в деятельностных доминантах; от уровня научно-технического развития; от природно-географического фактора и т.д.

Кроме того, весомый вклад в расширение тематических трактовок исторического пространства внес Ф. Бродель, выделив в его структуре несколько «множеств» (или «реальностей»), соответствующих масштабам макроисторического анализа. К таковым множествам, ставшим своеобразными тематическими структурами, автор отнес – «экономическое», «политическое», «культурное» и «социально-иерархическое». Общее историческое пространство, по мнению Ф. Броделя “... будучи источником объяснения, затрагивает разом все реальности истории, все, имеющее территориальную протяженность: государства, общества, культуры, экономики ...”¹³⁷ Соответственно, отдельные множества, фактически олицетворяющие собой локальные пространства, сосуществуют в общем пространстве, переплетаясь и наслаиваясь друг на друга, образуя сложные сочетания.

И, наконец, определенное влияние на процесс дифференциации тематических структур пространства макроистории (равно как и времени) оказал И. Валлерстайн. В частности, разрабатывая проблематику времени на основе четырех временных длительностей Ф. Броделя, автор пришел к выводу, что категория исторического пространства не ограничивается физическими параметрами, а имеет такой же характер, что и историческое время. Согласно И. Валлерстайну, у каждого социального времени, которые выделяет Ф. Бродель, есть свои особые пространственные «дубликации». На этом основании Валлерстайн объединяет их в одну категорию – «множественные пространства-времени» – выстраивая соответствующие связки, согласно которым «эпизодическое время» обслуживается «геополитическим пространством»; к «циклическому времени» приложимо «идеологическое пространство»; «структурному времени» соответствует широко обозреваемое «структурное пространство»; со «временем мудрецов» соотносится «постоянное (eternal, т.е. вечное) пространство». Кроме того, отдельную категорию про-

странства-времени И. Валлерстайн вводит для обозначения кризисных или переходных состояний исторической реальности, обозначая ее термином «kaïros». Смысловая нагрузка kaïros, в противоположность количественному и формальному времени «chronos», определяется автором в традиции системно-синергетического видения переходных ситуаций в историко-культурном развитии. В данном семантическом ключе kaïros предстает как пространство-время исторического самоопределения, “... в котором мы все употребляем нашу свободную волю во благо и во зло. И когда это происходит, мы выбираем наш новый порядок”¹³⁸.

Четвертая группа тематических структур познания макроистории основана на способности субъекта наделять знание смыслом. Характеризуя данный параметр, необходимо отметить, что осмысление как таковое, является сущностной стороной познавательного процесса. Осмысление позволяет объяснить скрытые свойства изучаемого объекта и, кроме того, дает возможность «вписать» его в общую структуру смоделированного субъектом мироустройства. По сути дела, рождение смысла в сознании субъекта – *это основа возникновения явного знания*.

В сфере познания культурно-исторического процесса смысл связывает событийные «кванты» и организует их в соответствии с логикой базисной регулярности, объясняя и оправдывая особенности устройства определенной макроисторической реальности. Так, определив стержневые регулярности в некотором пространственно-временном диапазоне конкретно-исторической реальности, субъект наделяет полученное знание смыслом, тем самым концептуализируя данное знание и придавая ему единую форму. В данном случае смысл выступает своеобразным источником тематического единства, и в этом плане он соотносим с некоторыми значениями термина паттерн.

В первую очередь смысл должен объяснить и оправдать наличие определенной реальности и особенностей ее устройства. Поэтому смыслы истории иногда выражают не столько желаемое для самого субъекта, сколько действительное и обусловленное реальностью положение вещей. В этом плане смысл, будучи созданным субъектом, в некоторых случаях может противоречить его изначальным устремлениям.

В смысловой сфере культурно-исторического процесса особое место занимают темы «наличия» и «отсутствия» смысла. Первичной темой в данной паре выступает тема наличия смысла, так как создание даже самых ранних концептов мира-как-истории не могло не включать смысловую компоненту. В свою очередь, тема отсутствия смысла является в некотором роде подчиненной, или вторичной, поскольку ее актуализации связаны с периодами временной неспособности субъекта фиксировать устойчивые гештальты макроистории. Тема отсутствия смысла находит свое гротескное продолжение в своих частных вариациях, а именно в темах «бессмыслицы» и «абсурдности» исто-

¹³⁷ Там же: С. 13.

¹³⁸ Валлерстайн И. Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы [Электронный ресурс] // Режим доступа. – <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/period/walspace-w.htm> [15.10.2013].

рии. Данные крайние трактовки смыслового пространства макроистории, как правило, рождаются в периоды кризисов не только познавательных способностей субъекта, но и культуры в целом.

В контексте темы наличия смысла выделяется подчиненная тематическая пара, включающая темы «источника смысла извне» или «от человека». Смысловая компонента истории, фиксируемая субъектом извне, породила ряд тематических структур, выраженных в идеях «смирения» и «противостояния» отмеченным смыслом; «принятия» и «непринятия» смысла; «активной» и «пассивной» позиции по отношению к смыслу; «преодоления» и «следования» смыслу. Кроме того, примерами частных проявлений данных структур явились темы «рока судьбы», «фатализма» и «провидения». Однако по мере развития культуры и осознания человеком своих возможностей тема источника смысла извне дополнилась своей противоположностью, а именно, темой происхождения смысла «от самого человека». На этом фоне возник перечень тем, связанных с развитием и совершенствованием его способностей. Ключевой структурой для данного перечня, стала тема «антропоцентризма истории».

Кроме того, характеристика тематических структур, отражающих смысловую составляющую макроистории, включает темы, дающие общее понимание места и роли тех или иных культур и цивилизаций в культурно-историческом процессе. Таковыми являются темы «исключительности» и «всеобщности истории», «мессианства» и «уникальности исторического предназначения» и многие другие.

И, наконец, пятая группа тематических структур основана на способности субъекта выражать свое *отношение* к полученному знанию. Отмеченный параметр познавательного процесса, являясь наиболее субъективным и трудным для изучения, включает аксиологическую составляющую, сферу этического и эстетического, а также психоэмоциональное состояние субъекта, возникающее в процессе познания реальности.

Рассматривая отмеченный сверхсложный параметр, важно подчеркнуть, что способность субъекта усматривать ценности как источники блага, а также познавать мир, испытывая при этом определенные психоэмоциональные состояния, основываясь на дихотомии добра и зла, прекрасного и безобразного, и, наконец, вкусовых предпочтениях, составляет сущностную характеристику не только процесса познания, но и субъекта как такового, определяя его антропологическое своеобразие. Иначе говоря, в силу специфики собственной природы человек не может познавать что-либо без проявления своего отношения к изучаемому объекту. Согласно сказанному можно заключить, что все темы, получая множество различных конкретно-исторических воплощений, «окрашиваются» отношением со стороны субъекта, включая весь спектр вариаций данного параметра познания. Исходя из того, что познание предполагает проявление личной позиции субъекта в оценивании его результатов, уместно констатировать, что к тематическим структурам, подвергаемым воздействию перечисленных качеств человека, относятся все названные выше темы.

Как следствие, к тематическим структурам в сфере познания культурно-исторического процесса, отражающим отношение субъекта, можно отнести массу тем и их вариаций, например, тему «светлого будущего», как вектора оптимистического понимания направленности истории; «легендарного прошлого», «золотого века прошлого», как тем, отражающих романтизацию ушедших эпох; «стабильности вековых традиций», как темы, направленной на самосохранение уникального исторического облика культур и цивилизаций; «изменений», как отражения ценности прогрессивного развития; «величия», «мессианства», «великодержавности», как отражения претензий коллективного субъекта на его историческую исключительность; «смирения с роком», как отражение темы провиденциализма, в традиционных обществах; «конца света», как предчувствия печального финала истории на фоне тех или иных кризисных процессов; «возрождения», как преодоления трудностей; «застоя», как отрицательного фактора, выраженного в отсутствии развития; «всепоглощающего хаоса», как проявления потенциальной опасности исторической реальности и др. Более того, все названные темы вполне допускают свои диаметрально противоположные трактовки в зависимости от их контекстуальной обусловленности. Например, тема «стабильности вековых традиций», воспринимаемая в контексте макроисторических картин, реализующих идею прогресса, выглядит как непривлекательная. Однако та же тема, но в контексте картин истории, ориентированных на буквальные повторы, оказывается наиболее желанной и положительной. В итоге отмеченный аспект развития тематических структур предстает настолько разнообразным, что буквальная фиксация всех частных проявлений тематических вариаций, которые возможны в данном аспекте познавательного процесса, будет чрезмерно фактографичной и, в целом, излишней. Главное в данном пункте рассмотрения логики развития тем – уловить принцип тематических мутаций, возникающих вследствие контекстуальной обусловленности их личного восприятия и переживания субъектом.

Таким образом, фиксация тематических структур макроисторической проблематики в контексте основных параметров познавательного процесса позволяет сформулировать общий перечень тем, проявляющих себя в данной области знания, а также обозначить их иерархическое соподчинение и последовательность исторических дифференциаций. В завершении анализа представленного перечня следует подчеркнуть, что названия, данные тематическим структурам в настоящем обзоре, носят условный характер и вполне допускают использование широкого синонимического ряда для их обозначений. Однако смысловое содержание перечисленных выше структур в целом передано достаточно полно.

Отдельный аспект в рассмотрении природы тематических структур представляет вопрос изучения форм их динамики и мутаций, включая анализ глубинных факторов, лежащих в основе данного процесса. В первую очередь, отмеченный аспект интересен тем, что изучение особенностей развития тематических структур проливает свет на некоторые вопросы образования частных тематических сопряжений. В результате, в контексте данной проблема-

тики высвечивается проблема возникновения паттернов организации, проявляющих себя на локальном уровне тематических связей.

Общие контуры развития тем можно определить как череду периодических актуализаций и забвений, обусловленных снижением и повышением интереса к данным структурам со стороны субъекта. В частности, по мнению Дж. Холтона, «карьера» тематических структур "... может быть неплохо понята в терминах жизненного цикла; иначе говоря, сначала темы могут испытывать подъем и широко приниматься, затем это принятие может сужаться и в конце концов сходить на нет".¹³⁹ После чего вполне может наступить период очередного витка цикла, поскольку развитие тематических структур носит черты постоянства, и их жизненный цикл не сводим к форме разовой востребованности с последующим угасанием, не предполагающим дальнейшего интереса со стороны субъекта.

Однако анализ исторического развития множества структур показывает, что реальные траектории тематической динамики хоть и отражают названные характеристики, все же выглядят несколько сложнее. Дело в том, что темы все-таки могут угасать, и угасать надолго, и фактор их последующих проявлений остается лишь гипотетическим. Отсюда возникает вопрос – «Является ли некая «спящая» идея тематической структурой или нет?». Кроме того, многие темы реанимируются после длительных периодов забвения, равных нескольким столетиям, в течение которых данные структуры имели статус исчерпавших себя и безвозвратно ушедших в прошлое. В итоге в рассматриваемом вопросе находят свое проявление трудности, связанные не только с обозначением ноогенетических траекторий развития тем, но и с фиксацией тематических структур как таковых, так как долгие периоды пребывания тем или иных структур в сфере неактуального знания ставят под сомнение их тематический статус. В данном случае приходится заключить, что природа отмеченных тематических пульсаций зависит от множества различных факторов, включая их внешние (средовые) и глубинные (связанные с психической жизнью субъекта) проявления, детальный анализ которых содержит определенные трудности, связанные с внутренней сложностью данного процесса, и некоторыми погрешностями, возникающими в ходе его упрощенных трактовок. В частности, рассматривая сложность отмеченной проблематики, Дж. Холтон отмечал, что «Мы и сейчас крайне нуждаемся в детальном изучении механизмов таких подъемов и упадков».¹⁴⁰

И, тем не менее, среди значимых факторов, лежащих в основе динамики тематических структур познания макроистории, в первую очередь, необходимо отметить влияние феноменологии вмещающей среды на сознание субъекта. В частности, как уже было показано выше, субъект, соприкасаясь с различными проявлениями конкретно-исторической реальности, выработал определенное число реакций сознания на основные формы средовых воздей-

ствий, выраженные в реанимации тех или иных тематических структур, или отказе от них. Данные реакции, принимая с течением филогенеза все более устойчивый характер, в некоторых случаях достигают степени непроизвольного автоматизма.

Помимо названного обстоятельства на вопрос актуализации тем или иных тематических структур оказывает влияние целый комплекс факторов, начиная от духовных и ментальных основ культуры, идеологических и политических конъюнктур, парадигмального фактора, различных тенденций «научной моды», заканчивая «вкусовыми» предпочтениями отдельных исследователей. Особое значение анализу природы личных предпочтений субъекта в развитии тематических структур придавал Дж. Холтон, отмечая, что "... большинство составляющих частей тематического воображения ученого, быть может даже все оно целиком, оформляется еще до того, как он превращается в профессионала, а некоторые из особенно прочно удерживающихся тем заметны даже в детстве".¹⁴¹ Устойчивость тематического интереса тем или иных ученых, по мнению автора, "... раз сформировавшись, обычно оказывается на удивление долгоживущей, но и она может меняться".¹⁴² Степень постоянства и изменений личностных тематических предпочтений субъекта, согласно Холтону, зависит не только от прямого воздействия внешней среды, но также во многом определяется глубинными процессами его психики. Таким образом, общий перечень факторов, оказывающих влияние на динамику тем, предстает как сложный комплекс условий, включающих средовые и внутрикультурные воздействия, а также личностные особенности субъекта.

Итак, приступая к анализу некоторых аспектов динамики и мутаций тематических структур, а также вопросов, связанных с логикой образования локальных тематических сопряжений, составляющих в своей совокупности средний уровень проявления транспарадигмальных структур, следует напомнить, что отмеченный уровень тематических сочетаний представляет собой основу для формирования целостных макроисторических концептов. Анализ данных вопросов, при всей их сложности и слабой научной разработанности, позволяет выделить несколько аспектов тематической динамики, реализующей определенный уровень тематических связей. В частности, разработчик концепции тематического анализа науки Дж. Холтон в контексте своих исследований констатировал наличие "... одиночных тем, дублетов и возникающих подчас триплетов ...".¹⁴³ Данные тематические разновидности имеют различные формы выражения и специфические траектории ноогенетического развития.

«Одиночные» темы представляют собой определенные устойчивые идеи сознания, которые не имеют четко сформулированных тематических альтернатив, а если альтернатива и имеется, то всего лишь в форме простого отрицания изначальной темы. Дело в том, что, говоря о названных Дж. Хол-

¹³⁹ Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – С. 41.

¹⁴⁰ Там же: С. 41.

¹⁴¹ Там же: С. 40.

¹⁴² Там же: С. 41.

¹⁴³ Там же: С. 27.

тоном одиночных тем, следует учитывать бинарную составляющую познавательной деятельности, обеспечивающую возможность отрицания любой темы формулировкой «нет, это не так», и, соответственно, идея отрицания темы может стать своеобразной тематической структурой. Например, идее осевого времени истории может противостоять идея отсутствия данных периодов, идее ризомной модели исторической динамики, в свою очередь, противостоит идея ее отрицания и т.д. Однако без порождающей или первичной темы идея ее отрицания не имеет самостоятельного значения, и может считаться тематической структурой лишь условно.

«Ноогенетические карьеры» одиночных тем строятся по принципу их периодической реанимации и забвения (рис. 8). В частности, субъект пробуждает одиночную тему в сознании, как только ему удастся зафиксировать в конкретно-исторической реальности регулярность, породившую данную структуру. В иных ситуациях тема остается не востребовавшей и не оказывает серьезного влияния на ноогенетический процесс, пребывая в состоянии «спячки» в глубинных уровнях сознания вплоть до сферы архетипического. Либо реанимация темы может быть связана с моментом «переключения» ноогенетических структур, когда на фоне устаревшего способа объяснения исторической реальности субъект формирует ее новые интерпретации, тем самым пробуждая весь комплекс существующих тем. Сопряжение одиночной темы с другими темами строится в зависимости от ее статуса в тематической иерархии, а также на основании ее способности к пластичным изменениям и резким «мутациям».

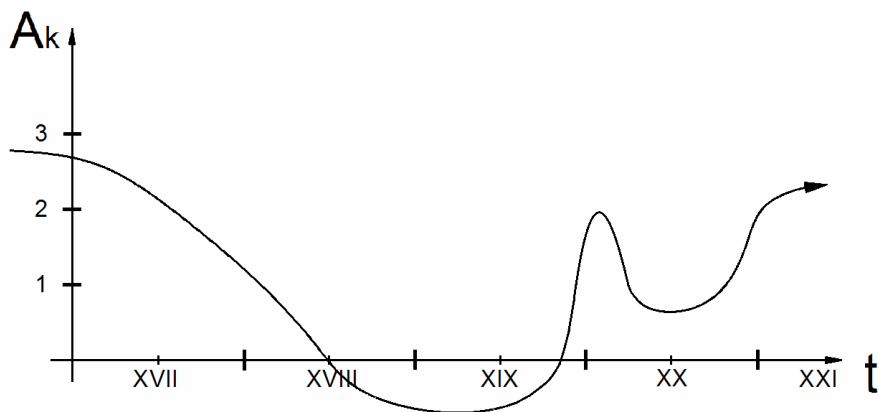

Рис. 8. Развитие темы макроисторических циклов (« A_k » – уровень актуальности знания; 1 – низкий, 2 – средний, 3 – высокий уровень актуальности; « t » – хронологическое время).

Тематические «дублеты», отмеченные Дж. Холтоном, представляют собой наиболее распространенную форму воплощения тематических структур, поскольку, как правило, темы носят парный характер, состоящий из наличия

темы и ее альтернативной идеи, то есть «антитемы». Примерами отмеченных дублетов являются темы порядка и хаоса, стабильности и переходности, упадка и возрождения, общности и уникальности истории и др.

«Ноогенетическая карьера» тематической пары строится по принципу поочередного доминирования ее составляющих, однако без строгой математической ритмики (рис. 9). Процесс реанимации и угасания тематических противоположностей напрямую связан с моментом исчерпания одной из «сторон» в объяснении той или иной грани культурно-исторической реальности. В графическом отражении данное развитие можно проиллюстрировать наложением двух синусоид, расходящихся и сходящихся в некой точке. Данная точка схождения олицетворяет процесс появления кратковременного «тематического компромисса», примиряющего крайние тематические решения на фоне смены их доминант. Проходя отмеченные этапы мирного сосуществования, противоположные темы вновь расходятся.

Тем не менее, реальное движение тематических структур в большинстве случаев не отражает траектории «правильных синусоид». Дело в том, что тематические пары могут одновременно пребывать в области актуального знания и поочередно доминировать в ней. Причем, параметры движения отмеченных структур, включая степень их актуальности и хронологические длительности определенных состояний, относятся к области переменных и не имеют четкой математической ритмики. Кроме того, крайне редко тематические противоположности могут пребывать в длительном компромиссном состоянии и также редко могут «засыпать» в неактуальной сфере.

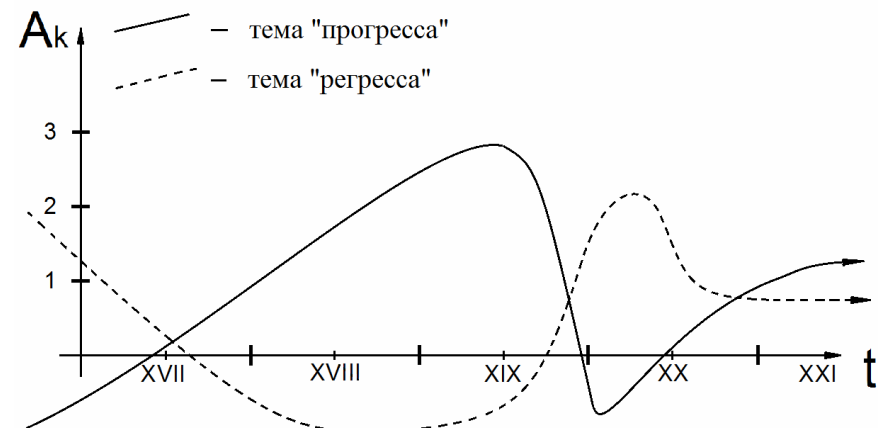

Рис. 9. Развитие тематической пары идей прогресса и регресса.

Следует особо подчеркнуть, что дублетная форма развития тематических структур представляет собой один из факторов, затрагивающих существенные стороны генезиса знания как такового. В частности, Дж. Холтон, характеризуя данную тематическую динамику, отмечал, «... что независимо от

временных побед одной или другой стороны, диалектический процесс такого рода борьбы между темой и ее анти-темами, <...> почти неизбежен и, по-видимому, является одним из самых мощных стимуляторов научного исследования”¹⁴⁴.

Спецификой тематических «триплетов» является наличие нескольких вариантов или акцентов в объяснении какого-либо элемента познаваемой реальности. По сути, тематический триплет представляет собой комплекс альтернативных идей, перебирая которые, субъект использует тот или иной способ решения «проблемной ситуации». Примером тематического триплета, содержащегося практически во всех концептах макроисторической реальности, является триплет, реализующий направленность смысловых акцентов истории на прошлое, настоящее или будущее (рис. 10).

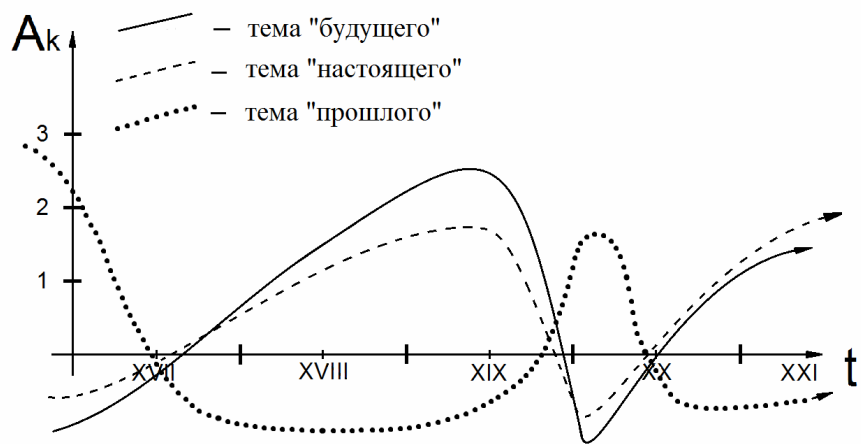

Рис. 10. Генезис смысловых акцентов на прошлое настоящее и будущее.

Иерархически подчиненным вариантом данного триплета является идея золотого века, получившая тройственную форму динамики, воплотившись в соответствующих временных проекциях.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо отметить, что существуют «комплексы» тематических структур, превосходящие своим числом триплеты. Их состав может варьироваться от четырех и выше, вплоть до десятка, а возможно и больше. Ярким примером в отмеченном случае служит целый перечень тем, иллюстрирующих «базисную» регулярность культурно-исторического процесса, определяющую модель или схему макроистории. В частности, в данный комплекс входят темы буквального циклизма, разового

жизненного цикла, линейного, волнового, вариативного развития, и некоторые другие.

Ноогенетические траектории развития тематических триплетов (и превосходящих триплеты комплексов) во многом отражают логику развития тематических пар, однако, с некоторой степенью усложнения, обусловленной увеличением количества тематических составляющих. В частности, при доминанте одной темы триплета конкурирующие с ней структуры могут пребывать в некотором забвении и далее, через «точку компромисса», осуществлять тематические «рокировки» путем актуализации одного из его элементов. Также как и в случае с дублетами, все элементы триплета могут неравномерно распределяться в области актуального и неактуального знания и, переплетаясь в названных сферах, выписывать траектории «неправильных синусоид», чередуя состояния резких расхождений и компромиссных примирений.

Кроме того, необходимо помнить, что все темы, составляющие пары, триплеты и комплексы, так или иначе находят свое обоснование в реальности практически всегда, и их попеременная популяризация обусловлена скорее временными научными конъюнктурами и состояниями макроисторической реальности, нежели окончательной победой одной тематической структуры над конкурирующими.

Помимо рассмотренных тематических «связок» существуют и другие аспекты логики сопряжения тематических структур. В частности, в изучаемом вопросе существует феномен «притяжения» и «отторжения» различных тем. Данный процесс, в первую очередь, зависит от «статуса» тематических структур, то есть от их места в системной иерархии устойчивых идей. Наиболее значимыми тематическими структурами, способными притягивать и отторгать другие темы, в первую очередь являются темы, отражающие смыслы и основные ритмы макроистории. Например, тема цикличности сопряжена с темами порядка, исторического закона и вечного возвращения; в свою очередь, тема переходности сопряжена с темами хаоса, изменения, фатализма, конца и возрождения. Следуя обратной логике, можно утверждать, что тема прогресса не может быть сопряжена с темами конца света, неизменности строя вещей, пассивной роли человека в истории.

Еще одним аспектом логики сопряжения тематических структур является их способность изменяться, то есть мутировать, сохраняя при этом сердцевину своего содержания. В частности, в зависимости от определенных тематических доминант, подчиненные темы могут перестраиваться, отражая специфику господствующих тематических структур. Примером в отмеченном случае является подчиненность циклических и линейных моделей истории темам буквальных повторов, прогресса и регресса (рис. 11). Так, циклическая модель способна мутировать, меняя амплитуду и частоту циклов, вплоть до форм разворачивающейся и сворачивающейся спирали, тем самым отражая прогрессивные либо регрессивные тенденции истории. В свою очередь, линейная модель, отражая темы прогресса и регресса, может преобразоваться посредством изменения направления основного вектора развития.

¹⁴⁴ Холтон Г. Новый подход к историческому анализу современной физики / XIII Международный конгресс по истории науки СССР. Москва, 18-24 августа 1971. Пленарное заседание. Пер. с англ. — М.: Наука, 1971. — С. 6.

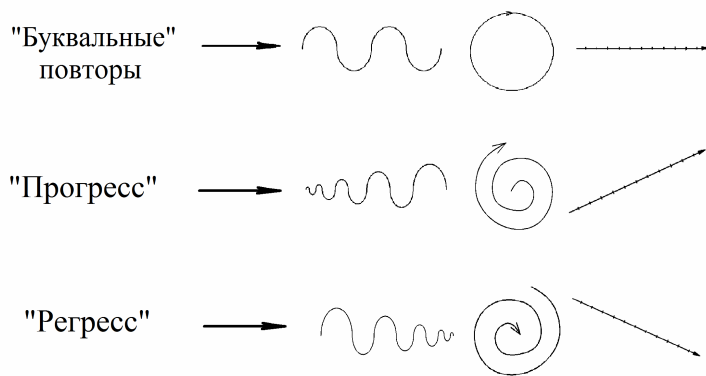

Рис. 11.

В познании макроистории тематическими структурами, имеющими наиболее высокий статус и способными оказывать решающее влияние на весь набор тем в тот или иной момент развития знания, являются темы, отражающие «базисные регулярности» макроисторической реальности. Однако, чтобы играть роль стержневых элементов макроисторических концептов, данные темы должны включать несколько компонентов, которые, в свою очередь, могут представлять самостоятельные тематические структуры, в частности: иметь привязанность к определенному процессу макроисторической реальности; содержать абстрактную модель той или иной ритмики; а также иметь идейную направленность. Перечисленные компоненты присутствуют в тех или иных господствующих темах в разном количестве и в разных вариациях, образуя своеобразные сочетания. В результате, чем больше компонентов включают данные тематические структуры, тем «сильнее» они становятся, и тем выше степень их влияния на другие темы. В рамках данного вопроса необходимо отдельно подчеркнуть, что компонент идейной направленности в отмеченных структурах, как это видно на рисунке 11, является определяющим.

И, наконец, исходя из наличия тематических структур, имеющих доминирующий статус и способных влиять на весь тематический спектр, можно предположить, что изменения акцентуаций на различные вариации данных тем в сознании субъекта могут стать альтернативой резким отрицаниям различных исследовательских «призм», посредством создания субъектом их новых версий в ходе революционных переключений, сопровождаемых драматическим разрывом всех тематических связей. На этом основании вполне уместно говорить о том, что посредством смещения лишь некоторых компонентов какой-либо стержневой темы, можно спровоцировать не развал ноогенетической целостности, а мутацию всего тематического набора без явных разрывов. Однако данное явление возможно лишь в рамках частных вариаций

одной стержневой темы, без переключений на другие тематические альтернативы.

Завершая обзор некоторых аспектов логики образования локальных тематических сопряжений, а также форм их динамики, необходимо отметить, что данный перечень не является исчерпывающим, поскольку, вероятнее всего, существуют и другие проявления изучаемой проблематики, способствующие возникновению и развитию тематических группировок различного масштаба и степени сложности. Тем не менее, перечисленных аспектов вполне достаточно, чтобы констатировать наличие ряда закономерностей, лежащих в основе процесса развития и сопряжения устойчивых идей сознания в рассматриваемой сфере. Данный фактор, в первую очередь, свидетельствует о том, что поиск логики, определяющей частный и средний уровни формирования макроисторических концептов, ведется в верном направлении и в будущем, несомненно, будет обогащен ее новыми аспектами.

Представленный в настоящей главе тематический анализ, выражает собой не просто констатацию сложного развития одних и тех же устойчивых идей, периодически проявляющих себя в различных теориях и парадигмах. Помимо фиксации возвратов познающего субъекта к устойчивым идеям познания макроисторической реальности, отмеченный анализ позволяет фиксировать процесс роста знания в изучаемой области. В данном случае уместно сослаться на мнение Дж. Холтона, писавшего: «Нет сомнения, что темы науки испытывают подъемы и упадки, претерпевают последовательные этапы уточнений, а подчас забрасываются или вводятся заново. Но в равной мере несомненно и то, что в целом здесь происходит прогрессирующее движение ко все более исчерпываемому и глубокому пониманию природных явлений».¹⁴⁵

Однако даже самое обстоятельное изучение отдельных тематических структур, формулирование емкого перечня тем, создание классификаций и типологий, а также построение генетических линий их развития, включая анализ механизмов образования локальных тематических сопряжений, проливает свет лишь на некоторые стороны изучаемого ноогенеза, представляя фрагментарные уровни общего процесса формирования целостных картин макроистории.

Соответственно, в следующей главе необходимо перейти к рассмотрению процесса складывания целостных макроисторических концептов, обозначив общую логику их возникновения на уровне «предельного» ноогенетического паттерна. И в итоге сосредоточиться на паттернообразующей роли базисных регулярностей макроистории.

¹⁴⁵ Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – С. 40.

Глава 7. ПАТТЕРНООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ БАЗИСНЫХ РЕГУЛЯРНОСТЕЙ МАКРОИСТОРИИ

Приступая к общей характеристике морфогенеза гештальтов макроистории, следует повторить, что процесс построения целостных концептов мира-как-истории затрагивает сущностные стороны процесса познания, определяющие единообразие макроисторических гештальтов на уровне проявления «предельного» ноогенетического паттерна.

В частности, в предыдущих главах, с опорой на труды Ф. Капры, Т. Куна, К. Поппера, Ж. Пиаже и Дж. Холтона отмечалось, что основу возникновения знания составляют сущностные характеристики сознания и воспринимаемой реальности. Данное обстоятельство обеспечивает направленность субъекта на фиксацию регулярностей в меняющемся пространственно-временном диапазоне. Отмеченное качество субъекта позволяет ему порождать различные идеи, образующие локальные сопряжения и, в некоторых случаях, принимающие форму тематических структур. На основании комплексов различных идей и их сопряжений в сознании субъекта формируются ноогенетические целостности, включающие специфические стороны познавательного процесса, определяемые родовыми признаками человека. Такова самая общая характеристика процесса рождения целостных ноогенетических концептов, и такова основа когнитивного паттерна, обеспечивающего родовидовое единообразие в познании макроисторической реальности всеми людьми.

Переходя к более детальному рассмотрению отмеченного процесса, следует отметить, что познавая макроисторическую реальность, субъект, в первую очередь, определяет ее пространственные и временные рамки, а также выявляет значимую или наиболее очевидную регулярность, соответствующую основным моделям или схемам истории. Далее происходит наделение полученной модели смыслом, который, по сути, выступает своеобразным идейным аттрактором, лежащим в основе общей макроисторической картины. Кроме того, субъект, познавая историческую реальность, выражает свое отношение к ней, поскольку, как уже было показано выше, в силу специфики собственной природы человек не может познавать что-либо, игнорируя данный параметр познавательного процесса, включающий психоэмоциональную составляющую, способность усматривать ценности, а также воспринимать мир с нравственных и эстетических позиций. Параллельно, весь процесс построения гештальта мира-как-истории, согласно определенной внутренней логике, сопровождается «обрастанием» базисной ритмики идеями частного уровня, что в итоге приводит к созданию целостной картины или «узора» макроистории.

В первую очередь, логика возникновения гештальтов мира-как-истории находится в непосредственной зависимости от феноменологии конкретно-исторической реальности, которую фиксирует сам субъект, взаимодействуя с ней. Как следствие, реальность во всем многообразии своих конкретных про-

явлений провоцирует со стороны субъекта познавательную активность, направленную на создание ноогенетических целостностей, дающих комплексное объяснение ее различным проявлениям.

Влияние средового фактора выражается в двух аспектах, а именно, в определенных состояниях «первой» (естественной) и «второй» (искусственной) природы. Формирование гештальтов мира-как-истории на фоне воздействия «первой» природы основывается на характере природно-климатических условий и специфике ландшафта, с которым взаимодействует субъект. Ареал обитания субъекта и динамика изменений реальности оформляют представления об историческом пространстве и времени, доминирующая природно-климатическая регулярность ложится в основу ритмики или модели истории. В результате на основании взаимодействия с «первой» природой, с опорой на историческую память и способность предвидения, субъект формирует общие представления о ее функционировании, которые экстраполирует на прошлое и будущее. Влияние «второй» природы на формирование гештальтов выражается в различных состояниях культурной среды, включающей широкий спектр ее проявлений и процессов, реализуемых в данной сфере. К таковым можно отнести феноменологию культуры, степень развитости ее материальной, художественной и духовной составляющих, включая состояние знания, и многие другие факторы, оформляющие специфическое видение макроисторической реальности субъектом. Рассматривая данный вопрос, необходимо подчеркнуть, что воздействие естественной и искусственной среды на процесс создания гештальтов мира-как-истории проявляет себя комплексно. Однако, в контексте различных культур на протяжении развития знания степень влияния «первой» и «второй» природы на рассматриваемый процесс значительно менялась.

Таким образом, *взаимодействуя с конкретно-исторической реальностью, субъект фиксирует ее различные состояния, каждое из которых получает объяснение в виде целостного концепта или гештальта.* Существенной стороной отмеченного процесса выступает склонность субъекта к некоторому упрощению основных проявлений макроисторической реальности, путем сведения ее феноменологии к нескольким типичным формам, поскольку понимание сложной и многообразной исторической реальности делается достаточно простым для познающего субъекта, если ему удастся типологизировать ее. На основании фиксации данных форм, в сознании субъекта формируются соответствующие тематические целостности или гештальты, единообразие которых позволяет фиксировать паттерны, устойчиво проявляющие себя в совокупностях гештальтов, отражающих ту или иную форму реальности. В результате действия отмеченных паттернов особыми тематическими «конфигурациями» окрашиваются периоды стабильности и переходности, эпохи перемен и застоя, упадка и возрождения т.д. В частности, характеризуя данную паттернообразующую роль реальности, П.К. Гречко отмечает, что «Социально-историческая реальность является естественным основанием процесса формирования метапаттернов исторического познания. Скажем так: она ин-

дуцирует их своей эволюционной диспозиционностью, своей открытостью различным познавательным перспективам и трактовкам, своей удивительной податливостью, пластичностью и многомерностью”¹⁴⁶.

Однако выступать в роли паттернообразующего начала концептов макроистории может не только феноменология упрощенной и типологизированной конкретно-исторической реальности. Одним из ключевых аспектов процесса формообразования рассматриваемых гешталтов выступает фактор использования тех или иных базисных или стержневых регулярностей, представляющих собой узловые элементы любых макроисторических концептов. Дело в том, что стремление к фиксации господствующей ритмики, подчиняющей себе все остальные пульсации реальности, с которой взаимодействует субъект, являясь сущностной характеристикой познавательного процесса, создает основу морфогенеза любой ноогенетической целостности, формируемой субъектом в ходе освоения вмещающего пространства.

На этом основании можно заключить, что базисная регулярность, отражая стержневую ритмику макроисторической реальности, которая подчиняет себе все остальные средовые пульсации, низводя их до вторичного уровня, становится отправной точкой для понимания процессов, составляющих содержание мира-как-истории. В таком ракурсе базисная регулярность обретает роль системообразующего элемента целостных макроисторических представлений, притягивающего и отталкивающего различные темы, а также провоцирующего их мутации. В данном случае речь идет о проявлении рассмотренной в предыдущей главе качественной характеристики некоторых тем, выраженной в том, что темы, обладающие высоким статусом в тематической иерархии, могут оказывать влияние на весь спектр актуализированных структур и, более того, пробуждать темы из сферы неактуального знания, формируя вследствие своего воздействия особые ноогенетические целостности. В результате проблема определения стержневых регулярностей в познании макроистории приобретает особый статус, так как от выбора той или иной регулярности в качестве базисной зависит построение модели, иллюстрирующей основные траектории истории, а также понимание смысловой составляющей макроисторического процесса и, как следствие, формирование всего комплекса макроисторических представлений.

Анализ роли базисных регулярностей в формировании макроисторических концептов, показывает, что определяющий статус рассматриваемого элемента тематических целостностей нередко провоцирует его отождествление с самими целостностями или гештальтами. Кроме того, базисные регулярности зачастую отождествляются даже с парадигмами. Относительно данного заблуждения необходимо уточнить, что парадигмы знаменуют собой локально-завершенные, хронологические этапы развития научного знания, и представляют собой комплексы господствующих научных представлений о

¹⁴⁶ Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 71.

мироустройстве. В свою очередь, базисные регулярности олицетворяют собой тематические структуры, «живущие» внутри различных парадигм. Соответственно, не следует путать базисные регулярности, относящиеся к сфере проявления тематических структур, с самой парадигмой, являющейся своеобразным «интеллектуальным фоном», воздействующим на тематическую динамику. Данный вопрос аналогично решается и в отношении гешталтов, представляющих собой структурные целостности, сформированные из некоторого числа устойчивых идей, востребованных и сопряженных между собой. В контексте гешталтов базисные регулярности хоть и присутствуют в обязательном порядке, играя определенную формообразующую роль, однако все же представляют частный уровень их системного устройства.

В первую очередь, говоря о специфике тематических структур, отражающих базисную регулярность макроистории, необходимо повторить названное выше свойство отмеченных тем, согласно которому, чтобы играть роль стержневых элементов макроисторических концептов, данные темы должны включать привязанность к определенному процессу макроисторической реальности, содержать абстрактную модель той или иной ритмики и, кроме того, иметь идейную направленность. Данные компоненты, способные представлять самостоятельные тематические структуры, присутствуют в темах, отражающих базисные регулярности макроистории, в переменных пропорциях и разном количестве. В результате формируется определенная тенденция, согласно которой фиксация базисной регулярности макроистории выражается сразу в нескольких направлениях мысли, а именно: процесс – ритм – идейная направленность. Отмеченную вариативность содержания тем, отражающих базисную регулярность макроистории, необходимо учитывать, поскольку данные темы могут воплощаться не только в комбинации своих составляющих, но и на основании лишь одного элемента. Например, исключительно в виде абстрактной модели или схемы макроисторического процесса, либо в виде отражения некоего конкретного процесса, либо в виде идейной трактовки развития. Однако в большинстве случаев все отмеченные компоненты так или иначе обнаруживают себя в содержании господствующей темы, обеспечивая троичность и одновременную вариативность ее внутреннего устройства.

Соответственно отмеченному свойству рассматриваемых тем, можно констатировать феномен смещения их внутренних доминант, выраженный в преобладании той или иной тематической составляющей. Первый аспект данной проблематики проявляется в том, что формирование целостных макроисторических картин может изначально строиться на основе анализа ритмики какого-либо конкретного элемента реальности. В данном случае элемент реальности, выступающий основой для фиксации регулярностей первичен, а характер его ритмики и смысловой направленности вторичен. Примерами отмеченной тенденции являются концепты мира-как-истории, построенные на основании анализа ритмик экономической, социальной, политической, религиозной и других сфер. Второй аспект выражен в использовании различных абстрактных моделей и алгоритмов развития, не привязанных к какому-либо

единственному элементу реальности. В отмеченном случае первичной выступает некая ритмика, а вторичный характер отводится различным элементам макроисторической реальности и идейным составляющим развития, к которым отмеченная ритмика прикладывается. Примерами данной тенденции являются циклические и линейные последовательности, а также системные и синергетические алгоритмы развития, используемые в «чистом виде». Третий аспект выражен в изначально высоком статусе идейной направленности базисных регулярностей, по отношению к тем или иным абстрактным ритмикам и пульсациям конкретных элементов реальности. Примером отмеченной доминанты является паттернообразующее действие идей прогресса и регресса. Определяющую роль в определении тех или иных доминант рассматриваемой структуры играет ряд факторов, выраженных в ноогенетическом опыте субъекта, его «вкусных» предпочтениях в выборе тех или иных пульсаций макроисторической реальности; кроме того, на отмеченное соотношение влияет парадигмальный феномен развития знания, общекультурный контекст, а также состояние самой макроисторической реальности, с которой взаимодействует субъект.

В фиксации субъектом базисных регулярностей макроистории существует определенная логика, реализуя которую, субъект, соприкасаясь с конкретно-исторической реальностью, регистрирует целый комплекс процессов различной степени сложности и значимости. Далее в отмеченном комплексе субъект выделяет те ритмики, которые, по его мнению, детерминируют познаваемую реальность, подчиняя себе все пульсации частного характера. Основу предпочтения той или иной базисной регулярности составляет направленность субъекта либо на очевидные, либо на значимые для его жизнедеятельности процессы. В отношении познания сущности и специфики культурно-исторической реальности самыми очевидными и относительно простыми для понимания регулярностями, в первую очередь, выступают природно-климатические ритмы, а также ритмы, тесным образом связанные с преобразовательной деятельностью самого субъекта. Отмеченные регулярности получают отражение в моделях макроистории – циклической, волновой, разового жизненного цикла, линейной, вариативной, ризомной, синергетической и других, оформляя ее общую ритмику. Следует напомнить, что в некоторой мере все регулярности и, соответственно, модели макроистории циклически, так как они основаны на различных вариантах буквальных, либо закономерно изменяющихся повторов. Данная ситуация вносит некоторую путаницу в обозначение качественных характеристик различных моделей, позволяя назвать циклической любую из них. В итоге, на протяжении развития знания установилась определенная тенденция, согласно которой за собственно циклическими моделями закрепился некий приоритет в фиксации буквальных повторов, в свою очередь остальные модели, как правило, отражают менее буквальны ритмы макроистории, основанные на проявлении тех или иных переменных. Хотя отмеченное разграничение далеко не абсолютно.

Другой особенностью базисных регулярностей макроистории является то, что процессы, изначально фиксируемые субъектом в ходе соприкосновения с исторической реальностью в качестве базисных, не всегда имеют макроисторический масштаб. Например, для номадических и земледельческих культур стержневой ритмикой, лежащей в основе реальности, выступает годовой природно-климатический цикл; в свою очередь, для личностно-креативных культур данную ритмику может составлять череда локальных инноваций, провоцирующих последующий рост культуры. Однако, в результате фиксации тех или иных ритмик, субъект проецирует их на процессы, составляющие различные уровни макроисторической реальности, включая ее максимально возможные масштабы, выраженные уровнем, отражающим общую логику и жизненные траектории развития культур, цивилизаций, этносов и государств. Как следствие, регулярность годового природно-климатического цикла, фиксируемая в качестве базисной в культурах земледельческого типа, проецируется на уровень макроисторических пульсаций. В свою очередь цепочка локальных инноваций культуры, равная нескольким десятилетиям, может лечь в основу трактовки макроистории как процесса постоянного совершенствования в контексте концептов мира-как-истории, формируемых в личностно-креативных культурах.

Данное обстоятельство показывает, что основу трактовок стержневых ритмик мира-как-истории составляют не только устойчивые представления о далеком прошлом и незримом будущем. В рассматриваемом вопросе определяющую роль для познающего субъекта играет современное состояние конкретно-исторической реальности, с которой он взаимодействует, включая ритмики частного характера, имеющие для субъекта статус значимых. Исходя из названной зависимости, можно заключить, что базисные ритмы макроистории не всегда фиксируются в диапазоне соответствующих макроисторических пульсаций, поскольку в их основу может быть положена любая ритмика частного уровня, распространенная субъектом на всю макроисторическую реальность.

Кроме того, необходимо отметить, что не все регулярности, которые способен фиксировать субъект, учитываются им в построении концептов мира-как-истории. Особую роль в данном процессе приобретают те из них, которые напрямую затрагивают жизненно важные элементы реальности, в контексте сложных адаптивных взаимодействий субъекта со средой. Разумеется, на ранних этапах истории стержневые регулярности определялись только на основании фиксации природно-климатических повторов и сходств, так как жизнь человека в отмеченный период полностью зависела от них. Однако по мере дифференциации и совершенствования адаптивных структур субъекта акцент в фиксации регулярностей, имеющих природно-климатическое происхождение, стал смещаться в сторону антропогенных ритмик. Отмеченная смена акцентов породила дихотомию «человек – природа», являющуюся своеобразным «краеугольным камнем» в раскрытии сущностных сторон процесса сопряжения идей в образовании гештальтов мира-как-истории, по-

сколькo от соотношения названных «противоположностей» зависит не только выбор модели истории, но и формирование ее смысловой сферы. Так, исходя из понимания статуса природных и антропогенных ритмов, составляющих содержание реальности, субъект дает ответы на следующие вопросы, а именно – «Природные ритмы определяют ход истории или ритмы, рожденные активностью человека? Человек пассивен перед природой или он в состоянии активно противостоять ей? Человек творец истории или всего лишь исполнитель высшего смысла? Какой смысл должен реализовать человек?» и другие.

Как следствие, на протяжении развития знания, в процессе создания концептов мира-как-истории субъект, используя различные основания для фиксации базисных регулярностей, сформировал внушительный перечень их трактовок, отражающих отмеченную выше логику, согласно которой в определении регулярностей особую роль играют наиболее ощутимые и жизненно важные ритмики «первой» и «второй» природы, переносимые субъектом на всю макроисторическую реальность. Довольно ярко отмеченные тенденции проявили себя в развитии науки Нового и Новейшего времени.

Так, к периоду складывания научной картины мира в европейской мысли, в качестве базисных доминировали регулярности, отражающие христианскую картину мира и, соответственно, идею разового цикла мировой истории. Кроме того, свою популярность сохраняли стержневые регулярности макроистории, сформировавшиеся еще в древний период, на уровне коллективных представлений о круговороте природно-климатических явлений. Устойчивость отмеченных регулярностей обеспечивало то обстоятельство, согласно которому фиксируемые исследователями событийные последовательности истории, как правило политического характера, не отражали ярко выраженных изменений и моментов роста. Данную тенденцию прекрасно иллюстрирует «История Флоренции» Н. Макиавелли, событийная часть которой, хоть и носит линейную хроноструктурную форму, все же содержит фактор периодичности различных проявлений политических событий. Соответственно, в контексте своего труда, Н. Макиавелли решает задачу определения базисной регулярности макроистории на уровне идеи циклизма, отмечая, что «Переживая бесперывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уж от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже неспособны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу».¹⁴⁷

Однако, на фоне качественных изменений культуры постренессансного периода обозначился ряд антропогенных процессов, наиболее ярко отражающих динамику изменений исторической реальности и оказывающих опреде-

¹⁴⁷ Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. Н.Я. Рыковой. Общ. ред., предисл. и коммент. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1973. – С. 175.

ляющее влияние на специфику ее понимания субъектом. В результате в макроисторических исследованиях происходит «переключение» на отмеченные регулярности, сопровождаемое постепенным переходом от идей циклизма к фиксации процессов, отражающих прогресс культуры. Данные регулярности стали основой макроисторических концепций, созданных в контексте классической научной традиции XVII – XIX вв.

Так, в теориях Дж. Вико и И.-И. Винкельмана еще сохраняется идея метациклов, однако их содержание составляют антропогенные регулярности, в рамках которых разворачиваются событийные последовательности истории. В частности, Дж. Вико, выявляя данные циклы в контексте исторического развития наций, отмечал, что его «наука» «... описывает Вечную Идеальную Историю, согласно которой протекают во времени Истории всех Наций в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце».¹⁴⁸ Отмеченная цикличность, определяемая Дж. Вико как не имеющая логического конца, отражает, в первую очередь, динамику качественных изменений «второй» природы и не касается независимых от человека природно-климатических пульсаций, хотя наличие аналогий с природными процессами в концепции Вико просматривается явно. Общая логика исторических циклов фиксируется автором на основании анализа динамики европейских наций, начиная с периода Античности и заканчивая временем создания «Новой науки». Кроме того, данные тенденции нашли свое выражение в концепции истории искусства И.-И. Винкельмана, представившего его развитие в виде циклов, содержанием которых явилось отдаление и приближение к греческим идеалам.¹⁴⁹

Абсолютно четкая направленность на фиксацию антропогенных регулярностей, отражающих прогресс культуры, включая их перенос на макроисторическую реальность, в виде линейной модели роста, наблюдается в теории И.-Г. Гердера. В частности, Гердер определил стержневую регулярность макроистории на основании поэтапного совершенствования мироздания, включая фактор появления человека и, следуя логике мировых процессов, его дальнейшего совершенствования. Человек в данной концепции выступает как единственный творец и носитель культуры, главное предназначение которой И. Гердер определяет как развитие гуманности, отмечая, что «Гуманность – цель человеческой природы, и ради достижения ее предал бог судьбу человечества в руки самих людей».¹⁵⁰

Отмеченная тенденция, выраженная в фиксации антропогенных регулярностей и их переносе на сферу макроистории, проявляется в концепции Ж.-А. Кондорсе. Следуя эвристическим установкам своего времени, Кондорсе, в первую очередь, фиксирует ритмики, основанные на идее прогресса, от-

¹⁴⁸ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с итальянского А.А. Губера; Под общ. ред. М.А. Лившица. – Л.: Гослитиздат, 1940. – С. 118.

¹⁴⁹ См. Винкельман И.-И. История искусства древности. Малые сочинения / Пер. с нем.; Изд. подгот. И.Е. Бабанов; Гос. Эрмитаж. – СПб.: Алетейя, 2000. – 770 с.

¹⁵⁰ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – С. 428.

мечая, что “Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять; по крайней мере, до тех пор, пока земля будет занимать то же самое место в мировой системе ...”.¹⁵¹ Стержневая регулярность, применяемая Ж.-А. Кондорсе, отражает процесс совершенствования человечества и представляет собой поэтапную фиксацию типологически разнородных инноваций, которые, оказывая воздействие на весь строй культуры человечества, обеспечивают переходы на более высокий уровень развития. К таковым инновациям относятся: соединение людей в племена, переход от пастушества к земледелию, изобретение письменности, прогресс наук, изобретение книгопечатания, образование французской республики и т.д.

В XIX веке, получив естественнонаучное обоснование, макроисторические регулярности, определяемые исследователями в качестве базисных, по-прежнему фиксировали различные пульсации антропогенного уровня. Однако, на фоне усложнения культуры и дифференциации знания, в макроисторических концепциях рассматриваемого периода наметилась тенденция ухода от просветительского романтизма в трактовке прогресса в сторону кропотливого поиска логики развертывания глубинных процессов, определяющих ход мировой истории.

Отдельную группу стержневых регулярностей макроистории, сформулированных исследователями в XIX веке, представляют фиксации ритмов развития интеллектуальных способностей человека. Интерес к отмеченным регулярностям возник вследствие обозначившегося в данном столетии явного прогресса науки и увеличения степени ее влияния, в первую очередь, на различные сферы западноевропейской цивилизации, что способствовало качественному росту ее преобразовательного потенциала. В контексте данных процессов обозначилась определенная логика исторической самореализации человека, выраженная в постепенном совершенствовании его разума.

Так, в своей теории развития общества Сен-Симон в качестве базисной регулярности использует “... последовательный ряд различных оттенков, характеризующих постепенное развитие человеческого ума”.¹⁵² История от появления человека и вплоть до Древнего Египта членится Сен-Симоном по принципу качественных различий между теми или иными стадиями развития способностей человека. Эти различия проявляют себя в совершенствовании следующих феноменов: система организации, особенности жилища, умение добывать огонь, степень развитости политических институтов, состояние языка, наличие или отсутствие людоедства, классовое деление общества, состояние ремесел и искусства и т.д. Появление или совершенствование того или иного феномена культуры, рожденного разумом человека, означало переход общества на следующий этап прогрессивного развития. Начиная с сь-

мого этапа (Древний Египет) и до современности (европейское общество), Сен-Симон выделяет второй период развития человеческого разума. Особенностью этого периода является более высокий качественный уровень всей культуры. На данном этапе ритмы базисной регулярности определяются автором посредством смены доминант различных обществ, поскольку “... во все великие эпохи существовало одно политическое общество, которое определенно стояло выше всех других <...> так что только к нему должны быть отнесены все успехи человеческого разума, достигнутые в эпоху процветания данного общества”.¹⁵³ Историческая реализация данной ритмики выглядит как поочередное доминирование различных культур на «мировой арене». Кроме того, в своих работах Сен-Симон отмечает регулярность, выраженную в смене качественных этапов истории, своеобразии которых составляют различные мировоззренческие основания, особенности организации науки и социальных систем. Обозначенная ритмика включает следующие этапы: «социальные системы греков и римлян» – «теологическая (феодалная) система» – «научная и промышленная система». Логика развития каждой системы от момента возникновения строится по принципу ее постепенного изживания с последующей заменой на другую систему. Сен-Симон так характеризует данный процесс: “Системы, теории, мирозерцания способны к развитию лишь до известного предела, за которым лежащие в их основании принципы утрачивают способность к дальнейшим желательным изменениям; тогда остается один только выход – создать новую систему, новую теорию или новое мирозерцание, чтобы удовлетворить ощущаемую потребность”.¹⁵⁴

Огюст Конт, развивая идеи Сен-Симона, определил стержневую регулярность макроистории посредством фиксации ритмов, выраженных в совершенствовании форм мышления. На этом основании О. Конт сформулировал «закон трех стадий», применив его к анализу исторического развития европейской цивилизации.¹⁵⁵ Первая, «теологическая» стадия истории, по мнению О. Конта, включает древность и раннее средневековье и состоит из трех периодов: фетишизм, политеизм и монотеизм. Далее следует «метафизическая» или переходная стадия, которая охватывает 1300 – 1800 гг. и характеризуется разрушением старых верований. Важнейшие события этой эпохи – реформация, появление философии просвещения и череда буржуазных революций. Завершает развитие «позитивная» стадия, в этот период высокое общественное значение и широкое распространение получают науки, с помощью которых человечество обеспечит гармоничное развитие всех элементов жизни.

Отдельного внимания в рассматриваемом периоде развития знания заслуживает обстоятельство, согласно которому помимо простых фиксаций

¹⁵¹ Там же: С. 171.

¹⁵⁴ Сен-Симон, Анри. Избранные сочинения: В 2-х т. / Пер. с франц. под ред. и с коммент. Л.С. Цетлина; Вступит. статья В.П. Волгина. – Т. 1-2. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – Т. 2. – С. 356.

¹⁵⁵ См. Конт О. Дух позитивной философии // Тексты по истории социологии XIX – XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. д.ф.н. В.И. Добреньков, к.ф.н. Л.П. Беленкова. – М.: Наука, 1994. – С. 7-28.

¹⁵¹ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Перевод И.А. Шапиро. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – С. 5-6.

¹⁵² Сен-Симон, Анри. Избранные сочинения: В 2-х т. / Пер. с франц. под ред. и с коммент. Л.С. Цетлина; Вступит. статья В.П. Волгина. – Т. 1-2. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 164.

внешних проявлений макроисторических ритмиков, в XIX веке наметилась тенденция их глубокого осмысления на философском уровне. Отмеченная тенденция выразилась в том, что во многих концептах макроистории рассматриваемого периода, при всей кажущейся простоте внешнего выражения ритмик истории, степень постижения их сущности достигает высочайшего уровня. Примером данного подхода является концепция макроисторического процесса, созданная Гегелем.

В философии истории Гегеля стержневая регулярность макроисторического процесса или «всемирной истории» отражает этапы развития «объективного духа». Отмеченное понимание стержневой ритмики истории было обосновано Гегелем в контексте разработанной им философской системы абсолютного идеализма. Ключевым и первичным элементом в данной системе предстает «субстанция» или «абсолютная идея», которая познает сама себя, свободно саморазличаясь и отчуждаясь в собственном инобытии – природе. Субстанция в процессе самопознания порождает мыслящий дух, через который и обретает полное знание о себе. Процесс развития духа, согласно Гегелю, носит целостный характер и состоит из ряда ступеней, выраженных в последовательном порождении и совершенствовании его различных форм. К таковым формам относятся «субъективный», «объективный» и «абсолютный дух». Всемирная история в трактовке Гегеля предстает как сфера реализации объективного духа, за которой следует переход к духу абсолютному. Данный процесс выглядит как конечный и получает выражение в череде восхождений объективного духа в стремлении к своему полному осуществлению. Как следствие, на стадии абсолютного духа происходит завершение процесса познания субстанцией самой себя.

В трактовке Гегеля идея развития соотносима не иначе как только с духовной сферой, так как многообразные изменения, совершающиеся в природе, обнаруживают, согласно автору, лишь круговращение, которое вечно повторяется. Природа или материя в отмеченной концепции выступает сферой реализации духа, по сути, обеспечивая статичные или пространственные параметры его поэтапного развития. В свою очередь, осуществление духа в стремлении к самопознанию находит свое выражение в смене его качественных состояний, реализуемых во времени, то есть в исторической, а не в статической форме. Так, в процессе развития абсолютному духу приходится переходить из одного состояния в другое, преодолевая самого себя: «Реализация этих ступеней является бесконечным стремлением мирового духа, его непреодолимым влечением, потому что как в этом расчленении, так и в его осуществлении выражается его понятие».¹⁵⁶

Основной движущей силой истории для Гегеля предстает объективный дух, поскольку «... всемирная история есть выражение божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до са-

¹⁵⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – С. 102.

мосознания».¹⁵⁷ Процесс объективации духа осуществляется на уровне общественного бытия, ибо только посредством исторического развития духовной сферы человека объективный дух находит пути своей реализации. Характеризуя духовную сферу человека как возможность объективации духа, Гегель отмечал, что ее изменения позволяют «... вообще обнаружить в человеке иное определение, чем в чисто естественных вещах, в которых всегда проявляется один и тот же постоянный характер, остающийся неизменным, а именно действительную способность к изменению, и притом к лучшему – стремлению к *усовершенствованию*».¹⁵⁸ Как следствие, воплощаясь на уровне общественного бытия, дух получает выражение в «праве», «морали» и «нравственности». В свою очередь, «нравственность» находит свое выражение в «семье», «гражданском обществе» и «государстве».

Усовершенствование объективного духа, согласно Гегелю, происходит через ступени исторического развития, которые находят свое воплощение в духах всемирно-исторических народов и средствах их выражения, в первую очередь, в государствах. Данное развитие обеспечивается стремлением народов к счастливой жизни и внутренней борьбой, сопровождающей достижение общественной гармонии в различных формах государства. Как следствие, конкретное государство, реализуя соответствующий уровень осознания свободы создавшего его народа, на определенный период оказывается полной реализацией духа в конкретном бытии, давая ему возможность созерцать самого себя. Эволюция духа обеспечивается посредством смены всемирно-исторических духов разных народов, знаменующих переходы от одной исторической эпохи к другой и сопровождаемых изменениями форм государства, а также изменениями определенности основных элементов нравственной жизни, конституции, религии, науки и искусства данных народов.

Таким образом, исторический процесс в философии Гегеля предстал, как череда качественных состояний развития объективного духа, воплощенных в различных типах государства, создаваемых теми или иными народами.

Кроме того, в XIX веке, на фоне развития капиталистических отношений и увеличения степени их влияния на жизнь общества, обозначилась тенденция поиска стержневых ритмиков макроистории в сфере активности человека, направленной на изменение окружающего мира и преобразование самого человека. В частности, в концепции К. Маркса, разработанной им совместно с Ф. Энгельсом, базисная ритмика макроистории обосновывается в рамках периодической смены специфических форм предметно-преобразующей деятельности человека. На первый план в данной концепции поставлен фактор взаимодействия человека с миром в процессе его освоения, основу которого составляет труд – производственная деятельность, лежащая в основе реализации истории как таковой и формирующая возможность существования и развития человеческого общества. Так, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, в контексте определенных условий жизнедеятельности того или иного общества оформля-

¹⁵⁷ Там же: С. 102.

¹⁵⁸ Там же: С. 103.

ются соответствующие данным условиям и возможностям общества способы труда, которые влияют на формирование и воспроизводство устойчивых систем общественных отношений. Данные отношения получают выражение в специфических институтах, обеспечивающих духовные, социальные, политические, правовые и иные взаимодействия. В свою очередь, отмеченные отношения с течением времени обретают способность оказывать непосредственное влияние на изменение способов организации труда.

В силу того, что преобразовательные возможности человека, которые он проявляет в процессе освоения мира, согласно взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса, ограничены только условиями его существования, а также потребностями и творческими возможностями самого человека, история в данной концепции разворачивается на фоне перманентного развития и усложнения основных способов осваиваемой, производственной деятельности, различные формы которой ложатся в основу соответствующих систем общественных отношений, с последующими переходами к их новым формам. В макроисторическом масштабе в рассматриваемой концепции культурно-исторический процесс предстает как череда «прогрессивных эпох экономической общественной формации», содержащая «... азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства ...».¹⁵⁹ Логика смены формаций, согласно К. Марксу, определяется их полной реализацией и созреванием предпосылок для установления формации следующего порядка. По данному поводу автор отмечает, что «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества».¹⁶⁰

Помимо обозначенной базисной регулярности, в рассматриваемой теории особое значение отводится ритмикам, составляющим содержание истории отдельных формаций. В частности, анализируя развитие капиталистических отношений, К. Маркс в качестве определяющих использовал ритмики экономических революций. Так, рассматривая развитие капитализма на примере Англии, К. Маркс выделил две экономические революции. Первая состоялась при переходе от «младенческого» к мануфактурному капитализму, ее содержание составляет «аграрная революция», состоявшаяся в последней трети XV и первые десятилетия XVI столетия. Об этом переходе Маркс писал: «В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяй-

¹⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 13. – С. 7.

¹⁶⁰ Там же: С. 7.

ственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса».¹⁶¹ Сущность второй экономической революции составил переход от мануфактурного капитализма к промышленному. Этот переход был более сложным и имел системную природу. В результате фиксации череды экономических пульсаций внутри капиталистических отношений, К. Маркс получил возможность отследить общую логику исторической реализации названной формации.

Дальнейшее развитие отмеченная традиция понимания макроисторических процессов получила в работах В.И. Ленина, уделявшего особое внимание вопросам классовой борьбы и революционных переходов между формациями. Следует отметить, что макроисторическая концепция, развиваемая Лениным, носила не просто отвлеченно-научный характер; данная теория формировалась в контексте сложных перипетий политической истории России первых десятилетий XX столетия, обеспечивая философское, идеологическое и научное обоснование осуществляемых в России преобразований.

Первостепенное значение в разработке макроисторической последовательности общественно-экономических формаций В.И. Ленин предавал вопросу перехода от капиталистической формации к коммунистической, обосновывая логику данного процесса на уровне всеобщего закона истории. В названном аспекте показателен исторический пример, когда после затруднений, связанных с попытками форсированно перейти от капиталистической к коммунистической формации при помощи политики «военного коммунизма», Ленин принимает решение о необходимости перехода к новой экономической политике. Данную точку зрения Ленин выразил в статье «О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия)», в которой писал: «... продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма», вынужденного крайней нуждой, разорением и войной, к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму».¹⁶² Особенностью революции в России, по мнению Ленина, было то, что она произошла в момент, когда феномены капиталистической формации не самореализовались окончательно и не приняли преобладающий характер. Так, анализируя доминирующие в постреволюционной России процессы, Ленин пришел к выводу, согласно которому резкий отказ от товарного производства и капитализма «... не вытекает из исторического характера происходящего, ибо дальше первых ступеней перехода от капитализма к социализму мы не пошли ...».¹⁶³ Как следствие, осуществление перехода от капитализма к коммунизму в России, по мысли В.И. Ленина, потребовало целого ряда особых переходных мер «...

¹⁶¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1988. – С. 728.

¹⁶² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Том 43, март – июнь 1921. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 219.

¹⁶³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Том 36, март – июль 1918. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 49.

которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство”.¹⁶⁴ По данному поводу Ленин писал: “Мы должны начать с общей базы развития товарного производства, перехода к капитализму и перерождения капитализма в империализм”.¹⁶⁵ Таким образом, В.И. Лениным была обоснована возможность сгладить противоречия формационной теории, возникшие в результате непредвиденных конкретно-исторических обстоятельств, через включение в теорию культурно-исторического процесса переходной фазы, увязывающей макроисторическую регулярность с реалиями времени: “Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* – работой долгого ряда лет подготовить – переход к коммунизму”.¹⁶⁶

В первую очередь, данный пример показателен тем, что в ходе политической истории СССР в рассматриваемой макроисторической концепции определенные несоответствия возникали не раз, однако они «сглаживались» посредством введения в ее содержание специфических фаз перехода, опосредующих те или иные расхождения между теорией истории и реальным проявлением исторического процесса. Отмеченные противоречия касаются не только рассмотренного перехода, поскольку отсутствие тождества формационной последовательности с ее проекциям на исторические траектории развития различных цивилизаций и государств не раз давало о себе знать в контексте развития советской исторической науки.

Также, в рассматриваемый период обозначилась тенденция фиксации макроисторических регулярностей с опорой на метафоричные переносы, отражающие ритмики видового развития, а также жизненных стадий отдельных организмов. На популяризацию отмеченных регулярностей, имеющих достаточно весомые архетипические основания, повлияли успехи естествознания в XIX веке и, в частности, развитие идей эволюционизма. Отмеченная тенденция отразилась в концепции Н.Я. Данилевского, рассматривавшего историю в масштабах синхронистического развития различных народов, формирующих соответствующие исторические типы культуры. Основу стержневой ритмики истории в теории Н.Я. Данилевского составляет выражение творческого потенциала отдельного народа, сопровождаемое необратимым процессом роста, цветения, перелома его творческих сил, упадка и смерти. О неизбежности финальной фазы исторических типов культуры Н.Я. Данилевский писал следующее: “Народу, одряхлевшему, отжившему, свое дело сделавшему и которому пришла пора со сцены долой, ничто не поможет, совершенно независимо от того, где он живет – на Востоке или на Западе. Всему живущему <...>

¹⁶⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Том 43, март – июнь 1921. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 57.

¹⁶⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Том 36, март – июль 1918. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – С. 50.

¹⁶⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Том 44, июнь 1921 – март 1922. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 151.

дается известная только сумма жизни, с истощением которой они должны умереть”.¹⁶⁷

Данная традиция нашла свое отражение и в концепции К.Н. Леонтьева, предложившего рассматривать историю отдельных цивилизаций в организменном ключе, как «триединый процесс их развития». Как таковое, развитие, по мнению К.Н. Леонтьева, строится следующим образом: “Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне*, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую «Нирвану»”.¹⁶⁸ Исходя из отмеченного понимания развития, К.Н. Леонтьев определил стержневую регулярность макроистории, выраженную в первичной простоте, усложнении, вторичном упрощении, увядании и смерти цивилизаций, подчеркивая, что “Такому же закону подчинены и государственные организмы, и целые культурные миры”.¹⁶⁹ Приблизительный срок жизни цивилизаций, в течение которого реализуются все стадии их жизненного цикла, автор определил на уровне 1200 лет. Именно так, согласно автору, выглядит триединый процесс развития евроамериканской цивилизации: «первичная простота», представленная варварскими королевствами; «цветущая сложность», охватывающая XV – XVII вв.; вторичное упрощение, обозначившееся в XIX веке.

И, наконец, в теории О. Шпенглера макроисторический процесс предстал как синхронистическое развитие отдельных культурных организмов. Данные организмы, по мнению О. Шпенглера, связаны между собой достаточно слабо и порой не в состоянии «понять» друг друга, так как каждая культура имеет свое собственное идейное основание, собственные страсти, чувствования и желания. В качестве стержневой макроисторической регулярности О. Шпенглер использовал ритмику возрастных стадий отдельных организмов, выразивших «душу» своего народа и достигших своего завершения. Источником такого видения жизненного цикла культуры, по мнению автора, является живая природа, поскольку “Средство для понимания мертвых форм – математический закон. Средство для понимания живых форм – аналогия”.¹⁷⁰ Соответственно, любая культура должна пройти все возрастные стадии, в частности детство, юность, зрелость, прийти в упадочное состояние и умереть, так как смерть культуры является неизбежным фактом.

На фоне кризисных процессов рубежа XIX – XX веков перечень фиксируемых стержневых регулярностей макроистории значительно обогатился. Одним из проявлений данной тенденции явился поиск базисных ритмик культурно-исторического процесса в духовной сфере человека. В частности, в своей трактовке стержневых макроисторических процессов Е.Н. Трубецкой

¹⁶⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., посл. и коммент. С.А. Вайгачева. – Репринт. изд. – М.: Книга, 1991. – С. 74.

¹⁶⁸ Леонтьев К.Н. Поздняя осень России: [Сборник]. – М.: Аграф, 2000. – С. 93.

¹⁶⁹ Там же: С. 96.

¹⁷⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006. – С. 157.

исходил из ритмик, отражающих следование или отступление представителей различных культур от главной цели истории, которая заключается в строительстве «дома Божия». Всякое отступление от данного пути, по мнению Е.Н. Трубецкого, несет в себе «отрицательные» ценности и ведет к «звериному царству». Данные отступления, сопровождаемые разрастанием антирелигиозных элементов культуры, влекут кризисы и мировую катастрофу. Когда именно для каждого государства наступит эта «роковая минута», по мнению автора, предсказать невозможно, однако если народ найдет в себе духовные силы и направит собственную культуру на реализацию «положительных» ценностей, то это может отсрочить момент катастрофы на некоторое время: «Путь спасения – вообще путь катастрофический. И каждый новый шаг на этом пути, каждое новое огненное испытание готовит катастрофу заключительную и тем самым приближает мир к его вечному концу».¹⁷¹

Другим проявлением духовной природы стержневых регулярностей макроистории является концепция развития культуры А. Швейцера, считавшего, что последняя "... слагается из господства разума над силами природы и из господства разума над человеческими убеждениями и помыслами".¹⁷² Логика макроисторических ритмов в теории А. Швейцера определяется на основании повышения и понижения этического начала, позволяющего либо отсрочить, либо ускорить гибель культуры. Относительно гибели культуры и финала истории А. Швейцер констатировал, что "... культура, подобно всякому естественному процессу, в своем развитии через какое-то время с необходимостью должна прийти к своему концу".¹⁷³ Однако, согласно А. Швейцеру, существует возможность преодолеть данное движение, посредством пробуждения этической энергии.

Помимо названных тенденций в фиксации базисных регулярностей макроистории в контексте исследований рассматриваемого периода существуют теории, в которых в качестве стержневых используются ритмики сложного развития культуры, не выражающие явных тенденций прогресса либо регресса, и допускающие определенную цикличность исторических состояний, с элементами прогрессивного и регрессивного развития. В данном случае регулярностью выступает не какой-либо очевидный материальный процесс, а сама логика пульсирующего развития. Хотя подкрепление данной логики материальными факторами в отмеченных концепциях, так или иначе, содержится.

Так, С.Л. Франк определял стержневую регулярность макроисторического развития культуры, посредством ритмики ее периодических подъемов, расцветов и упадков (варварских состояний). В основе подъемов и расцветов культуры автор фиксирует массу разнородных процессов, реализуемых в ее

¹⁷¹ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. – М.: Республика, 1994. – С. 208.

¹⁷² Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное / Переводы, послесл. А. Меня. – М.: Прометей, 1993. – С. 249.

¹⁷³ Там же: С. 263.

различных сферах. Однако значительную роль в реализации ритмик истории С.Л. Франк отводит состоянию духовности культуры, для которой характерны периодические истощения, ввергающие культуру в состояние варварства и разложения культуры как целого. Как и А. Швейцер, С.Л. Франк видит выход из варварства в духовном возрождении, в нарастании внутренне осмысленного, проникнутого любовью отношения к жизни: "Чтобы не ощущать смертельной пустоты в глубине, так сказать, в последнем конце нашего духа, надо, чтобы он и не имел этого конца, надо, чтобы он был непосредственно связан с бесконечным духом".¹⁷⁴

В теории Н.А. Бердяева в основу базисной регулярности макроистории положена та же логика сложного пульсирующего развития культуры, в глубине которой лежит ритмика изменений ее творческого потенциала, включающая периодическую смену состояний роста, расцветов и упадков культуры. По данному поводу Н.А. Бердяев отмечает, что "... в истории культура не развивалась по прямой линии, путем постепенного и неуклонного нарастания. Культура развивается периодами, она знает подъем и упадки. Всякий тип культуры проходит через период примитивно-органический, период классического расцвета и период упадка".¹⁷⁵ Под упадком или кризисом культуры Н.А. Бердяев понимал неизбежное состояние, наступающее в результате истощения ее творческого потенциала. Однако в отмеченной теории упадки не являются собой окончания жизненного цикла культуры, поскольку именно через упадки культура обновляется, получая новый приток сил, идущий от нахлынувшего потока «варварства плоти, крови и духа», соответственно, "... ошибочно видеть в упадничестве что-то исключительно отрицательное и бесильное. Упадничество есть также и огромное утончение и усложнение, в нем есть своя красота и свой свет".¹⁷⁶ В результате, пройдя через период варварства, культура преобразуется и продолжает свой исторический путь.

Кроме того, на рубеже XIX – XX веков в макроисторических исследованиях наблюдается тенденция роста циклических версий истории, построенных на ритмиках как «первой», так и «второй» природы. В частности, А.Л. Чижевский в качестве базисной регулярности макроистории использовал ритмику циклических процессов, обусловленных активностью Солнца, отмечая, что "Течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, синхронных циклам периодической пятнообразовательной деятельности Солнца ...".¹⁷⁷ А.Л. Чижевский исходил из представления о процессе пятнообразования, как об усиленной деятельности известных участков Солнца. Это, по мнению исследователя, должно было неминуемо

¹⁷⁴ Франк С.Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс] // Режим доступа. – <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html> [15.10.2013].

¹⁷⁵ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М.: Искусство: ИЧП «Лига», 1994. – Т. 1. – С. 371.

¹⁷⁶ Там же: С. 371.

¹⁷⁷ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия / Сост., вступ. ст. и коммент. Л.В. Голованова. – М.: Мысль, 1995. – С. 312.

оказывать влияние на активизацию и ускорение различных физико-химических процессов на Земле, в ее коре и атмосфере, включая воздействие на психофизическую деятельность человека, и, соответственно, на характер протекания социокультурных процессов. По данному поводу А.Л. Чижевский замечает, что "... распределением во времени массовых народных движений управляет солнечный фактор путем воздействия его на нервно-психические аппараты людей, повышая их возбудимость и обостряя рефлексы ...".¹⁷⁸ Ритмика солнечного цикла в учении А.Л. Чижевского делится на несколько трехлетних периодов: эпоха минимума, эпоха нарастания максимума, эпоха максимума, эпоха падения максимума. В эпоху максимума социокультурная активность на Земле достигает высшего предела. В этот период происходят массовые, в первую очередь стихийные, движения в виде революций и восстаний, возникают эпидемии и психические отклонения, ведутся войны, разрастаются смуты.

Примером построения стержневых регулярностей исторического процесса на основании фиксации ритмик «второй» природы является теория длинных волн в экономической динамике Н.Д. Кондратьева, воспринимавшего цикличность как всеобщий закон развития природы и общества. Развивая гипотезу наличия циклов в самой сути капиталистической экономики, Н.Д. Кондратьев отмечал, что экономические циклы состоят из повышательных и понижательных волн, которые чередуются примерно через полвека, составляя трехфазное деление одного цикла на этапы подъема, кризиса и спада. Выявленная ритмика больших циклов конъюнктуры позволила Н.Д. Кондратьеву вписать в нее социальные, политические и культурные процессы, поставив их в зависимость от определенных стадий экономических циклов. Так, понижательная волна больших циклов экономики, согласно автору, сопровождается соответствующим снижением социокультурной активности человека, в свою очередь периоды повышательных волн "... значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн".¹⁷⁹

В период 40-х – 60/70-х годов XX века спектр научных трактовок стержневых регулярностей макроистории значительно расширился. Характеризуя регулярности, фиксируемые исследователями в качестве базисных в рассматриваемый период, следует отметить некоторые общие тенденции. В частности, в обозначенное время особое влияние на развитие макроисторической проблематики оказали междисциплинарные исследования, связанные с областью изучения системных объектов самой различной природы, включая особенности их устройства и алгоритмы развития. В области изучения алгоритмов развития систем, в контексте названных исследований, ученые уделяли первостепенное внимание двум аспектам: с одной стороны, изучению самих алгоритмов как неких принципов системного развития; с другой сторо-

¹⁷⁸ Там же: С. 300.

¹⁷⁹ Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения / Вступ. статьи Л.А. Абалкина, Ю.В. Яковца; Отд-ние экономики АН СССР. – М.: Экономика, 1993. – С. 55.

ны, исследователей интересовал вопрос фиксации различных процессов, лежащих в основе реализации названных алгоритмов.

В результате под влиянием отмеченных разработок в области постижения макроистории в рассматриваемый период создается ряд концепций, отражающих моделирование развития макроисторической реальности на уровне системного видения. Соответствующий статус в изучении устройства и развития макроисторических систем получили вопросы, связанные с фиксацией алгоритмов их развития, а также процессов, обеспечивающих системную динамику. В данных исследованиях алгоритмы развития систем стали выступать в роли базисных регулярностей макроистории, основанных на системном сплетении ритмик различной степени значимости, так или иначе определяющих логику развития макроисторических систем. Как следствие, создаваемые теории обогатились довольно сложными трактовками регулярностей, основанных на сочетаниях процессов, имеющих различное происхождение и статус.

Однако данный подход таил в себе некоторые трудности, угрожая «утопить» макроисторию в многоуровневых сплетениях ее системных процессов. Преодолевая названные трудности, исследователи стремились несколько упростить задачу определения базисных регулярностей. Так, во многих теориях, содержащих системную трактовку макроисторического процесса, как правило, фиксировалась отдельная базисная ритмика, детерминирующая все остальные. Иначе говоря, вне зависимости от степени сложности системных проявлений макроисторических процессов, исследователи отдавали предпочтение фиксации одной ритмики в качестве центральной. С другой стороны, вследствие констатации системной природы макроисторических ритмик и невозможности определить базисную регулярность на основании анализа какого-либо очевидного процесса, авторы были склонны фиксировать господствующую регулярность на уровне определения общего закона или «абстрактного» алгоритма развития макроисторических систем.

Ярким примером системных трактовок базисных регулярностей макроистории являются работы представителей школы «Анналов», существенно расширивших пространство для фиксации ее стержневых ритмик. В частности, Л. Февр, воспринимая историю как сложный системный процесс, который возможно познать лишь в его социальном единстве, отмечал, что "... предмет наших исследований – не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является".¹⁸⁰ На этом основании Л. Февр отвергал фрагментарные исторические исследования, которые, по его мнению, не раскрывают всей полноты исторического процесса, поскольку "Существует история как таковая во всей своей целостности. История, которая является социальной в силу своей природы".¹⁸¹ В контексте рассмат-

¹⁸⁰ Февр Л. Бои за историю = Combate pour l'histoire / Пер. А.А. Бобовича и др.; Ст. А.Я. Гуревича; Коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Наука, 1991. – С. 27.

¹⁸¹ Там же: С. 25.

риваемой теории важно сделать акцент на то, что термин «социальный» трактуется Л. Февром несколько шире, чем это принято в социологической науке, обозначая скорее сферу реализации человека как социокультурного существа, включая все аспекты его деятельности. В результате, в работах Л. Февра обозначился простор для определения комплекса ритмик, влияющих на ход истории. Сюда же можно отнести разработанный Марком Блоком сравнительно-типологический метод изучения тотальной истории, включающий ее комплексный анализ в контексте производственных, социальных, экономических, психологических и других структур.¹⁸²

И, наконец, Ф. Бродель, остановив свой выбор на постоянной игре глубинных тенденций истории к равновесию и его нарушению, отверг использование простых регулярностей, отдав предпочтение принципу одновременности и синхронности процессов, составляющих ее содержание. Различное понимание исторического времени, пространства, а также сложной природы ритмик истории позволило Ф. Броделю анализировать культурно-исторический процесс, как на макро-, мезо-, так и на микроуровне. В макроисторическом масштабе Ф. Бродель сосредоточил внимание на глобальных последовательностях и внутренних ритмиках развития систем мир-экономики, которые, по мнению ученого, существовали всегда (по крайней мере, с глубокой древности), являясь суммой индивидуализированных изолированных «реальностей», «пространств» или «множеств». К таковым множествам, проявляющих себя параллельно пространству мир-экономики, Ф. Бродель отнес культурное, социально-иерархическое и политическое пространство, "... беспрестанно в экономику вмешивающиеся, дабы ей способствовать либо с тем же успехом ей противостоять".¹⁸³ В развитии мир-экономики, включая экономические, политические, культурные и социальные множества, Ф. Бродель выделял фазы подъемов, кризисов и спадов. Причем эти фазы в различных множествах могут совпадать, а могут и не совпадать. Стержневую роль в макроисторическом процессе Ф. Бродель отвел собственно экономическим ритмикам и, в первую очередь, их кризисным проявлениям, так как в данные моменты мир-система "... приходит в упадок или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и промедлениями рождается другая система".¹⁸⁴ В развитии капитализма таких кризисов было пять, и каждый раз эти кризисы провоцировали изменение центра мир-экономики, сопровождаемая борьбой и столкновениями, поскольку "... именно экономическая непогода наносит решающий удар по старому, уже ослабленному центру и утверждает возвышение нового. В этом, разумеется, нет математически выверенной закономерности

¹⁸² См. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка = Apologie pour l'histoire ou Metier d'historien / Пер. Е.М. Лысенко; примеч. А.Я. Гуревича. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 254 с.

¹⁸³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв.: В 3 т. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – Т. 3: Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – С. 39.

¹⁸⁴ Там же: С. 81.

сти: кризис <...> – это испытание, которое сильные выдерживают, а слабые – нет".¹⁸⁵ Немаловажным обстоятельством является то, что анализируя общие ритмы истории, Ф. Бродель не ограничивается анализом только экономических подъемов и спадов, большое внимание в его исследованиях уделено рассмотрению данных состояний в культурных, социальных и политических множествах. В результате в концепции Ф. Броделя ритмика макроистории предстала как сложное системное образование, имеющее массу разноуровневых синхронистических проявлений.

Однако, как уже было отмечено выше, предложенная представителями школы «Анналов» традиция системного понимания стержневых процессов макроистории, будучи направленной на борьбу с ее упрощенными версиями, в свою очередь таила ряд трудностей, выраженных в размывании общей логики исторического развития. Данный подход, позволяя создавать вместилища концепты макроистории, отражающие множество аспектов, традиционно игнорируемых классической наукой, вел к формированию достаточно сложных трактовок макроисторической динамики, угрожающих растворить ее общие закономерности в анализе множества системных ритмик. Соответственно, преодоление отмеченной сложности в трактовках стержневых регулярностей макроистории, решалось посредством подчинения всех ритмик, составляющих ее содержание, какой-либо одной доминирующей регулярности, либо посредством фиксации общего алгоритма системного развития. В данном случае показателен пример самого Ф. Броделя, который положив в основу макроистории сложную совокупность ритмик различной природы, все же несколько упростил их понимание, подчинив цикличности макроэкономической регулярности. В результате отмеченные тенденции понимания стержневых регулярностей макроистории нашли свое проявление практически во всех концепциях, созданных во второй половине XX – начале XXI веков.

Достаточно отчетливо отмеченную тенденцию иллюстрирует социодинамическая модель П.А. Сорокина. Так, используя в качестве стержневой регулярности макроистории алгоритм, суть которого сводится к реализации цикличной динамики системы культуры, при некотором допущении вариативности внутри отдельных циклов, П.А. Сорокин связал действие отмеченного алгоритма с вполне очевидным процессом – периодическим преобразованием ее ментальной сферы. Как следствие, ритмика макроистории в теории автора предстала в виде последовательной смены определенных культур, выделяемых на основе различных типов ментальности, ориентированных на мироощущение человека, а именно: идеациональной, основанной "... на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальности и ценности ...",¹⁸⁶ и чувственной, в которой "... объективная реальность

¹⁸⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. с фр. В. Колесникова. – Смоленск: Полиграфма, 1993. – С. 91.

¹⁸⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 430.

и ее смысл чувственны”¹⁸⁷ Кроме того, в данной модели нашли свое отражение состояния сбалансированности, а также дисгармоничности основных типов ментальности. Смена типов культуры в ритмике, фиксируемой П.А. Сорокиным, обеспечивалась благодаря движущим силам, заложенным в них, просто потому, что такова их природа, так как любые культуры возникают, развиваются, достигают своего расцвета и затем приходят в упадок.

В работах А. Кребера в качестве стержневой регулярности макрокультурной динамики выступает системный алгоритм, реализующий ритмику развития «культурных паттернов» или «конфигураций», своеобразных аналогов формы культуры. Развитие паттернов в теории А. Кребера выстраивается, как правило, в виде непрерывной кривой подъема и спада. Эта кривая может включать в себя периоды роста, паузы, остановки, регрессии, кульминации и упадки. Кульминация наступает в тот момент, когда выявлен весь объем возможностей, заключенных в паттерне; упадок – когда сокращается сфера его приложения, после этого движение постепенно угасает, а культурная деятельность принимает форму повторения. Описывая динамику различных конфигураций культуры, А. Кребер всячески старался избежать исторического схематизма, допуская вариативность различных стадий их развития, в связи с отсутствием в данном процессе “... признаков какого-либо закона в истинном смысле – ничего циклического, регулярно повторяющегося и необходимого”¹⁸⁸ Вариативность развития паттернов достигается А. Кребером через введение различных импульсов роста и состояний упадков, включающих распад конфигураций и их последующие перестройки, не всегда очевидные для предсказания.

В концепции Л. Уайта, построенной в эволюционистском ключе с использованием достижений системного подхода, базисной регулярностью макрокультурного развития выступают ритмики технологической подсистемы культуры. Подразумевая под культурой отдельный порядок или класс явлений, т.е. вещи и события, зависящие от осуществления человеческой способности «символизирования», Л. Уайт трактовал ее как организованную, интегрированную систему, состоящую из трех подсистем – технологической, социальной и идеологической. В основе исторического развития культуры, согласно Л. Уайту, лежит «базовый закон культурной эволюции», согласно которому “... при неизменности всех прочих факторов, культура развивается по мере увеличения количества энергии, добываемой на душу населения в год, или по мере увеличения эффективности инструментальных средств ввода энергии в действие”¹⁸⁹ На этом основании, вся история культуры делится автором на качественные эволюционные этапы, выделяемые по принципу количества энергии, получаемой культурой. Последовательность этих этапов выглядит следующим образом: «использование энергии человека» – «использо-

вание энергии животных и растений» – «использование энергии угля, нефти и газа» – «использование энергии атомного ядра». Важнейшую роль в отмеченной ритмике, по мнению Л. Уайта, выполняют революции, происходящие в технологической подсистеме и резко изменяющие весь строй культуры. Происходят революции по следующей схеме: определенное количество энергии – предел и нехватка – поиск новых источников – переход в новое качество. В культурно-историческом процессе Л. Уайт выделяет три такие революции, а именно, «земледельческую», «топливную» и «революцию энергетических ресурсов атомного ядра».

В макроисторической концепции А. Тойнби в качестве базисной регулярности выступает ритмика рождения, роста, надлома и распада нескольких слабо взаимодействующих цивилизаций. Однако, фатальное действие данной, достаточно простой регулярности, А. Тойнби раскрепощает при помощи включения в ее пространство ритмик, имеющих вариативный характер и, кроме того, выраженных в комплексе разнообразных процессов, так как “... причина генезиса цивилизаций кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких ...”¹⁹⁰ На этом основании А. Тойнби сформулировал теорию «вызов-и-ответ». В трактовке автора, «вызов» представляет собой потенциальное множество средовых и внутренних факторов (препятствий, трудностей) различной природы, с которыми сталкивается цивилизация в ходе своей истории. Преодоление «вызова» является жизненно необходимым для цивилизации и стимулирует ее к развитию через «ответы». Наличие различных комбинаций «вызовов» и вариантов их решений делает генезис цивилизации уникальным и неповторимым, усложняя общую логику их роста, надлома и распада.

Автор этно-пассионарной теории Л.Н. Гумилев в качестве базисной регулярности макроистории использует ритмики развития этносов. Своеобразной движущей силой процесса этногенеза являются «удары» космической энергии, в раскрытии природы которой исследователь опирается на учение В.И. Вернадского, открывшего геобиохимическую энергию живого вещества биосферы.¹⁹¹ Начало процесса этногенеза, в трактовке Л.Н. Гумилева, связано с получением определенного «пучка» космической энергии, вызывающей специфическую мутацию небольшого числа особей в географическом ареале. Такая мутация не затрагивает фенотип человека, однако существенно изменяет стереотип поведения людей.¹⁹² В результате данной мутации («пассионарного толчка») появляются пассионарии – “... некоторое количество людей,

¹⁸⁷ Там же: С. 430.

¹⁸⁸ Кребер А.Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. Г.В. Вдовиной. – М.: Росспэн, 2004. – С. 703.

¹⁸⁹ Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. О.Р. Газизова, П.В. Резвых. – М.: Росспэн, 2004. – С. 394.

¹⁹⁰ Тойнби А.Дж. Постигание истории: [Сборник] / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – С. 113.

¹⁹¹ См. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / Предисловие Р.К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.

¹⁹² См. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – С. 75.

обладающих повышенной тягой к действию».¹⁹³ Пассионарии оказывают влияние на процесс этногенеза, реализуя «стартовый импульс» космической энергии, вплоть до ее угасания. Уровень пассионарной энергии на протяжении процесса этногенеза меняется, обеспечивая доминанту различных групп этноса в последовательности: пассионарии – субпассионарии – гармоничные или уравновешенные люди – посредственные люди. На разных этапах этногенеза эти группы, сменяя друг друга, поочередно занимают господствующее положение в этносе, определяя поведенческие императивы. Реализуя данную регулярность, в ходе исторического развития, этнос проживает череду фаз, суть которых сводится к росту, расцвету и упадку его жизненных сил. К таким фазам относятся: «подъем» – «акматическая фаза» – «надлом» – «инерционная фаза» – «обскурация» – «мемориальная фаза». В итоге каждый этнос должен реализоваться и уйти с исторической сцены, поскольку продолжительность жизни этноса, согласно автору, «... как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет ...».¹⁹⁴ Между фазами этногенеза Гумилев отмечает «межфазовые переходы» или «перегибы», обеспечивающие смещения в развитии этноса. Кроме того, Л.Н. Гумилев, несколько усложняя базисную ритмику развития этносов, допускает ее вариации, включая дополнительные «импульсы роста», ведущие к повышению (или сохранению) уровня пассионарности в процессе этногенеза, а также допуская своеобразные «вливания» пассионарности со стороны других этносов.

В свою очередь, К. Ясперс в основу целостной схемы мировой истории поместил ритмику достаточно протяженных хронологических периодов, отражающую проявление скрытого и смутно ощущаемого человечеством смыслового начала истории, которое им не всегда осознается, и, по сути, выражает стремление человечества к единству исторического пути. При создании своей концепции К. Ясперс исходил из убеждения, что мировая история состоит из трех последовательно сменяющих друг друга фаз. Первая фаза относится к доистории и охватывает период времени от становления человеческого языка и рас до возникновения исторических культур. Вторая фаза включает историю и охватывает отрезок времени приблизительно в пять тысяч лет, начиная с оформления великих культур древности Китая, Индии, Ближнего Востока и Европы. И, наконец, третья фаза, обозначаемая Ясперсом как собственно мировая история, возникает в наши дни, на фоне установления глобального единства мира, «... за пределы которого вследствие его окончательной пространственной замкнутости выйти уже не возможно».¹⁹⁵ Ключевую роль в данном процессе К. Ясперс отводит периоду «осевого времени», хронологические рамки которого относятся к 800 – 200 гг. до н.э. Отмеченное

¹⁹³ Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Сварог и К, 1998. – С. 13.

¹⁹⁴ Там же: С. 14.

¹⁹⁵ Ясперс К. Смысл и назначение истории: [Сборник] / Пер. с нем.; Вступ. ст. П.П. Гайдено; Коммент. В.Н. Катасонова. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – С. 95.

время ознаменовало собой переход от первой фазы ко второй, конституируя, по мнению автора, единство мировой истории. Тем, что свершилось в период «осевого времени», человечество живет по сей день. В этот период состоялся переход к универсалиям культуры: оформились основные категории, которыми мы мыслим; сложились крупные цивилизации; были заложены основы мировых религий; человечество перешло на более высокую ступень духовного единения. В результате в контексте названных периодов реализуется ритмика, отражающая стремление человечества к историческому единству. Данное стремление составляет смысловое содержание мировой истории, и относится, по мнению К. Ясперса, к сфере скрытого смысла, лишь смутно ощущаемого в его отдельных трактовках. Также данный смысл, согласно автору, можно частично постигнуть нерассудочным путем, в пределах «философской веры».

Начиная с 70-х годов XX века, основные тенденции, сформировавшиеся в области фиксации базисных регулярностей макроистории на предыдущих этапах развития науки, сохранились. К таковым относятся, во-первых, обозначившееся еще в период классического знания стремление исследователей к определению достаточно простых макроисторических ритмиков. Во-вторых, продолжила свое существование возникшая в контексте исследовательских установок системной парадигмы направленность авторов на фиксацию сплетений различных ритмиков, при доминанте одной, достаточно простой регулярности. В-третьих, сохранилось стремление исследователей к определению алгоритмов развития макроисторических систем в качестве базисных регулярностей макроистории, реализуемых во множестве процессов.

Кроме того, в рассматриваемый период сфера фиксации стержневых ритмиков макроистории дополнилась синергетическими трактовками процесса развития систем, основанного на диалектике «порядка» и «хаоса», включая параметры высокой степени неравновесности и сложности системных организаций. Отмеченные принципы легли в основу синергетического алгоритма развития системных объектов, суть которого составляет периодичность стабильных и переходных состояний, реализующих системные трансформации, обусловленные как внешними, так и внутренними факторами. В результате популяризации синергетики, принципы развития, открытые в данной области, обогатили не только системные представления о макроистории, найдя возможность своего применения практически во всех моделях и схемах культурно-исторического процесса, включая элементарные линейные последовательности. Однако, в области синергетических трактовок базисных регулярностей макроисторического процесса в большинстве случаев наблюдается аналогичная системным исследованиям ситуация, а именно: либо синергетический алгоритм, как таковой, выполняет роль стержневой ритмики макроистории; либо, на основании фиксации множества процессов системного развития, авторы склоняются к определению ведущей ритмики, синергетическая пульсация которой подчиняет своей логике все остальные процессы.

Так, один из разработчиков теории «Большой истории», А.П. Назаретян, основываясь на достижениях синергетики, формулирует базисную регулярность макрокультурного развития на основании ритмик эндо-экзогенных кризисов. В частности, в теории А.П. Назаретяна культура предстает как комплексный антиэнтропийный механизм, динамика которого выражается в смене эволюционных и кризисных фаз. Кризисные состояния, в трактовке А.П. Назаретяна, могут быть трех типов: экзогенные – следствие относительно случайных, не зависящих от системы событий в среде; эндогенные – “... обусловлены сменой периодов генетической программы или исчерпанием программы в целом”;¹⁹⁶ эндо-экзогенные – “... вызваны изменениями среды, спровоцированными собственной активностью системы – чаще всего тем, что экстенсивный путь развития зашел в тупик”.¹⁹⁷ Кризисы первого и второго порядка не меняют опосредующих механизмов и поэтому не приводят к глобальным изменениям системы культуры. Эндо-экзогенные переходы являют собой коренной передел системы, включая опосредующий элемент, и ее выход на качественно новый уровень адаптации и усложнения. В своих работах А.П. Назаретян отмечает семь эндо-экзогенных кризисов, которые завершились прорывом в новые эпохи, среди них: «палеолитическая революция», «верхнепалеолитическая революция», «неолитическая революция», «городская революция», «революция Осеево времени», «промышленная революция», «информационная революция».¹⁹⁸

В концепции В.С. Степина в качестве базисной регулярности макродинамики культуры используется ритмика создания и отмирания надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Основным выразителем данной ритмики являются трансформации мировоззренческих универсалий или мировоззренческого образа мира. Характеризуя названные мировоззренческие универсалии, В.С. Степин отмечает, что они лежат в основании культуры, систематизируя и аккумулируя накапливаемый человеческий опыт. Любая исторически сложившаяся в культуре система универсалий, согласно автору, сохраняется до тех пор, пока она обеспечивает воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения. Изменение универсалий происходит в том случае, когда “... они перестают выполнять свою трансляционную функцию, т.е. когда они уже не позволяют ассимилировать новый, важный для людей социальный опыт, соединять его с традицией и передавать от поколения к поколению”.¹⁹⁹ Преобразование мировоззренческих универсалий всегда связано с кризисами, характеристика которых в концепции В.С. Степина полностью соответствует синергетическому видению процессов развития сложных систем. В такие

¹⁹⁶ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М.: ПЕРСЭ, 2001. – С. 106.

¹⁹⁷ Там же: С. 106.

¹⁹⁸ См. там же: С. 109.

¹⁹⁹ Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФРАН, 1996. – С. 20.

эпохи происходит переоценка универсалий культуры, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися. В итоге, подобрав новое содержание мировоззренческого образа мира, культура преодолевает кризис и входит в фазу стабильного развития.

В теории макродинамики культуры, созданной М.С. Каганом, в основу базисной регулярности положен синергетический алгоритм развития систем. В частности, в трактовке М.С. Кагана, динамика культуры, как и любой другой открытой неравновесной (диссипативной) системы, строится через смену двух основных состояний, в которых преобладает либо порядок, либо хаос. На этом основании исследователь констатировал периодичную смену стабильных и переходных типов культуры, составляющих содержание ее истории. Следует отдельно отметить, что данная концепция, олицетворяя собой всю сложность системно-синергетического подхода, является примером учета множества макроисторических процессов, лежащих в основе развития культуры, реализующей ритмику хаотичных и упорядоченных состояний. И все же в отмеченной теории просматривается доминанта фактора, ритмика которого непосредственно влияет на феноменологию, строение и развитие культуры, – речь идет о системообразующих видах деятельности. Комплексный анализ влияния деятельностного фактора на культурно-исторический процесс содержится в теории М.С. Кагана о трех путях развития культуры, обозначившихся при переходе от первобытности к цивилизации: “Так на выходе человечества из первобытного состояния перед ним, как перед сказочным “витязем на распутьи”, раскрылись три <...> направления возможного дальнейшего движения. И на каждом из них исходные формы первобытного мышления, мифологии, обрядов, нравственного, эстетического и художественного сознания преобразовались особым образом, порождая существенно различные типы культуры”.²⁰⁰ К таковым историческим типам относятся: номадический (кочевой), земледельческий и ремесленный. Все три пути в разных формах и с разной степенью перспективности продемонстрировали специфические варианты движения к более сложной и совершенной организации жизни людей на земле.

В макроисторической концепции И. Валлерстайна, реализующей системно-синергетический алгоритм развития, в качестве базисной регулярности используется ритмика поочередного доминирования «миросистем». Говоря о важнейших ритмах истории, И. Валлерстайн отмечает, что “... это должны быть стадии развития социальных систем, то есть целостностей. А единственными целостностями, которые существуют или существовали исторически, являются минисистемы и миросистемы”.²⁰¹ Минисистемы характеризуются внутренним разделением труда и едиными культурными рамками, однако их в настоящее время не существует. Поэтому, основным выразителем

²⁰⁰ Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – С. 340-341.

²⁰¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 23.

культурно-исторического процесса в теории И. Валлерстайна является мир-система – “... общество, характеризующееся разделением труда с интегрированными производственными структурами, набором организующих принципов и институтов, а также определенным периодом своего существования ...”.²⁰² Анализируя развитие миросистем, Валлерстайн констатирует, что они время от времени разрушаются “... по причине своего комплексного характера и в силу того, что происходящие в них процессы со временем все сильнее выводят их из равновесного состояния. В конечном счете, проявляющиеся в их развитии тенденции доводят до точки бифуркации, и хаотические подвижки опосредуют мучительный переход к некоему новому системному порядку, основные черты которого никогда не могут быть заранее предугаданы”.²⁰³ Таким образом, исчерпавшие себя миросистемы, посредством хаотичных трансформаций заменяются на другие, реализуя базисную ритмику истории.

В концепции макродинамики культуры Ю.М. Лотмана, основанной на синергетическом алгоритме развития, в качестве стержневой регулярности используется ритмика трансформаций семиотического ядра культуры. Так, анализируя логику динамики культуры, Ю.М. Лотман обозначил две ее формы – «непрерывность», олицетворяющую собой осмысленное предсказуемое развитие, и «взрыв», выступающий воплощением хаотичных изменений. Согласно Ю.М. Лотману: “Взрыв – это момент динамического развития, который создает ситуацию принципиальной непредсказуемости”.²⁰⁴ В этот момент формируется направление будущего движения системы, “Кривая развития перескакивает здесь на совершенно новый, непредсказуемый и более сложный путь”.²⁰⁵ Затем наступает период предсказуемого постепенного развития, поскольку “Момент исчерпания взрыва – поворотная точка процесса”.²⁰⁶ В сфере динамики культуры – это исходная точка ее будущего состояния и место самопознания. Характеризуя данные формы динамики, Ю.М. Лотман отмечал, что они составляют основу процесса развития культуры, и соотносятся как порядок с хаосом в синергетической теории. В основе отмеченной ритмики лежат изменения семиотического ядра культуры, отражающиеся на культуре в целом и провоцирующие ее взрывные трансформации; либо, в случае стабилизации семиотических оснований культуры, последняя переходит в состояние непрерывного предсказуемого развития.

В работах В.П. Бранского и С.Д. Пожарского, отражающих синергетический алгоритм развития, базисная регулярность, лежащая в основе культурно-исторического процесса, выражена в чередовании волн иерархизации и

деиерархизации всех сфер социальных институтов и культуры. Иерархизация, в трактовке исследователей, представляет собой процесс единения частных структур в структуры более высокого порядка; в свою очередь, деиерархизация олицетворяет процесс распада сложных структур на более простые. В основе этих волн лежит ритмика развития идейных оснований культуры, которые “... на обычном человеческом языке называется простым словом «идеал»”.²⁰⁷ Идеалы, согласно авторам, присутствуют глубоко в недрах культуры в качестве “... некоторого *устойчивого фактора*, определяющего как специфические черты этой культуры, так и ее эволюцию в том или ином направлении”.²⁰⁸ Иерархизация идеала обеспечивает стабилизацию культуры, в свою очередь деиерархизация ее идейных оснований провоцирует бифуркации, характеризующиеся “... разветвлением старого качества на конечное множество вполне определенных потенциально новых качеств”.²⁰⁹ В контексте данных кризисных состояний культура осуществляет выбор нового идеала, и как только это происходит, наступает стабильный период иерархизации.

Автор «инвариантной теории эволюции» Э.С. Маркарян в качестве стержневой регулярности макродинамики культуры использует синергетический алгоритм ее модификаций и структурных перестроек. По мнению автора, культура как способ самоорганизации общественной жизни людей является механизмом адаптации и представляет собой специфический, надбиологический способ человеческой деятельности, уникальный регулятивный, осваивающе-исполнительный, жизнеобеспечивающий и воспроизводящий механизм, всецело основанный на научении.²¹⁰ В первую очередь, адаптивность «социальных организмов» обеспечивается с помощью информационных программ, которые воплощаются в соответствующих культурных традициях, во многом эквивалентных “... месту и роли генетических видовых программ в процессах эволюции биологических систем”.²¹¹ Однако, в процессе развития социальных организмов названные традиции “Так же как и видовые программы биологических популяций, <...> никак не могут предвосхитить всего реального многообразия условий и ситуаций даже самой стабильной среды их существования”.²¹² В результате возникающих средовых и внутрикультурных изменений активизируются адаптивные процессы, выраженные в создании инноваций, проявляющих себя в основных подсистемах культуры: природно-экологической, общественно-экологической и социорегулятивной. Воздействие первых двух подсистем обращено к внешней среде; в свою очередь, тре-

²⁰² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – М.: Логос, 2003. – С. 171.

²⁰³ Там же: С. VIII.

²⁰⁴ Лотман Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. – СПб.: Искусство – СПб, 2002. – С. 68.

²⁰⁵ Лотман Ю.М. Семиосфера: [Сборник]. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – С. 22.

²⁰⁶ Там же: С. 23.

²⁰⁷ Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология: Теория самоорганизации индивидуума и социума в свете концепции синергетического историзма. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Политехника, 2002. – С. 34.

²⁰⁸ Там же: С. 33.

²⁰⁹ Там же: С.13.

²¹⁰ См. Маркарян Э.С. Культура как способ социальной самоорганизации. Общая постановка проблемы и ее анализ применительно к НТР / Препринт. – Пушкино: Научный центр биологических исследований АН СССР в Пушкине, 1982. – С. 4.

²¹¹ Там же: С. 4.

²¹² Там же: С. 5.

тя оказывает влияние на сам социальный организм. Названные подсистемы обеспечивают диалектический процесс адаптивно-адаптирующего воздействия культуры как на вмещающую среду, так и на самого человека. Характеризуя динамику культуры в синергетическом ключе, Э.С. Маркарян отмечает две формы адаптивных процессов: «модификации» и «структурные перестройки». Модификации, будучи гомеостатической формой адаптации, не затрагивают основ информационных программ и принятых стереотипов, сохраняя культуру стабильной. Во время структурных перестроек происходит преодоление принятых стереотипов "... путем отбора соответствующих инноваций и их принятия в качестве новых стереотипов, а также их структурно-функционального отражения в системе".²¹³ Соответственно, структурные перестройки, соотносимые Э.С. Маркаряном с рекомбинациями генома в процессах биоэволюции, олицетворяют собой этапы переходов системы культуры на качественно новые уровни самоорганизации.

В теории макродинамики культуры А.Я. Флиера, в качестве базисной регулярности используется ритмика изменений коллективных форм жизнедеятельности. Определяя культуру как "... производный продукт, результат действия различных социальных технологий по самоорганизации и самоопределению человеческого общества (локальных обществ), совокупное рефлексивное знание человечества о мире и о себе, накапливаемое и передаваемое из поколения в поколение ...",²¹⁴ А.Я. Флиер строит периодизацию ее динамики на основе стадияльной ритмики эволюции норм и стандартов деятельности как системных образований, регулирующих социальное бытие людей в разные периоды развития общества. Модель истории культуры, согласно А.Я. Флиеру, включает три стадии, выраженные последовательностью эколого-генетического, историко-идеологического и экономико-социального типов культуры. В отмеченные периоды эволюция культуры идет посредством ее усложнения и усовершенствования в рамках сложившейся системы норм и стандартов деятельности. Анализируя процесс смены отмеченных типов культуры, А.Я. Флиер фиксирует наличие «стартовых импульсов», инициирующих выработку новых норм и стандартов деятельности. В истории культуры А.Я. Флиер выделяет три таких «импульса». В частности, «импульсом» первичного морфогенеза *Homo Sapiens* стала перемена какой-то частью восточноафриканских приматов среды своего обитания, вынудившая их проявлять «чудеса изобретательности». «Стартовым импульсом» морфогенеза культуры историко-идеологического типа явился "... переход от присваивающего к производящему хозяйствованию, инициировавший процессы разделения труда, социальной стратификации и производства продуктов, ставших предметом обмена и экспроприации".²¹⁵ «Стартовым импульсом» мор-

²¹³ Там же: С. 4.

²¹⁴ Флиер А.Я. Теория культуры вместо исторического материализма // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 136.

²¹⁵ Флиер А.Я. Культурогенез в истории культуры // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 147.

фогенеза культуры экономико-социального типа стала потребность перехода от экстенсивных и традиционных по своим формам норм и стандартов деятельности к интенсивным и непрерывно модернизирующимся.

А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко в качестве стержневой регулярности макродинамики культуры применяют ритмику циклических усложнений и распадов ее смыслового поля. Трактую культуру как механизм опосредования отношений между человеком и природой, авторы делают акцент на ее смысловой составляющей, отмечая, что "... культура есть система всеобщих принципов смыслообразования и самих феноменологических продуктов этого смыслообразования ...".²¹⁶ Основной движущей силой культурно-генетического процесса, согласно мнению авторов, является первотектональная потребность, выраженная в стремлении человека как культурного субъекта сформировать приемлемую для себя картину мира.²¹⁷ Как таковое развитие смысловых основ культуры в трактовке авторов характеризуется их постепенным усложнением. В результате длительного действия отмеченного процесса, смысловое поле культуры наполняется многоступенчатыми иерархиями опосредующих форм, смыслов и значений, между реально существующим человеком и его первичными потребностями. Однако данный процесс, разворачиваясь на определенном материале, имеет свой предел, наступающий с качественным исчерпанием соответствующих принципов смыслополагания. Вследствие критической загруженности смысловой сферы культуры создается ситуация, когда субъект оказывается не в состоянии дотянуться до ее первотектональных или архетипических основ. В такой ситуации культура перестает быть надприродным средством субъект-объектного единства, стремясь к всеохватывающему расширению, самовоспроизводству и усложнению своих структур. Момент исчерпания смысловой загруженности культуры представляет собой кризис, влекущий ее деструкцию, с последующим обвальным сбросом опосредующих промежуточных звеньев. Примечательно, что в трактовке авторов данное состояние длится крайне недолго, так как первотектоны вновь присоединяют к себе семантические блоки, что ведет к стабилизации культуры. Создаваемые смысловые блоки представляют собой нечто вроде уплотненных матриц опыта культуры предыдущего периода, тем не менее, "... присоединяемый материал носит уже качественно иной характер".²¹⁸ Таким образом, А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко удалось представить эволюцию культуры в виде своеобразной спиралевидной ритмики создания, усложнения и распадов ее смыслового пространства.

В концепции Ю.В. Яковца базисная регулярность культурно-исторического процесса выстраивается на основании синергетической трактовки полициклических ритмиков развития исторических систем. По мнению ис-

²¹⁶ Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 10.

²¹⁷ См. там же: С. 21.

²¹⁸ Там же: С. 264.

следователя, ход исторического процесса полностью полициклический и носит неравномерный, волнообразно-спиралевидный характер, поскольку "... нет системы в обществе или природе, которая не развивалась бы в ритме циклической динамики, переживая фазы зарождения, появления, распространения, зрелости, кризиса и перехода в новое состояние (или гибели)".²¹⁹ Развитие отмеченных систем, трактуемое автором в контексте синергетических представлений о периодичной смене «порядка» и «хаоса», отражает ритмику данных состояний. Так, отмечая стабильные периоды в генезисе исторических систем, реализующие основной виток цикла, Ю.В. Яковец особое внимание уделяет моментам циклических переключений, содержание которых, в трактовке автора, никогда не проявляющихся в одинаковой форме, составляет ситуация отмирания и кризиса отживающей свой век системы, с последующим рождением нового порядка.

В концепции исторической динамики русской культуры, созданной И.В. Кондаковым, в качестве стержневой ритмики выступает циклическая последовательность развития ее «смыслового конструкта». В истории русской культуры автор выделяет три таких цикла: "1) история древнерусской культуры (с дохристианских истоков по XVII век включительно); 2) история русской культуры Нового времени (XVIII – XIX вв.); 3) история неклассической русской культуры XX века (начиная с Серебряного века до начала постсоветской эпохи, то есть по настоящее время)".²²⁰ Каждый из отмеченных циклов представлен поочередно сменяющимися друг друга фазами, включая фазу становления, подъема, смысловую кульминацию, кризис и спад. Конечная фаза цикла, в теории И.В. Кондакова, совпадает с зарождением и подъемом нового витка истории культуры. В отмеченные периоды циклических переключений, старые и новые тенденции русской культуры "... неразличимо перепутываются, смешиваются, переходят друг в друга, создавая характерное пространство "смысловой неопределенности", в котором противоположности сосуществуют на равных ...".²²¹ Данные моменты в циклической ритмике истории русской культуры И.В. Кондаков называет «эристическими» эпохами.

В рассматриваемом ряду макроисторических регулярностей, реализующих синергетический алгоритм развития систем, целесообразно упомянуть концепцию истории художественных стилей, предложенную Д.С. Лихачевым. В частности, в формировании и развитии художественных стилей ученый выделяет два уровня – макрокопический (общестилевой) и микрокопический (представленный индивидуумами). Трактуя макрокопическое развитие художественных стилей в синергетическом ключе, Д.С. Лихачев

²¹⁹ Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999. – С. 284.

²²⁰ Кондаков И.В. О механизмах повторяемости с истории русской культуры // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах: [Сборник] / Отв. ред. Н.А. Хренов; Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации. – М.: Наука, 2002. – С. 269.

²²¹ Там же: С. 269.

анализирует их динамику в контексте смены упорядоченных и хаотичных состояний, отмечая, что "... развитие каждого стиля происходит довольно спокойно, стиль консолидируется и формируется, пока не достигает критической точки, мешающей творчеству. Тогда происходит обвал, наступает хаотическое состояние, более или менее выраженное, и начинается формирование нового стиля ...".²²²

Кроме того, в рассматриваемый период генезиса знания в области фиксации базисных регулярностей макроистории распространение получают не только ритмики, отражающие системно-синергетические алгоритмы. На данном этапе развития макроисторической проблематики свое продолжение находят традиции фиксации ритмик, обозначенные исследователями на предыдущих этапах познавательного процесса, включая доклассический, классический и неклассический периоды. Отмеченные тенденции находят выражение в усложнении, обогащении и дифференциации макроисторических регулярностей, созданных на прошлых этапах развития знания. Однако в контексте названных теорий обращает на себя внимание обстоятельство, согласно которому во многих исследованиях рассматриваемого периода, не отражающих системные и синергетические ритмики напрямую, вполне очевиден фактор парадигмального влияния данных областей знания.

В частности, в концепции социокультурной динамики В.М. Петрова в качестве стержневой регулярности используется комбинация нескольких ритмик различной природы. Так, применяя информационный подход, В.М. Петров анализирует социокультурную динамику сквозь призму сочетания протекающих в культуре долговременных (фоновых) эволюционных трендов с быстропротекающими процессами, периодика которых равна нескольким десятилетиям. Основу анализа социокультурной динамики в концепции В.М. Петрова составляет кривая длительных изменений долговременного тренда, на фоне которой происходят пульсации быстропротекающих процессов, выраженные в периодической изменчивости всей социально-психологической сферы. Данные изменения проявляются "... в попеременном чередовании (с полным циклом около 50 лет) «аналитических» и «синтетических» процессов, или, соответственно, лево- либо правополушарного доминирования".²²³ Характер смены указанных циклов зависит от динамики изменений фонового, или долговременного монотонного тренда, который для любых обществ характеризуется тем, что все они "... стремятся в одну и ту же сторону – сторону усиления аналитизма".²²⁴ В частности, если фон изменяется медленно, то смена циклов носит «равноправный» характер. Если фон меняется быстро, то циклические переключения от аналитизма к синтетизму становятся «неравноправными», а переключения от синтетизма к аналитизму, совпадая с трендом, знаменуют "... резкий скачок в

²²² Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества / РАН. Ин-т рус. лит. – СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. – С. 89.

²²³ Петров В.М. Социальная и культурная динамика: быстропротекающие процессы (информационный подход). – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 131.

²²⁴ Там же: С. 147.

незнаемое, в еще не испытанное – по степени аналитизма – состояние”.²²⁵ Инструментальным обеспечением переключений циклов в концепции В.М. Петрова являются люди (интеллигенция) – носители неординарной ментальности, при определенном стечении конкретно-исторических обстоятельств способные оказать воздействие на общество.

В теории К.М. Кантора логика макроисторического развития основывается на базисной ритмике, содержанием которой является процесс раскрепощения индивида от всех форм порабощения.²²⁶ Воспринимая содержание истории как борьбу Свободы против любых форм личной зависимости, К.М. Кантор фиксирует два полярных типа культуры, основанных либо на относительно самостоятельной жизни индивидов в обществе, либо на подчинении жизнедеятельности индивидов государству. Стержневые пульсации истории в трактовке автора определяются данными «крайностями» и сопровождаются сменой различных соотношений личной свободы и зависимости. На этом основании К.М. Кантор выделяет три этапа развития человеческого рода с точки зрения раскрепощения индивида – «личная зависимость», «вещная зависимость», «универсальная свободная личность». В основе смены отмеченных этапов истории автор констатирует наличие специфических фаз, содержанием которых является снятие противоречий при переходе от одной ступени личной зависимости индивида к последующей, посредством ее уменьшения.

Критикуя догматизм формационной теории, И.М. Дьяконов в качестве базисной регулярности макроисторического процесса использует комплексную ритмику, включающую не только пульсации социально-экономической сферы, но и ритмы развития технологической и социально-психологической сфер.²²⁷ В результате каждая система производственных отношений увязывается автором с уровнем технологии и с состоянием социально-психологических процессов. На этом основании И.М. Дьяконов делает попытку преодоления односторонних трактовок культурно-исторического процесса, укоренившихся в формационной теории. Кроме того, данная комплексная ритмика позволила автору трактовать процесс смены стабильных фаз истории не только в контексте революционных переворотов, вызванных несоответствиями между развитием производительных сил и характером производственных отношений. Данный процесс в трактовке автора предстал как сложное, комплексное явление, дополненное ростом противоречий в социально-психологической, а также в технологической сферах. Более того, для смены фаз, по мнению автора, противоречия должны сформироваться в трех отмеченных сферах, иначе их фрагментарные несоответствия приведут только к долговому застою.

²²⁵ Там же: С. 148.

²²⁶ См. Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 1: Общие проблемы. – 2002. – 903 с., [1] л. портр.

²²⁷ См. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука, 1994. – 384 с.

В работах А.С. Ахиезера в качестве стержневой регулярности макродинамики культуры выступает ритмика воспроизводства ценностных ориентаций общества. Данная ритмика в трактовке автора зависит от нескольких переменных и определяется различными типами ценностей и, кроме того, попадает в зависимость от основных логических форм динамики культуры. В частности, А.С. Ахиезер отмечает, что “В истории человечества можно выделить два основных типа ценностей, что свидетельствует о существовании двух основных типов цивилизаций, или суперцивилизаций – традиционной и либеральной”.²²⁸ Традиционной цивилизации присуще господство статичного типа воспроизводства, нацеленного на поддержание общества, всей системы культуры, социальных отношений, личности в соответствии с некоторым идеализирующим прошлым представлением. В либеральной цивилизации господствующее положение занимает интенсивное воспроизводство, которое характеризуется стремлением воспроизводить культуру, постоянно углубляя ее содержание, повышая социальную эффективность и жизнедеятельность. Кроме того, между отмеченными типами ценностей, представленных соответствующими цивилизациями, А.С. Ахиезер фиксирует третье, промежуточное состояние, когда цивилизация перестает быть традиционной, но еще не стала либеральной, и поэтому находится в состоянии внутренней противоречивости и ценностного «раскола». К данным цивилизациям автор относит Россию,²²⁹ отмечая, что “Россия «застряла» между основными суперцивилизациями: традиционной и либеральной. Именно в этом промежуточном состоянии общества, достигшего цивилизационной значимости, и состоит ее специфика”.²³⁰ Анализируя логические формы динамики культуры (в основе которых лежат определенные типы мышления), А.С. Ахиезер отмечает два доминирующих состояния данного процесса – инверсию и медиацию, представляющие собой циклические акты массового действия, реализующего некоторую воспроизводственную программу. Согласно автору, для инверсионного типа характерно оперирование готовыми результатами мышления, обусловленного раннее накопленным опытом культуры, который организован как дуальная оппозиция. Господство инверсии открывает путь быстрым, логически мгновенным скачкам от одного полюса к другому, моментально пробуждая противоположные стремления. Логика медиации, наоборот, предполагает поиск меры между полюсами дуальной оппозиции и нацелена на формирование некоторого третьего состояния, преодолевшего противоположность полюсов.

Помимо рассмотренных тенденций, проявляющих себя в области фиксации макроисторических регулярностей, начиная с 70-х годов XX века, обо-

²²⁸ Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. – М, 1994. – № 4/5. – С. 5.

²²⁹ См. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). – Т. 2. Теория и методология. Словарь. – 2-е издание, перераб. и дополн. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 594 с.; Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России: Философский аспект. – М.: ИНИОН, 1992. – 82 с.

²³⁰ Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. – М, 1994. – № 4/5. – С. 6.

значилась направленность ученых на поиск стержневых ритмик мира-как-истории в контексте процессов, выявляемых на основании использования достаточно оригинальных и нестандартных подходов. В первую очередь, отмеченные тенденции проявились в фиксации новых «измерений» и феноменов макроисторической реальности, а также в моделировании процессов, ритмика которых обнаруживала свое соответствие «пульсациям» мира-как-истории. В данном аспекте важно подчеркнуть, что многие регулярности, нашедшие свое применение в области макроистории, первоначально создавались теми или иными авторами в контексте исследований, не имеющих прямого отношения к данной проблематике. Однако продемонстрировав высокий эвристический потенциал, отмеченные регулярности нашли свое применение в области макроисторических исследований, посредством прямых переносов, аналогий и, в некоторых случаях, метафоричных сравнений.

Так, в концепции М. Фуко, затрагивающей сущность культурно-исторического процесса, в качестве стержневой ритмики использует последовательность «эпистем», а позднее – «дискурсивных практик». Эпистемы в работах М. Фуко представляют собой целостные структуры, определяющие условия возможности мнений, теорий, наук и в целом познавательного процесса, в каждый исторический период; по сути, это глубинные коды культуры, «... управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик...».²³¹ В основе всех эпистем, согласно М. Фуко, лежит соотношение «слов» и «вещей». Данное соотношение формирует неповторимый облик конкретно-исторических эпистем, рождающих особые способы упорядочивания «вещей» в «словах». Согласно этому принципу в истории европейской культуры М. Фуко выявляет три целостных периода, представленных различными эпистемами: ренессансной, классической и современной. В ренессансной эпистеме «слова» и «вещи» тождественны друг другу. В классической эпистеме «слова» и «вещи» лишаются сходства и соотносятся опосредованно через инструмент представления и мышления. В современной эпистеме «слова» и «вещи» опосредованы «языком», «трудом» и «жизнью». Смена эпистем в теории М. Фуко выглядит как разорванный процесс и выражается в абсолютном, качественном изменении их конфигурации и глубинного кода. Позднее М. Фуко отходит от понятия «эпистема» и анализирует культурно-исторический процесс, представленный как сложное, структурное, прерывистое развитие общности рассеянных событий, в контексте «дискурсивных практик» – социально обусловленных организаций системы речи и действия.²³² «Дискурсивные практики» показывают, по каким исторически конкретным правилам образуются объекты тех или иных наук, как строятся высказывания, как задаются понятия, каким образом совершаются выборы тех

²³¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – С. 33.

²³² См. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр.; Общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с.

или иных мыслительных ходов. В рассмотрении последовательности дискурсивных практик, М. Фуко особое внимание уделяет ситуациям их смены. Именуя данные состояния «формационными сдвигами», М. Фуко представил отмеченный процесс как комплекс достаточно сложных, многоуровневых и растянутых во времени трансформаций, выраженных в «разрывах» и «фрагментарных сдвигах».

В концепции Ж. Бодрийяра, содержащей макроисторический анализ развития новоевропейской цивилизации, в качестве стержневой регулярности используется последовательность «симулякров». Понятие симулякра («подобия») применялось еще Платоном и рассматривалось им как неверное подражание идеальной модели (эйдосу). Развивая данную мысль, Ж. Бодрийяр перенес понятие симулякра на социокультурную сферу, представив его как своеобразный инструмент постепенного опосредования и вытеснения реальности. Так, анализируя динамику новоевропейской культуры, Ж. Бодрийяр предложил историческую схему «трех порядков» симулякров, последовательно сменяющих друг друга в ходе ее истории. Данная последовательность выглядит следующим образом: «подделка» – «производство» – «симуляция». В трактовке автора, господствующим инструментом опосредования реальности классической эпохи, от Возрождения до промышленной революции, выступает «подделка»; преобладающим типом опосредования реальности промышленной эпохи является «производство»; доминирующим инструментом опосредования реальности в нынешнее время выступает «симуляция».²³³ Характеризуя феномен симулякров, Ж. Бодрийяр отмечал, что они со временем исчерпываются, так как любая система, в силу своей собственной природы обречена на полное совершенство, а значит и на полный распад. Исчерпание одного симулякра приводит к катастрофической ситуации – смерти самореализовавшегося состояния системы. Далее, согласно Ж. Бодрийяру, культура совершает переход на качественно новый, более сложный уровень опосредования (поглощения) бытия при помощи моделирования знаковых систем и ценностей. Смена симулякров в пространстве новоевропейской культуры происходит посредством революций и характеризуется тем, что новый симулякр подчиняет себе предыдущие.

Помимо фиксации последовательностей новых процессов, составляющих содержание макроисторической реальности в качестве ее базисных регулярностей, в рассматриваемый период обозначилось отдельное направление исследований, направленных на разработку различных принципов организации систем, а также алгоритмов их развития, вполне применимых к моделированию широкого спектра макроисторических процессов. Данные разработки носят общенаучный характер и подразумевают свое использование в широком, междисциплинарном контексте.

Примером исследований, относящихся к отмеченной проблематике, являются работы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в которых авторы предлагают не-

²³³ См. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Перевод. – М.: Добросвет, 2000. – С. 113.

сколько моделей системных организаций, применимых к анализу макродинамики культуры. В данном случае соотнесение строения систем с характером их динамики выглядит вполне уместным, поскольку между организацией систем и спецификой их функционирования наблюдается достаточно явная зависимость. Так, в совместной работе «Тысяча плато» (1980 г.) Ж. Делез и Ф. Гваттари, рассматривая особенности строения книги как феномена культуры, выделили несколько типов системных организаций, представляющих различные формы имитации «образа мира» – своеобразной «древесной» структурой, отражающей мир в достаточно ясных формах. Говоря более простым языком, авторы предложили типологию систем, основанную на растущем опосредовании смыслового концепта мира. Характеризуя древесную структуру как образ мира, авторы отмечают, что логика «дерева» – это логика воспроизводства, которая “... состоит в калькировании чего угодно, что дано нам уже готовым, начиная со сверхкодирующей структуры или поддерживающей оси”.²³⁴ К структурам, имитирующим образ мира, авторы отнесли так называемые «корневые» структуры, выступающие по отношению к «дереву» как «образы древа-мира», и представляющие собой различные варианты системных образований, по сути симулирующих «дерево». Первый, самый простой тип организации, имитирующий дерево – «корень». Логика реальности корня – это бинарная логика рефлексии, согласно которой корень отражает дерево, как искусство – природу. К разновидностям корня относятся – «мочковатый корень» или «система-корешок»: “На этот раз главный корень абортирован или почти до конца уничтожен; к нему прививается и обретает чрезвычайное развитие непосредственное и неопределенное множество вторичных корней”.²³⁵ Имитация дерева в системе мочковатого корня строится на основании утраты стержня, позволявшего субъекту создавать его образ посредством бинарной рефлексии. В данной системе на первый план выступает множественность опосредований мира со стороны субъекта, при сохранении связи с миром. Особое место среди всех видов корневой организации принадлежит «ризоме» – организации, которую авторы метафорично сравнивают с «клубнем» или «луковицей». Качественное отличие ризомы от корня и дерева заключается в том, что ризома бесконечно вариативна: “У нее нет ни начала, ни конца, но всегда – середина, из которой она растет и переливается через край”.²³⁶ Данное качество ризомы отражает действие принципа сцепления и гетерогенности, согласно которому: “... любая точка ризомы может – и должна быть – присоединена к любой другой ее точке”.²³⁷ В отличие от многих корневых и древесных структур, ризома лишена «Генерала» (некоего детерминирующего начала, аналогичного системному аттрактору). Как следствие, в ризоме мак-

²³⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я.И. Свицкого; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – С. 21.

²³⁵ Там же: С. 10.

²³⁶ Там же: С. 37.

²³⁷ Там же: С. 12.

симально раскрываются параметры свободного поведения и непредсказуемости системного развития.

По мере распространения в научной среде, типология, предложенная Ж. Делезом и Ф. Гваттари, нашла свое применение в области моделирования макроисторического усложнения системы культуры, включая генезис ее смыслового пространства, а также других опосредующих структур. Кроме того, данные конфигурации систем обнаружили свое соответствие логике усложнения представлений о моделях и схемах истории, в контексте развития знания о макроисторической реальности.

Вполне соотносимую с представленной типологией «корневых» структур концепцию понимания системных организаций, а также алгоритмов их развития, предложил У. Эко. В частности, анализируя семантику лабиринта, У. Эко выявил три варианта его формы: лабиринт Тесея, маньеристический лабиринт и «сетка». Каждая из форм названных лабиринтов, согласно автору, имеет внутреннюю логику протекания различных процессов и переходов от начала к концу. Результаты, полученные в ходе анализа основных форм лабиринта, позволили У. Эко перенести их на макроисторическую реальность, посредством описания трех видов организаций культурно-исторических систем, с соответствующими логиками развития. Первый – греческий – лабиринт Тесея: “В нем никому не удастся заблудиться. Входишь, добираться до середины и из середины иди к выходу. Потому-то в середине и сидит Минотавр. Иначе пропал бы весь смак мероприятия. Это была бы обычная прогулка. Ужас берется (если берется) из неизвестности: неизвестно, куда ты угодишь и что выкинет Минотавр. Но на пороге классического лабиринта в твою ладонь сразу ложится нить Ариадны. Собственно, лабиринт – это и есть нить Ариадны”.²³⁸ Лабиринт Тесея является самым простым, соответствуя моделям развития, воплощенным в классической научной парадигме. В данном виде лабиринта развитие подчинено общей закономерности следования единственному пути выхода из лабиринта. Второй вид лабиринта – маньеристический: “В плане это что-то вроде дерева – корни, крона. Разветвленные коридоры со множеством тупиков. Выход один. Но как его найти? Ариаднина нить нужна и тут. Такой лабиринт – модель trial-and-error process”²³⁹ (англ. – метод проб и ошибок). Маньеристический лабиринт представляет собой усложнение предыдущего и во многом отражает механизмы сложного многовариативного развития, составляющие содержание системной парадигмы. Третий вид лабиринта – «сетка». Характеризуя сетку, У. Эко проводит прямые параллели с «ризомой» Ж. Делеза и Ф. Гваттари: “Ризома так устроена, что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична”.²⁴⁰ Сущностной характеристикой «сетки» является не сам процесс реализации идеи выхода из

²³⁸ Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Перев. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2003. – С. 62.

²³⁹ Там же: С. 63.

²⁴⁰ Там же: С. 63.

лабиринта, для «сетки» важнее ее пребывание в лабиринте, ее качественная открытость различного рода трансформациям. Соответственно, «сетка», состоящая из потенциально огромных связей и пересечений, предполагает действие синергетического алгоритма развития.

Таким образом, на протяжении развития знания, проблема определения базисных регулярностей макроистории получила массу конкретных воплощений.

Осуществленный анализ исторического развития представлений о базисных регулярностях макроистории со всей очевидностью демонстрирует высокий ноогенетический статус и паттернообразующую роль отмеченных тематических структур в процессе складывания целостных гешталтов мира-как-истории. Так, определяя некую пульсацию вмещающей реальности в качестве ее стержневой ритмики, ученые распространяют ее логику на макроисторическую реальность в целом, подчиняя ей все остальные процессы. Иначе говоря, на базисную регулярность, отражая ее специфику, буквально «нанизываются» различные компоненты макроисторических концептов, подстраиваясь под ее действие.

Кроме того, изучение развития научных представлений о базисных регулярностях макроистории показывает, что в данном процессе есть определенная логика, выраженная в постепенном усложнении фиксируемых авторами регулярностей, однако при сохранении высокого статуса их ранних аналогов. Другой тенденцией, обозначившейся в генезисе знания о базисных регулярностях в рассмотренных выше теориях, стало проявление изменчивой тройственной природы тематических структур, отражающих стержневые ритмики мира-как-истории. В данном случае следует напомнить, что отмеченные темы состоят из нескольких компонентов и, во-первых, включают некие пульсации какого-либо элемента макроисторической реальности; во-вторых, отражают идеальное воплощение абстрактных моделей и схем; и, в-третьих, содержат трактовку идейной направленности процесса развития. Соответственно в рассмотренных концептах наблюдается множество вариантов решения троичного содержания рассматриваемых тем, включая проявления названных тематических компонентов в «чистом виде».

Следует подчеркнуть, что в рассмотренных выше примерах наблюдается достаточно сильная зависимость между предпочтениями различных авторов в отношении тех или иных тематических структур, отражающих базисную регулярность, и создаваемых данными авторами концептами макроистории. Природа отмеченных предпочтений основывается на множестве факторов, начиная от парадигмального влияния, вплоть до проявления глубинных основ психики и жизненного опыта исследователей. Причем данное предпочтение, согласно Дж. Холтону, не всегда поддается логическому анализу и в некоторых случаях основывается на своеобразной ментальной или иной «привязанности» ученых к различным тематическим структурам. Однако, так или иначе, приверженность многих авторов к тем или иным структурам, от-

ражающим базисную регулярность макроистории, вполне очевидна и формирует особый «тематический портрет» каждого исследователя в отдельности.

Отдельный аспект проблемного поля базисных регулярностей макроистории представляет вопрос их смены. Переходя к рассмотрению данного вопроса, суть которого сводится к установлению причин, определяющих смену исследовательских акцентов в фиксации стержневых регулярностей, следует отметить, что его решение зависит от нескольких факторов. В первую очередь, необходимо обозначить особую роль ситуаций, содержанием которых является возникающее несоответствие базисной регулярности преобладающим ритмам макроисторической реальности. Подобное несоответствие может возникнуть, например, вследствие: экологических изменений природного и антропогенного характера; расширения или сужения географического ареала обитания субъекта; изменения и усложнения преобладающих форм его деятельности; появления различных инноваций в культуре; развития политической, социальной и других сферы культуры; в случае смены духовных императивов и так далее. Названные обстоятельства, олицетворяющие собой качественные изменения макроисторической реальности, ведут к кризису познавательных способностей субъекта и вынуждают его к поиску новых способов ее интерпретации. Результатами данных поисков является смена акцентов в определении жизненно важных и значимых для субъекта процессов и, соответственно, отражающих их регулярностей. Вследствие подобного рода переключений изменяется степень значимости различных регулярностей, которые из базисных переходят в разряд второстепенных и наоборот. Кроме того, отмеченные ноогенетические несоответствия представляют собой почву для фиксации новых ритмик, определяющих логику макроисторической реальности. В результате переключения с одной стержневой ритмики на другую, вследствие высокого статуса данных компонентов целостных представлений о макроистории, может произойти смена гешталтов, образуемых при высокой роли тех или иных регулярностей.

Подводя итог рассмотрению паттернообразующей роли базисных регулярностей, остается указать на то, что фиксация стержневых ритмик макроисторической реальности хоть и является важным, но все-таки далеко не единственным фактором, влияющим на формирование гешталтов мира-как-истории, и лишь частично раскрывает данный морфогенез. Разумеется, паттернообразующая роль базисных регулярностей очевидна, однако процесс сравнительного изучения концептов мира-как-истории показывает, что на логику их формообразования влияют и другие факторы. В первую очередь, речь идет о наличии глубинных аспектов, определяющих общие тенденции в трактовках макроисторической реальности на уровне сущностных сторон познавательного процесса, в контексте различных состояний адаптивных структур. Соответственно, в следующей главе данному вопросу будет уделено особое внимание.

Глава 8. АДАПТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ МАКРОИСТОРИИ

Переходя к рассмотрению глубинных факторов, оказывающих влияние на морфогенез гештальтов макроистории, необходимо подчеркнуть, что лежащий в основе образования данных гештальтов «предельный» паттерн, обусловленный качественным (или видовым) единообразием процесса познания, проявляет себя во всех концептах макроистории на уровне самой возможности возникновения данного знания. Соответственно, специфику тех или иных гештальтов макроистории по отношению к другим ее гештальтам данный паттерн раскрыть не может.

В результате встает необходимость поиска паттернов организации гештальтов макроистории, которые, с одной стороны, проявляют свое единообразие в данных гештальтах, с другой стороны, позволяют соотносить их друг с другом, тем самым раскрывая специфику целостных макроисторических картин. В данном случае речь идет об очень важном компоненте познавательного процесса, согласно которому познать специфику разнородного материала можно только посредством сравнения его составляющих на основании каких-либо признаков, иначе изучение данного материала не будет иметь смысла и приведет лишь к констатации его богатой феноменологии. Исходя из отмеченного требования, становится очевидным, что паттерны, о которых идет речь, должны проявлять себя как минимум в двух вариациях, поскольку паттерны, проявляющие себя во всех гештальтах в однообразном монотонном режиме, не содержат возможности сравнения разнородного материала.

Изучение данного вопроса показывает, что помимо «предельного» паттерна, основанного на родо-видовом единстве когнитивной деятельности человека, в процессе морфогенеза гештальтов макроистории, так или иначе, проявляет себя множество других паттернов, возникших вследствие действия факторов различной природы и степени значимости. В частности, отмеченные факторы, оказывая либо прямое, либо косвенное влияние на формирование целостных картин макроистории, обеспечивают некоторые аспекты логики образования ноогенетических единств, формируя сходства различных гештальтов макроистории. Иначе говоря, в зависимости от воздействия того или иного фактора на морфогенез целостных картин макроистории, последние начинают проявлять определенное единообразие, обусловленное действием паттернов, лежащих в основе их организации. Многие из отмеченных паттернов имеют вариативный характер и потому представляют возможность для сравнительного изучения макроисторических концептов.

Как следствие, очевидной становится актуальность выявления паттернов организации гештальтов макроистории, имеющих вариативный характер и проявляющих себя в морфогенезе всех без исключения гештальтов на сущностном уровне. В результате на передний план выходит задача, направленная на фиксацию именно тех паттернов, которые не являются отражением неких вторичных и несущественных факторов. В решении отмеченной задачи особый статус принимает вопрос выявления паттернов, которые достаточно

ярко проявляют себя в пространстве гештальтов макроистории, не ограничиваясь их периферическими характеристиками, и, кроме того, отмеченные паттерны должны играть определяющую роль в процессе образования самих гештальтов. Опыт изучения данного вопроса показывает, что наиболее значимые паттерны макроистории должны быть связаны с сущностными характеристиками работы сознания, и, кроме того, данные паттерны должны иметь средовую обусловленность.

Исходя из того, что специфика познавательного процесса во многом определяется природой адаптации, представляется эвристически полезным отследить проявление различных паттернов, лежащих в основе целостных макроисторических преставлений, на фоне сущностных аспектов работы сознания в контексте различных состояний адаптивного процесса. В данном вопросе своеобразным теоретико-методологическим базисом является концепция развития интеллекта Ж. Пиаже. Использование отмеченной концепции для изучения проблемы паттернов организации макроисторических представлений позволяет отследить феномен четырех паттернов, проявляющих себя в процессе познания макроисторической реальности, на основании различных вариантов соотношения ассимиляции и аккомодации в адаптивном процессе.

Среди отмеченных соотношений, рождающих соответствующие паттерны, во-первых, выделяется состояние «равновесия адаптивных структур» (рис. 12), которое выражается в том, что субъект вырабатывает адекватные операциональные группировки или механизмы взаимодействия с реальностью, позволяющие ему синхронизировать свое существование с ее ритмами, иначе говоря, достичь равновесного соотношения ассимиляции и аккомодации. Данное состояние наиболее «желаемо» для любого организма и обеспечивает ему «комфорт» и безопасность.

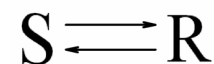

Рис. 12.

Во-вторых, качественным своеобразием характеризуется состояние «роста адаптивных структур» (рис. 13), в котором отмечается опережающий рост ассимиляции по отношению к аккомодации. Данный процесс характеризуется тем, что субъект, создав операциональные группировки высокого адаптивного уровня, постоянно наращивает и совершенствует механизмы взаимодействия со средой, приспособливая ее к своим нуждам.

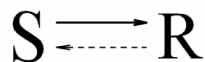

Рис. 13.

В-третьих, противоположным по отношению к предыдущему является состояние «снижения адаптивных структур» (рис. 14), характеризующееся доминантой аккомодивной составляющей. В этом случае интеллектуальные структуры, выработанные субъектом, перестают обеспечивать равновесие, либо рост адаптивных структур и ведут к понижению возможности субъекта синхронизировать свое существование с ритмами внешнего мира.

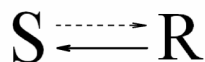

Рис. 14.

И, наконец, в-четвертых, большой интерес представляет состояние «переключения» или перегруппировки интеллектуальных операций в процессе адаптации (рис. 15). Данное состояние можно охарактеризовать как момент выбора подходящей операциональной группировки из уже существующих в опыте субъекта, либо как момент создания новой интеллектуальной структуры, способной обеспечить адаптивный процесс.

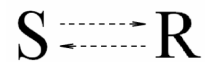

Рис. 15.

Таким образом, отмеченная классификация основных соотношений адаптивных структур субъекта с воздействием средового фактора позволяет констатировать, что *рассмотренные состояния адаптации лежат в основе формирования наиболее общих трактовок культурно-исторической реальности, состоящих из определенных тематических единств, отражающих действие соответствующих паттернов.*

Кроме того, фиксация паттернообразующей роли обозначенных состояний адаптивного процесса, оказывающих существенное влияние на работу сознания, дает возможность выявить некоторые аспекты действия механизма

порождения и актуализации тематических структур, а также раскрывает ряд вопросов, связанных с образованием локальных тематических сопряжений. Так, в зависимости от отмеченных состояний адаптации в сознании субъекта реанимируются соответствующие данным состояниям структурные компоненты, включая устойчивые идеи и их локальные сочетания, и далее происходит объединение отмеченных компонентов в целостные макроисторические концепты, реализующие действие одного из четырех указанных паттернов. Впоследствии данные целостности могут так же, как и другие структуры, проявляться в зависимости от текущего соотношения аккомодивной и ассимилятивной составляющих.

Первый тематический паттерн, формирующийся на основании равновесия адаптивных структур, является самым распространенным, так как его возникновение связано с состоянием адаптации, к которому изначально стремится субъект в процессе взаимодействия с реальностью. Анализируя данную направленность адаптивной активности субъекта, Ж. Пиаже отмечает, что "... интеллект является состоянием равновесия, к которому тяготеют все последовательно расположенные адаптации сенсо-моторного и когнитивного порядка, так же как и все ассимилятивные и аккомодирующие взаимодействия организма со средой".²⁴¹ Данное состояние характеризуется тем, что субъект вырабатывает адаптивные структуры, позволяющие ему вписать свое существование в выявленные регулярности внешнего мира на долгое время, сохраняя при этом сбалансированное соотношение ассимиляции и аккомодации.

Паттерн, отражающий адаптивное равновесие, является основой трактовок культурно-исторического процесса, создаваемых в контексте культур традиционного типа. Кроме того, действие рассматриваемого паттерна распространяется на культуры, сложное и вариативное развитие которых на некоторое время входит в стадию равновесного постоянства, вполне соотносимого с состоянием «гомеостаза».

Среди тематических структур, отражающих понимание времени, в отмеченном паттерне явное предпочтение отдается теме настоящего, так как существующий строй вещей воспринимается субъектом как вечный и неизблемый, уходящий своими корнями в далекое прошлое и полностью определяющий будущее состояние истории. Как следствие, прошлое и будущее в данном паттерне не вызывают особого интереса субъекта в силу того, что процессы, составляющие содержание отмеченных тематических структур, имеют полное тождество с теми процессами, которые субъект фиксирует в настоящем. Кроме того, акцент на настоящее влияет на специфическое понимание параметров начала и конца истории. В частности, исходя из того, что в контексте паттерна равновесия, в первую очередь, предпочтение отдается описанию принципов, лежащих в основе текущего хода времени, нежели его стартовой или финальной фазе, темы начала и конца получают воплощение в сказочных, мифологи-

²⁴¹ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Просвещение, 1969. – С. 69.

ческих и религиозных описаниях чрезвычайно далеких и легендарных событий, не способных оказать серьезное влияние на современность.

Относительно определения пространственных параметров культурно-исторического процесса можно констатировать, что равновесность адаптивных структур ведет к замкнутости и сохранению представлений об историческом пространстве на одном уровне. Основанием для отмеченной пространственной стабилизации является то, что в контексте адаптивного равновесия субъект попросту не испытывает необходимости в расширении, либо сужении пространственных рамок понимания культурно-исторической реальности. Данная тенденция проявляется в стремлении традиционных культур к ограниченности от внешнего мира на фоне собственного величия, самодостаточности и уникальности истории.

В основе базисных регулярностей, выявляемых в контексте паттерна равновесия, лежит четкая и практически неизменная ритмика, с постоянной частотой и амплитудой. Как правило, данная ритмика выявляется посредством фиксации движения космических тел, повторяемости природных процессов, периодичности тех или иных событий. В результате астрономические, климатические и иные регулярности, связанные с образом жизни традиционных культур, становятся основой создаваемых в контексте данного паттерна исторических моделей, ведущую роль среди которых играет циклическая. Интерпретация истории в контексте строгой цикличности мировых процессов ведет к тому, что данные представления распространяются субъектом на весь культурно-исторический процесс в достаточно широком диапазоне, включая далекое прошлое и будущее, суть которых сводится к реализации принципа вечных возвращений, вплоть до бесконечности. Как следствие, культурно-исторический процесс в рассматриваемом паттерне начинает восприниматься субъектом как движение по заданной и постоянной траектории, логика которой выражается в воспроизводстве одних и тех же состояний, фактически лишенных качественных изменений. Кроме того, помимо моделей, отражающих строгую цикличность макроистории, паттерн равновесия вполне допускает использование и других моделей. Например, в моделях, отражающих разовый цикл истории, в паттерне равновесия внимание субъекта фокусируется на среднем периоде, а фазы начала и конца цикла воспринимаются как далекие и потому незначительные. В линейных трактовках макроистории состояния равновесности адаптивных структур отражается в виде четкого ритма определенных и схожих по сути периодов, равномерно сменяющих друг друга.

Смысл истории в паттерне равновесия предстает как изначально созданный высшими и не зависящими от человека силами, как объяснение и оправдание текущего постоянства и неизменности мирового порядка. Данный смысл в некоторой степени подчиняет человека, задавая своеобразные рамки, в которые он должен вписаться как элемент, участвующий в вечном действии указанного смысла. Таким образом, человек реализует высший смысл на своем элементарном уровне, четко следуя его «ритмам». Важную роль в характеристике смысловой сферы рассматриваемого паттерна следует отнести теме веч-

ного возвращения, включая множество ее вариаций, сформировавшихся под влиянием постоянного возобновления одних и тех же состояний культурно-исторического процесса. Внедряясь в смысловую макроистории в качестве основополагающей, идея постоянного возврата к ее исходным состояниям олицетворяет направленность субъекта на устоявшийся традиционный уклад жизни.

Отношение субъекта к культурно-исторической реальности в паттерне равновесия спокойное, смиренное и эмоционально нейтральное, строится данное отношение на основании ее принятия как неизменной. Соответственно, особое значение в изучаемом паттерне приобретают ценности, отражающие стремление человека к сохранению определенного порядка и традиций уже оправдавшего себя строя вещей, представляющего собой гарантию комфорта и безопасного существования; в свою очередь, перемены, переходность и инновации в данном паттерне воспринимаются субъектом негативно. Отмеченная ценностная дихотомия прочно вошла в сознание представителей традиционных культур на глубоком архетипическом уровне. Общий перечень ценностей в конкретно-исторических воплощениях паттерна равновесия может варьироваться достаточно сильно, однако его отличительной чертой является строгая фиксация, четкая иерархичность, неизменность и направленность на сохранение установленного свыше порядка.

Особого внимания в рамках изучения паттерна адаптивного равновесия заслуживают научные работы, авторы которых сосредоточены на описании особенностей восприятия, переживания и осмысления исторической реальности представителями культур традиционного типа. Большой научный интерес в изучаемой области представляют работы М.С. Кагана. Кроме того, в изучении специфики исторического сознания представителей традиционных культур достаточно перспективным выглядит использование работ П.А. Сорокина, Б.А. Успенского, Ю.М. Лотмана, А.С. Ахиезера и многих других авторов.

Следующий паттерн формируется на основании смещения равновесности адаптивного процесса в сторону доминанты ассимиляции по отношению к аккомодации. Возникновение и развитие данного паттерна связано с периодами качественного роста адаптивных структур субъекта, когда последние обеспечивают постоянное совершенствование различных способов взаимодействия субъекта с реальностью. Рассматриваемый паттерн формируется в культурах, которые принято характеризовать как инновационные. В данных культурах намечается тенденция преодоления рамок традиционности и выхода на прогрессивный путь развития. Кроме того, изучаемый паттерн способен проявлять себя в культурах, не принадлежащих по типу к инновационным. В данном случае речь идет о периодах временных прогрессивных сдвигов надбиологических программ, которые могут совершаться во всех культурах. Паттерн роста адаптивных структур занимает ведущее положение в контексте культуры западноевропейского типа на протяжении практически трехсот лет. И в настоящее время, частично утратив свои позиции на фоне кризисных

процессов XX века, отмеченный паттерн является достаточно востребованным и прочно укоренившимся в сознании представителей данного типа культуры, а, соответственно, и в современной научной традиции.

В трактовках исторического времени в паттерне роста адаптивных структур присутствует тенденция, согласно которой в данном паттерне происходит общее расширение временного диапазона макроисторической реальности в направлении как прошлого, так и будущего. Однако особую роль в контексте паттерна роста приобретает смысловая направленность макроисторического вектора в сторону будущего. В свою очередь ретроспективный анализ прошлого в данном паттерне иллюстрирует процесс убывания степени притягательности. Тема настоящего также менее востребована, поскольку в отношении будущих этапов истории она воспринимается как эпизод, иллюстрирующий очередную, но не самую высшую, ступень прогресса. Таким образом, живя в настоящем, субъект направляет вектор своего интереса в более совершенные и далекие эпохи. Данному фактору способствует осознание субъектом постоянного совершенствования своих преобразовательных способностей в ходе истории. В результате проекции данного процесса на будущее, последнее выступает как движение к «золотому веку», как наиболее притягивающее и желательное состояние, к которому стремится субъект. На основании отмеченной тенденции проявляется характерная черта паттерна роста, реализуя которую, многие исследователи, анализируя природу макроисторического процесса, склонны фиксировать его будущие состояния. Например, о «грядущей эпохе», которая даст человечеству "... уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, наконец, действительное совершенствование человека",²⁴² пишет Ж.А. Кондорсе; кроме того, отмеченную проблематику затрагивает И.-Г. Гердер, О. Конт, В.И. Ленин и другие исследователи.

Относительно начала и конца истории можно отметить, что в рассматриваемом паттерне четкую фиксацию имеет тема начала, выступающая как иллюстрация «стартовых» фаз истории, от которых идет ее дальнейший отчет. В свою очередь тема конца не получает ясного выражения, фактически нивелируясь либо бесконечностью процесса дальнейшего совершенствования, либо воплощаясь в неких, имеющих ярко выраженный утопический характер проектах будущего, обещающих всеобщее счастье и «рай на земле».

Пространство в паттерне роста адаптивных структур, как и хронологические рамки исторического времени, имеет четкую тенденцию к прогрессирующему расширению «расстояний». Данное обстоятельство фиксирует Ж. Пиаже в качестве неперемного атрибута увеличения познавательной ак-

тивности субъекта вследствие совершенствования его операциональных группировок.²⁴³

В сфере интерпретации базисных регулярностей макроистории, в контексте паттерна роста, особую популярность приобретает тема прогресса. Данная тема оказывает серьезное влияние на весь спектр фиксируемых субъектом регулярностей. Так, в контексте циклических моделей культурно-исторического процесса в рассматриваемом паттерне наблюдается уход от строгой цикличности. В контексте моделей разового жизненного цикла истории ситуация роста адаптивных структур ведет к сосредоточению внимания познающего субъекта на процессе становления и развития, а будущий упадок и финал воспринимаются как гипотетические и крайне далекие, и потому не заслуживающие внимания. Однако наиболее типичное выражение представления о модели истории в рассматриваемом паттерне получают в контексте ее линейных версий. Как следствие, отражая процесс совершенствования адаптивных структур, отмеченные модели дополняются переменными в виде меняющегося темпа дискретных последовательностей, а также показателей уровня качественного роста.

Смысловая составляющая паттерна роста адаптивных структур в качестве ключевого элемента содержит самого человека. Смысл в данном паттерне не только не подавляет субъекта, но и реализуется посредством его творческой активности. Причиной этого является то, что динамика положительных изменений адаптивных структур приводит субъекта к осознанию своего глубокого творческого потенциала и серьезных возможностей по преобразованию окружающей действительности. На этом основании субъект отводит себе роль главного исполнителя смысла истории, содержащего, в свою очередь, идею его прославления в качестве основной.

В контексте паттерна роста субъект, испытывая на то серьезные основания, формулирует свое отношение к реальности как к средству достижения собственных целей. Данная тенденция выражается в стремлении субъекта к инновациям и переменам, лежащим в основе постоянного совершенствования его образа жизни. В результате направленность на прогресс и перемены становится базисной ценностью в рамках данного паттерна. Отсюда формируется особая установка смысловосферы макроистории, согласно которой субъект обязан развиваться и стремиться к преобразованию окружающего мира. Все неизменное и пребывающее в стагнации воспринимается субъектом как неполноценное и не имеющее значения.

Наибольшей или финальной ценностью в паттерне роста становится сам субъект, поскольку именно с его творческими и преобразовательными способностями связываются все успехи в раскрытии и реализации смысловой направленности культурно-исторического процесса. Однако перечень инструментальных ценностей в данном паттерне достаточно изменчив. Это является следствием того, что растущая динамика инновационных процессов и

²⁴² Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Перевод И.А. Шапиро. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – С. 221.

²⁴³ См. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. – М.: Просвещение, 1969. – С. 175-176.

постоянных перемен ведет к периодическому пересмотру «вторичных» аксиологических оснований культуры. Психоэмоциональное отношение субъекта к реальности, формируемое в контексте паттерна роста, можно охарактеризовать как оптимистичное, полное энтузиазма и направленное на выражение его творческих способностей. Высоко оценивая собственные возможности, субъект находится в состоянии романтического предвкушения будущих успехов.

Обращает на себя внимание то, что анализ смысловой составляющей, а также отношения субъекта к макроисторической реальности в рамках паттерна роста достаточно полно соотносится с характеристикой указанных компонентов в культурах ремесленного или личностно-креативного типа, предпринятой М.С. Каганом в его теории становления и развития культуры.²⁴⁴

В основе возникновения следующего паттерна также лежит смещение равновесности адаптивного процесса, выраженное в доминанте аккомодации по отношению к ассимиляции, иначе говоря, данный паттерн формируется вследствие снижения уровня адаптивных структур субъекта по отношению к воздействию средового фактора. Ситуации снижения адаптивных структур могут быть эпизодическими, а так же принимать затяжной характер. Эпизодические моменты снижения адаптивных структур характеризуются кратковременным пробуждением тематических целостностей, составляющих данный паттерн, и сопоставимы с локальными кризисами. В свою очередь, затяжные периоды порождают устойчивое понимание культурно-исторической реальности как олицетворения «заката»,²⁴⁵ «упадка»,²⁴⁶ «вторичного упрощения»,²⁴⁷ «звериного царства»²⁴⁸ и «вырождения».²⁴⁹

Понимание времени в ситуациях снижения адаптивных структур обусловлено тем, что субъект, будучи непосредственно погружен в кризисные или регрессивные процессы, находится в состоянии предвкушения грядущей катастрофы или конца. Как следствие, тема будущего практически не получает выражения и сводится к неминимости скорого финала истории. Тема настоящего в ситуации снижения адаптивных структур не получает яркого выражения, так как кризисная реальность провоцирует уход или «бегство» от современности и будущего в сферу состоявшегося и относительно благополучного прошлого, которое в определенном смысле романтизируется. На

²⁴⁴ См. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. 2-е издание. – СПб.: Петрополис, 2003. – С. 229-280.

²⁴⁵ См. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006. – 800 с.

²⁴⁶ См. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М.: Искусство: ИЧП «Лига», 1994. – Т. 1. – 541 с.; Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное / Переводы, послесл. А. Меня. – М.: Прометей, 1993. – 511 с.

²⁴⁷ См. Леонтьев К.Н. Поздняя осень России: [Сборник]. – М.: Аграф, 2000. – 334 с.

²⁴⁸ См. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. – М.: Республика, 1994. – 432 с.

²⁴⁹ См. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Сварог и К, 1998. – 334 с.

этом фоне субъект ведет активное переосмысление прошлого с целью поиска новых регулярностей, которые позволят объяснить происходящие в современности кризисные процессы. Особое место в рассматриваемом паттерне получает рожденная кризисной реальностью тема грядущего и неминуемого конца истории. В свою очередь, тема начала не получает яркого выражения и преимущественно остается вне поля активных познавательных интересов субъекта.

Относительно понимания макроисторического пространства можно констатировать, что в рассматриваемом паттерне происходит сужение его рамок. Данный процесс обусловлен тем, что субъект, пытаясь найти объяснение кризисным и регрессивным процессам, фокусирует свое внимание на проблемных полях реальности, тем самым отсеивая периферийные области познавательных интересов.

Рисунок моделей истории в паттерне снижения адаптивных структур иллюстрирует движение из далекого прошлого в конечное будущее. В циклических моделях наблюдается снижение частоты и амплитуды ритмов истории, отражающих ход ее угасания – данный процесс получает выражение в так называемой сворачивающейся спирали истории. В моделях разового жизненного цикла паттерн снижения адаптивных структур воплощается в акценте на периоде «заката», иначе говоря, постепенного угасания и умирания истории. В линейных моделях паттерн снижения адаптивных структур воплощается посредством изменения дискретности и постепенного угасания параметров высоты.

Смысловая сфера культурно-исторического процесса в ситуации снижения адаптивных структур характеризуется доминантой представлений, согласно которым в реализации смысла человек никакой роли не играет и в лучшем случае находится в состоянии пассивного следования установленной свыше смысловой направленности истории. В данной ситуации субъект склонен описывать культурно-историческую реальность посредством обоснования фатального действия силы рока или стихийного демонического начала, характеризуя смысловую сферу как подавляющую волю и действия субъекта.

Отношение субъекта к макроисторической реальности в контексте снижения адаптивных структур строится под влиянием доминанты упаднических и эсхатологических настроений, выражающихся в предчувствии грядущего финала или катастрофы. На фоне популяризации темы «золотого века» прошлого и апокалиптического будущего, макроисторическая реальность воспринимается субъектом как иллюстрация процесса всеобщей деградации и закономерно наступающей агонии исторического процесса. В более умеренных трактовках истории паттерн снижения адаптивных структур представлен в популяризации пассивного и относительно спокойного принятия неизбежного конца, ожидание которого может быть достаточно долгим.

Описание основных тенденций, иллюстрирующих отношение субъекта к исторической реальности в периоды упадка или кризиса, содержится в работах К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева,

А. Швейцера, С.Л. Франка, П.А. Сорокина, Л.Н. Гумилева, К. Ясперса, В.Е. Багно, В.В. Васильковой, Н.А. Хренова и многих других исследователей. Достаточно серьезный и основательный анализ специфики духовного фона культуры, находящейся в состоянии дряхлеющего кризиса, с подробным описанием господствующих настроений и тенденций духовной жизни общества, вполне сопоставимых с тематическими структурами, содержится в работах Т.Ю. Сидориной²⁵⁰ и Е.А. Сайко,²⁵¹ и, несомненно, полезен в ходе изучения основных компонентов паттерна снижения адаптивных структур.

И, наконец, большой научный интерес представляет паттерн макроисторической реальности, основу которого составляет переключение адаптивных структур субъекта. Теоретико-методологической основой для изучения данного паттерна служат работы представителей философии науки, таких как Т. Кун, И. Лакатос, М. Полани, К. Поппер, В.С. Степин, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Дж. Холтон и др. Время, актуализирующее данный паттерн, вполне сопоставимо с научными революциями в описании Т. Куна, для которых характерна смена гештальта в сознании ученого относительно восприятия и осмысления изучаемого им объекта. Так, во время революций, отмечает автор, "... начинает изменяться нормальная научная традиция, ученый должен научиться заново воспринимать окружающий мир – в некоторых хорошо известных ситуациях он должен научиться видеть новый гештальт. Только после этого мир его исследования будет казаться в отдельных случаях несовместимым с миром, в котором он «жил» до сих пор”.²⁵²

По сути дела, паттерн переключения адаптивных структур находит свое проявление в условиях выбора нового способа интерпретации макроистории на фоне кризиса устаревшего. Предваряет период доминанты паттерна переключения момент исчерпания паттернов роста, равновесия или снижения адаптивных структур, иными словами ситуация, когда отмеченные паттерны оказываются не в состоянии обеспечить адаптивный процесс. В результате в основу паттерна переключения ложится преодоление возникшего кризиса познавательных способностей субъекта, посредством создания нового способа интерпретации макроистории.

Момент переключения характеризуется тем, что в процессе поиска новых способов объяснения макроисторической реальности актуализируется весь прошлый интеллектуальный опыт, накопленный субъектом в данной сфере. Вследствие реанимации отмеченного опыта, субъект начинает одновременное использование различных трактовок макроистории, до тех пор,

²⁵⁰ См. например: Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: Прогнозы русских мыслителей. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 180 с.; Сидорина Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания. – М.: РГГУ, 2002. – 238 с.

²⁵¹ См. например: Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века: [Монография]. – М.: РАГС, 2004. – 144 с.; Сайко Е.А. Образ культуры Серебряного века: культур-диалог, феноменология, риски, эффект напоминания: [Монография]. – М.: Проспект, 2005. – 264 с.

²⁵² Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – С. 152.

пока какая-либо из них не проявит максимум соответствия изменившейся макроисторической реальности. Кроме того, момент переключения характеризует то, что субъект, опираясь на прошлый интеллектуальный опыт, создает новые способы интерпретации культурно-исторического процесса, тем самым развивая и совершенствуя свои ноогенетические структуры. Данная тенденция актуализируется в том случае, если уже имеющиеся способы объяснения макроисторической реальности оказываются не в состоянии удовлетворить познавательные потребности субъекта и обеспечить адаптивный процесс. И как только субъекту удается подобрать соответствующий гештальт и сбалансировать свое существование с культурно-исторической реальностью – наступает исчерпание переключения, что ведет к установлению либо паттерна роста, либо равновесия, либо снижения адаптивных структур.

Характеризуя паттерн, проявляющий себя в макроисторическом знании на фоне переключения адаптивных структур, следует отметить одну особенность, согласно которой данный паттерн не является паттерном в полном смысле этого слова. Суть в том, что паттерны, представляя собой некие системообразующие принципы, находят свое отражение именно в системных образованиях, однако паттерн переключения таковым требованиям в полной мере не соответствует. Как уже было отмечено выше, в моменты переключения адаптивных структур актуализируется весь прошлый интеллектуальный опыт субъекта, накопленный им в сфере постижения макроисторической реальности. В результате активизации данного опыта, в рассматриваемой сфере возникает ситуация одновременного и несистемного соприсутствия всех его компонентов. В данном случае речь идет об образовании, к которому более подходит термин «сумма», нежели «система». Соответственно, говорить о паттерне, реализуемом в суммарном единстве познавательных структур субъекта, можно с некоторой долей условности. Однако, отмеченный «странный» паттерн все же находит свое отражение в макроисторических концептах, создаваемых в периоды ноогенетических переключений, поскольку последние могут затягиваться на годы и даже на десятилетия, формируя некоторое единоеобразие в области познания макроистории.

В первую очередь, реальность, порождающая в сознании субъекта паттерн переключения, предстает для последнего как многообразная, сложная и во многом непонятная. По сути дела, по отношению к отмеченной форме реальности вполне применимо термин историческая «переходность», тогда как по отношению к формам реальности, порождающим паттерны равновесия, роста и снижения адаптивных структур, уместно использование терминов, соответственно, «стабильность», «прогресс» и «упадок». Так, существенной характеристикой переходности является принципиальная непредсказуемость ее процессов, которые дезориентируют человека, лишая его способности адекватно трактовать логику развития исторической реальности. В результате переходность провоцирует высокую познавательную активность со стороны субъекта, направленную на преодоление кризиса его интеллектуальных структур.

В изучаемой сфере ситуация переключения формирует паттерн, для которого характерно одновременное соприкосновение многообразных вариантов решения пространственно-временных параметров культурно-исторического процесса. Одной из тенденций понимания отмеченных параметров является пересмотр строгих временных последовательностей макроистории, ведущий к развалу основ ее хроноструктурного единства. В результате в представлениях об историческом времени происходит смешение прошлого, настоящего и будущего, ведущее к «размыванию» временных границ между эпохами, и образующее из них некое синкретическое целое. Аналогичная ситуация наблюдается и в представлениях об историческом пространстве. Данный пространственно-временной синтез позволяет субъекту использовать множество различных трактовок основных параметров мира-как-истории в ходе поиска новых способов понимания его сущности и специфики.

Особенностью базисных регулярностей культурно-исторического процесса, используемых в контексте паттерна переключения, является их многообразие. Дело в том, что одновременное применение субъектом различных способов выявления макроисторических регулярностей обусловлено неспособностью каждой из них в отдельности удовлетворить его эвристические потребности. Такая тактика выжидания применяется до тех пор, пока какая-либо отдельная регулярность не позволит субъекту дать адекватное объяснение исторической реальности и, соответственно, сформировать долгосрочный прогноз ее развития.

Кроме того, в рамках указанного паттерна находят свое проявление вариативные модели, характерной чертой которых является их сложность и некоторая эклектичность. Данные модели создаются субъектом либо на основании сочетания моделей более простого уровня, либо посредством открытия принципиально новых алгоритмов развития. Популяризация вариативных моделей в контексте рассматриваемого паттерна является следствием того, что субъект, будучи в состоянии ноогенетического переключения, учитывает различные вариации динамики сложной макроисторической реальности, тем самым преодолевая ее упрощенные трактовки. Достигается это посредством включения в вариативную модель специфических ситуаций неопределенности развития, выраженных в своеобразных «точках» макроисторических переходов, исчерпание которых в некоторых случаях невозможно предсказать. Вследствие отмеченных переходов, ритмика макроисторической реальности принципиально изменяется, вплоть до следующей точки перехода. Тем самым, находясь в состоянии интеллектуального поиска, субъект избегает упрощенных трактовок сложной макроисторической реальности. Однако в момент исчерпания переключения, субъект склонен отказываться от сложных эклектичных моделей, и возвращаться к использованию достаточно простых хроноструктурных последовательностей.

Сфера смысла истории в момент переключения характеризуется многообразием, сложностью и непостоянством. По сути дела, субъект реанимирует широкий спектр различных толкований смысла культурно-исторического

процесса, включая самые крайние его трактовки, присутствующие во всех рассмотренных выше паттернах. Отношение субъекта к культурно-исторической реальности в ситуации переключения, как и в случае со смысловой сферой, затрагивает максимально широкий аксиологический диапазон, а также весь спектр сложных и многообразных проявлений его психики.

Таким образом, относительно основных состояний адаптивного процесса можно констатировать наличие четырех паттернов, лежащих в основе познания макроисторической реальности и обладающих характерным для каждого из них устойчивым единством тематических структур, процесс корректировки которых продолжается и в наше время. Данные тематические единства закреплены в сознании познающего субъекта вплоть до архетипического уровня, находят свое отражение во множестве конкретно-исторических проявлений и обладают устойчивой тематической матрицей, реализуемой в каждом конкретном гештальте макроистории (*См. Приложение. Табл. 1*).

Развитие знаний о макроисторической реальности находится под постоянным воздействием рассмотренных тематических паттернов, сменяющих друг друга в зависимости от текущего состояния адаптивных структур субъекта. Данные паттерны являют собой универсальный уровень образования ноогенетических целостностей, и учет их воздействия на макроисторические представления субъекта в тот или иной период познавательного процесса, несомненно, полезен и позволяет пролить свет на глубинные процессы изучаемого ноогенеза. Отмеченный высокий статус адаптивных паттернов выражен в том, что они отражают уровень первичных или изначальных условий, затрагивающих сущностные аспекты работы сознания как составной части адаптивного инструментария человека.

Однако помимо первичных условий, оказывающих влияние на процесс сопряжения ноогенетических целостностей, существует целая группа факторов внешнего или контекстуального уровня, воздействие которых также ощутимо в ходе сравнительного анализа различных трактовок макроисторической реальности. Среди отмеченных факторов наиболее значимым является феномен научных парадигм, создающих специфический «интеллектуальный фон», вследствие влияния которого формируется самостоятельная группа паттернов, определяющих на время господства различных парадигм некоторое единообразие макроисторической проблематики. Соответственно, в следующей главе уместно рассмотреть сущностные стороны парадигмальных паттернов макроистории, а также отследить историческую последовательность, отражающую логику их возникновения, доминирования и угасания.

Приступая к рассмотрению парадигмальных паттернов, лежащих в основе формирования целостных представлений о макроистории, необходимо отметить, что речь идет о воздействии парадигм, господствующих в тот или иной момент развития науки, в контексте которого формируется определенное единообразие макроисторической проблематики, получающее выражение в соответствующем паттерне. Данные паттерны имеют наиболее высокую степень влияния на отмеченное знание, среди паттернов, отражающих воздействие широкого научного контекста.

Однако, как уже было отмечено во второй главе настоящего издания, в случае построения парадигмальной модели развития знания, позволяющей выявить хронологическую последовательность соответствующих паттернов макроистории, перед исследователем встает ряд трудностей. В первую очередь, данные трудности связаны с идентификацией самих парадигм, а именно: с масштабами их фиксации, с решением вопроса их наименования, а также с определением хронологических периодов господства тех или иных парадигм в научном знании. Данные обстоятельства затрудняют применение парадигмального подхода, ввиду того, что решение отмеченных вопросов носит проблематичный характер и выражается во множестве неоднозначных версий парадигмального процесса.

Так, в решении проблемы масштабов фиксации научных парадигм определенные трудности вызывает вопрос определения их статуса относительно дисциплинарного и междисциплинарного уровней, поскольку данные последовательности могут моделироваться как на уровне науки в целом, так и в сферах отраслевого знания. Данная ситуация выражается в том, что исследователи нередко подразумевают под парадигмами как общенаучные достижения, определяющие деятельность ученого сообщества в целом, так и частные дисциплинарные проявления, порой незначительного характера, не оказывающие серьезного влияния на деятельность широкого круга специалистов. В частности, в области макроисторических исследований парадигмальный статус нередко приписывается отдельным частнонаучным макроисторическим концепциям (например, «осевая», «этногенетическая», «формационная» парадигма); либо тем или иным моделям, схемам и алгоритмам исторического развития («циклическая», «линейная», «системная» парадигма); кроме того, статус парадигм присваивается фундаментальным идеям и теориям развития, создаваемых в различных областях знания («эволюционная», «биологизаторская» парадигма). Также в области применения парадигмального подхода существуют трудности, связанные с наименованием парадигм, которые получают свое выражение в одновременном соприсутствии множества их разномасштабных, нередко синонимичных определений, параллельно сосуществующих в современном знании. То же самое можно сказать и об определении хронологических периодов господства парадигм, для фиксации которых применяются как диахронные, так и синхронистические последовательности. Однако относительно названных

обстоятельств, затрудняющих применение парадигмального подхода, остается заключить, что данная ситуация вполне естественна для подобного рода проблем и представляет собой различные версии, если угодно гештальты, решения парадигмальной последовательности науки.

Во избежание отмеченных трудностей представляется уместным отследить парадигмальную модель развития научных представлений о макроистории в контексте общей периодизации истории науки, соотнеся хронологические периоды развития знания с периодами господства различных парадигм, в свою очередь, отождествив наименование парадигм с общепринятыми названиями данных этапов. Однако теория развития науки, применяемая для выявления парадигмальной последовательности, не должна носить лишь историографический характер, отражающий последовательность равных хронологических периодов. В первую очередь, обозначенная теория должна отражать сущностные стороны исторической динамики науки, фиксируя ее качественные изменения в контексте длительных периодов, без строгой привязки к четкой математической ритмике.

Данная теоретико-методологическая установка находит свое решение в концепции В.С. Степина, предложившего достаточно состоятельную периодизацию исторического развития науки постренессансного периода. В частности, рассматривая эволюцию научного познания в эпоху Нового и Новейшего времени, В.С. Степин зафиксировал последовательность, состоящую из трех этапов его исторического развития, «... характеризующих 1) классическую науку (в двух состояниях – додисциплинарную и дисциплинарно-организованную), 2) неклассическую науку, 3) постнеклассическую науку».²⁵³ Данная периодизация имеет следующие хронологические рамки: классическая наука занимает период XVII – к. XIX вв. (включая додисциплинарный период, охватывающий интервал XVII – XVIII вв., и дисциплинарный период, относящийся к XIX веку); неклассическая наука относится ко времени к. XIX – 60-х гг. XX века; постнеклассическая наука охватывает период, начиная с 70-х гг. XX века и до настоящего времени. Отмеченная периодизация отражает наиболее общие тенденции макродинамики науки, выраженные в смене ее качественно-своеобразных состояний, с характерным перечнем исследовательских установок и особенностями научных картин мира.

Таким образом, на основании данной периодизации вполне уместно выстроить парадигмальную модель ноогенеза в сфере познания макроистории. Данная модель реализуется в достаточно ясно фиксируемой последовательности и за малыми исключениями вполне соотносится с основными этапами развития научного знания, в предложенной В.С. Степиным периодизации истории науки. В свою очередь, наименование парадигм соотносится с общепринятыми названиями отмеченных этапов, либо с названиями научных картин мира, господствующих в периоды доминанты тех или иных парадигм.

²⁵³ Степин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: Сб. ст. / Отв. ред. Е.А. Мамчур; РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 1992. – С. 14.

Анализ возможности соотнесения названий парадигм с названиями научных картин мира показывает, что парадигмы и картины мира имеют тесную связь, поскольку генезис знания, воплощаемый в различных парадигмах, ведет к периодической смене облика картин мира. В свою очередь, научные картины мира обеспечивают сцепление всех компонентов бытия субъекта, формируя его познавательные установки, тем самым проявляя парадигмальные тенденции на глобальном уровне. В частности, рассматривая важность статуса картины мира в отношении развития познания, В.С. Степин отмечает: «Картина мира обеспечивает объективированное видение теоретических схем и эмпирических ситуаций потому, что расценивается как выражение подлинной структуры взаимодействий природы, исследуемых в теории и в опыте».²⁵⁴ Исходя из данного соотношения парадигм и научных картин мира, вполне допустимо обозначить равноправное использование названий парадигм, основанных на их соотнесении, либо с наименованиями научных картин мира, либо с названиями исторических этапов развития науки.

В результате последовательность парадигмального процесса, отражающая основные этапы развития знания, предстает как поочередная смена «классической», «неклассической» и «постнеклассической» парадигм (рис. 16). Либо данная последовательность, будучи ориентированная на названия научных картин мира, предстает как смена «механистической», «эволюционной», «системной» и «синергетической» парадигм.

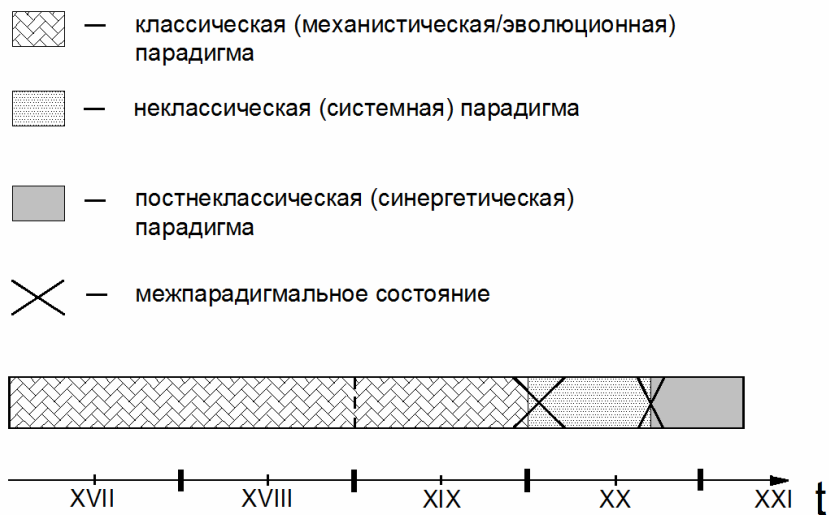

Рис. 16. Парадигмальная последовательность развития знания («t» – хронологическое время).

²⁵⁴ Природа научного познания: Логико-методологический аспект / В.А. Лекторский, В.С. Степин, В.С. Швырев и др.; Ред. кол. М.А. Ельшевич и др. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – С. 199.

Первый этап парадигмального развития макроисторической проблематики ознаменован доминантой классической научной парадигмы, в контексте которой выделяются два периода, реализующих логику усложнения классических наук, а именно – додисциплинарный и дисциплинарный.

В период господства классической парадигмы додисциплинарного периода (XVII – XVIII вв.), вследствие успехов развития научного знания, ставшего единственным источником истинных представлений о мироздании, религиозная картина мира постепенно уступает место механистической, основу которой составили представления, согласно которым все явления эмпирической реальности принципиально познаваемы, и могут быть объяснены с точки зрения действия законов механики, обладавших в то время непревзойденным авторитетом. Отмеченные представления, в первую очередь, базировавшиеся на фундаментальных открытиях, совершенных Ньютоном и Галилеем в естественнонаучной области, послужили отправной точкой в складывании додисциплинарной классической парадигмы. Достаточно емкое определение отмеченной парадигме дал Ф. Капра, согласно мнению которого «Данная парадигма включает в себя ряд глубоко укоренившихся в человеческое сознание идей и ценностей, в числе которых – представление о вселенной как о механической системе, сделанной из простейших составных элементов, представление о человеческом теле как о механизме, представление о жизни в обществе как о борьбе за существование и вера в безграничный материальный прогресс вследствие экономического и технического развития».²⁵⁵

Среди основных характеристик данной парадигмы обращает на себя внимание рост авторитета естественнонаучных исследований, ставших единственным источником истинных знаний, содержащихся в эмпирическом мире. В рассматриваемой парадигме утвердилось мнение, что в мире нет ничего необъяснимого, и что в основе всех процессов лежат устойчивые и переводимые на язык математики законы, открытие которых позволяет понять тайну мироздания. Характеризуя данные тенденции, В.А. Кириллин отмечал, что «... под влиянием успехов естествознания того времени, достигнутых прежде всего в механике при широком использовании математических методов, в науке начала складываться точка зрения, достигшая своего расцвета в первой половине XIX в., согласно которой все явления природы имеют *механическую* основу, все они могут быть объяснены с помощью механики Ньютона, являются следствием *действия простых сил*».²⁵⁶ Одной из ключевых характеристик данной парадигмы стал детерминизм, согласно которому все процессы, происходящие в мире, определены законом и имеют четкую логику развития, строящуюся на цепочках причинно-следственных связей. Иными словами, развитие любого объекта в классическом знании предопределено изначально. Еще одной характеристикой рассматриваемой парадигмы явилось то, что дос-

²⁵⁵ Капра Ф. Наука Леонардо: Мир глазами великого гения / Перев. с англ. А. Никифорова. – М.: София, 2009. – С. 362.

²⁵⁶ Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. – М.: Наука, 1986. – С. 173.

тижения, получаемые в естественнонаучной области, будучи источником истины последней инстанции, переносились на сферу человека, культуры и общества. Как следствие, ученые, изучающие данные аспекты бытия человека, принялись искать в своей предметной сфере точные фундаментальные законы. И, наконец, в контексте рассматриваемой парадигмы утвердилась традиция, согласно которой познать целое и сложное возможно через изучение его отдельных частей, элементов и свойств. А сумма этих знаний проливает свет на весь изучаемый объект. Подобного рода представления о реальности привели к господству аналитического стиля мышления, направленного на изучение отдельных фрагментов мира.

В контексте отмеченного «интеллектуального фона» сложилась особая сфера макроисторических исследований, отражающая воздействие перечисленных характеристик додисциплинарной классической парадигмы на уровне парадигмального паттерна. И хотя макроисторические концепции, созданные в рассматриваемый период развития знания, так или иначе имеют свою специфику и сущностные различия, действие парадигмального паттерна, лежащего в их основе, просматривается достаточно четко и не вызывает сомнений.

В первую очередь, макроисторические теории, созданные в контексте классической парадигмы додисциплинарного периода, отражают стремление их авторов к поиску фундаментальных универсальных законов, лежащих в основе исторического развития государств, культур, народов и человечества в целом. В большинстве своем данные трактовки характеризуются наличием четких периодизаций и необратимых последовательностей, реализующих идею детерминированности макроистории. Логика влияния различных детерминант, в макроисторических концептах додисциплинарного периода, просматривается достаточно ясно и выражается в наличии цепочек причинно-следственных связей, раскрывающих действие довольно простых для понимания движущих сил.

Ярким примером воздействия парадигмального контекста на макроисторические исследования XVII – XVIII вв. является наличие идеи прогресса практически во всех теориях, созданных в рассматриваемое время, и отражающих представление, согласно которому в культурно-историческом процессе есть определенная логика в виде необратимого закона поэтапного развития и совершенствования человечества. На этом основании, в создаваемых теориях наметилась тенденция ослабления статуса циклических моделей истории, характерных для средневековой картины мира, и обозначился рост популярности ее линейных трактовок, реализующих идею поступательного макроисторического развития через закономерную смену определенных качественных состояний. Однако, идея прогресса получила выражение не только в линейных версиях макроистории, найдя свое отражение в большинстве моделей и схем, применяемых исследователями в данный период.

Вследствие распространения идеи прогресса, в эпоху господства механистической парадигмы утвердились смысловые доминанты макроистории, став-

шие основой ее понимания как процесса постепенной реализации творческих возможностей человека. Аксиологические основания макроисторической реальности в рассматриваемом паттерне получили выражение в акценте на инновации и перемены, реализуемые преобразовательной активностью человека. Соответственно, идейный вектор истории воплотился в явной направленности на будущее, которое предстало как воплощение роста человеческих способностей. Пространственно-временные рамки макроисторического процесса в данном паттерне получили общую тенденцию к расширению. Отношение к макроисторической реальности в додисциплинарном паттерне выразилось в ее полном принятии и предвкушении будущих успехов человека развитых культур.

Следующим этапом развития классической парадигмы является дисциплинарный период, охватывающий весь XIX век. В первую очередь, в анализе данного периода обращает на себя внимание то, что его эвристические установки не противоречат научным постулатам додисциплинарного времени, обеспечивая эволюционную преемственность между основными этапами генезиса классической парадигмы. Соответственно, рассмотренные выше парадигмальные установки XVII – XVIII веков находят свое логическое продолжение в научном знании XIX века, подвергаясь достраиванию и совершенствованию. Отмеченная генетическая взаимосвязь проявляет существенную особенность парадигмального процесса в целом; согласно этой особенности *не только внутрипарадигмальные изменения характеризуются преемственностью, но и изменения, связанные со сменой самих парадигм.*

Так, в дисциплинарный период классическая парадигма в качестве своего основного содержания сохранила направленность на абсолютную познаваемость мира и его детерминированность законами, переводимыми на язык математики. Кроме того, в XIX веке продолжила свое существование идея прогресса как основы мирового развития. Также сохранилась тенденция господства аналитического стиля мышления, направленного на «расщепление» познаваемой реальности и ее фрагментарное изучение. Статус источника истины последней инстанции по-прежнему оставался за естественными науками.

Однако специфической чертой в развитии классической парадигмы рассматриваемого периода явилось усложнение представлений о мире и протекающих в нем процессах, повлекшее смену механистической картины мира на эволюционную. При сохранении общей направленности мировых процессов на прогресс, их интерпретация в контексте различных дисциплин стала носить более сложный, глубокий и малопонятный для неспециалиста характер. Одним из факторов, лежащих в основе данного усложнения представлений о мире, явился процесс растущей дифференциации и дисциплинарного оформления знания, получивший свое выражение в формировании двух противоречивых тенденций. С одной стороны, развитие отраслевого знания привело к росту науки, поскольку в контексте различных дисциплин, направивших «умственную энергию» ученых в определенное «русло», были сделаны значительные успехи. С другой стороны, фрагментарное познание мира зало-

жило дисциплинарную ограниченность научного сообщества и послужило основой его узкопредметной разобщенности.

В результате действия отмеченных характеристик классической парадигмы, в сфере макроисторических исследований XIX столетия сформировался соответствующий парадигмальный паттерн. В первую очередь данный паттерн воплотился в теориях развития человечества, реализующих идею его поступательного развития, однако с учетом сложных дисциплинарных трактовок отмеченного процесса. По сути дела, в большинстве макроисторических теорий данного времени сохраняется достаточно простая основа, выраженная в констатации нескольких, логически следующих друг за другом ступеней прогрессивного развития. И, тем не менее, данные версии истории не являются простым воплощением идеи прогресса, представляя собой серьезный научный анализ макроисторической реальности, сопровождаемый умелым подбором аргументов, глубинным анализом процессов, составляющих содержание истории, созданием исчерпывающих для своего времени исторических моделей, типологий и классификаций. Кроме того, в макроисторических теориях, созданных в рассматриваемом парадигмальном контексте, обнаруживаются следы влияния наук, имеющих высокий парадигмальный статус и оказывающих прямое воздействие на другие дисциплины. В первую очередь, в данном вопросе обращает на себя внимание высокий статус наук о живых организмах и растениях, так как открытия в данной области знания, совершенные в рассматриваемый период, послужили естественнонаучной основой для построения многих макроисторических концепций, в основе которых нашли отражение идеи эволюционизма. Также, своеобразной почвой для фиксации аналогий с историей человечества стали достижения таких наук, как физика (включая весь спектр ее узкодисциплинарных проявлений), астрономия, экономика и некоторых других наук.

Постулаты классической парадигмы оказались достаточно устойчивыми, и, пережив несколько этапов развития знания, довольно ярко проявляют себя и в настоящее время. На уровне паттернализации макроисторических исследований отмеченные тенденции проявляются в эвристических установках, направленных на выявление неких законов развития, в первую очередь, открытых в области естественных наук и служащих прямыми аналогиями исторического процесса. Данные законы, при всей их сложности и вариативности, ложатся в основу научных трактовок поступательного развития и совершенствования человечества, раскрывая логику макроистории посредством анализа ее движущих сил, формы динамики и причинно-следственной обусловленности.

Содержание очередного этапа парадигмального развития знания составляет период смены парадигм. Включение межпарадигмального пространства в анализ парадигмальных последовательностей, в первую очередь, направлено на преодоление одностороннего подхода, господствующего в изучении данных феноменов ноогенеза. Дело в том, что традиционно развитие научных представлений о макроистории рассматривается в контексте пооче-

редного доминирования парадигм, дающих стабильное понимание сущности и специфики культурно-исторического процесса. Однако, помимо парадигмальных этапов, являющих собой познавательное единообразие в трактовках макроистории, существуют моменты смены ноогенетических доминант. Указанные межпарадигмальные состояния, несмотря на их относительную краткосрочность, характеризуются появлением множества трактовок макроисторической реальности, формируемых под воздействием качественного своеобразия ситуаций смены парадигм и соответствующих межпарадигмальных паттернов.

Отмеченный фактор позволяет говорить об особом эвристическом потенциале названных периодов, изучение которого позволяет пролить свет на многие аспекты, лежащие в основе развития знаний о макроистории в межпарадигмальном пространстве. Соответственно, анализ особенностей и типологического своеобразия отмеченных этапов, включая ноогенетические паттерны, характерные для данных периодов развития знания, является достаточно востребованным. Суть в том, что исследование общего интеллектуального фона, возникающего в контексте смены парадигм, позволяет не только точно определять данные периоды в развитии знания, но и адекватно оценивать существующие в его рамках познавательные стратегии, практики и паттерны, иначе говоря – воспринимать научные тексты с учетом специфического контекста межпарадигмального времени.

Ситуации смены парадигм, именуемые в терминологии Т. Куна «научными революциями», представляют собой некоторую протяженность, временные рамки которой варьируются довольно сильно. С одной стороны, революции могут протекать достаточно быстро и малозаметно, а, с другой стороны, данные этапы развития науки могут растягиваться на длительные временные отрезки, как в случае с рассматриваемым периодом. Так, в конце XIX века обозначился кризис классического знания и, соответственно, постулатов классической парадигмы. Симптомы данного кризиса стали проявлять себя несколько раньше, уже в последней трети XIX столетия, однако на рубеже веков кризис достиг абсолютного выражения, ввергнув научное сообщество в «парадигмальный вакуум» на несколько десятилетий. В результате поисков новой научной рациональности, были сформированы парадигмальные установки неклассического знания, принявшие концептуальную форму лишь к сороковым годам XX столетия.

В рамках данного вопроса уместно сделать акцент на то, что в предложенной В.С. Степиным периодизации развития науки хронологические рамки неклассического периода включают конец XIX – 60-е годы XX столетия. Однако, ввиду того, что отмеченный период истории знания является достаточно неоднородным, представляется уместным выделить в его контексте две фазы. Первая фаза охватывает конец XIX – первые десятилетия XX века и олицетворяет процесс смены классической парадигмы на неклассическую, включая рост, апогей и спад парадигмальной дезорганизованности. Вторая фаза характеризуется окончательным оформлением парадигмальных устано-

вок неклассического знания и включает 40-е – 60-е годы XX столетия (верхняя граница отмеченного периода не имеет ясного выражения и в некоторой степени распространяется на 70-е годы). Таким образом, в настоящем разделе речь идет о специфическом межпарадигмальном этапе, содержанием которого стал переход от классической научной рациональности к неклассической.

Межпарадигмальные этапы представляют собой своеобразные ситуации ноогенетической «переходности» и в системно-синергетическом видении предстают как решающие периоды, содержащие куммулятив, обеспечивающий, по мнению В.С. Степина, "... перестройку фундаментальных понятий и принципов науки ...",²⁵⁷ для ее дальнейшего развития. В первую очередь, отмеченные периоды характеризуются отсутствием ясных и однозначных научных интерпретаций устройства мира. Данная ситуация является следствием того, что ввиду определенных изменений некоторая парадигма, которая обеспечивала устойчивое понимание мировых процессов, утратив свою актуальность и востребованность, была отвергнута субъектом. В свою очередь, новая парадигма, призванная занять ее место и дать изменившемуся миру адекватное объяснение, еще не сформировалась. По этой причине в межпарадигмальные периоды развития знания не наблюдается «фонового воздействия» со стороны какой-либо парадигмы, или научной традиции. Как следствие, в данное время актуализируется весь ноогенетический запас науки с целью построения новой парадигмы, позволяющей ученым адекватно воспринимать изменившийся мир. И как только научному сообществу удастся сформировать такую парадигму, межпарадигмальный этап исчерпывается.

Анализируя состояния смены парадигм, обусловленные в работах Т. Куна революционным отрицанием прошлых комплексов знаний, важно подчеркнуть, что в контексте рассматриваемого масштаба парадигмального процесса данные ситуации выглядят несколько мягче, ибо основные постулаты прошлых парадигм, «растворившись» на время в межпарадигмальном пространстве, переходят в последующие парадигмы, разумеется, изменяясь, достраиваясь, совершенствуясь, и утрачиваясь лишь фрагментарно. По сути, в обозначении общей логики данного процесса, речь идет о вхождении потенциала уходящей в прошлое парадигмы, в новую парадигму на правах решения задач частного уровня. Характеризуя отмеченную преемственность между основными этапами развития знания, В.С. Степин отмечает, что "Каждый новый тип научной рациональности формирует свойственную ему "сетку" идеалов и норм, которая позволяет выделить в мире и исследовать соответствующие типы системных объектов. При этом возникновение нового типа рациональности и нового образца науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый новый этап приводит к исчезновению норм предшествующего этапа. Напротив, между ними существует преемственность. Неклас-

²⁵⁷ Степин В.С. Научные революции как «точки» бифуркации в развитии знания // Научные революции в динамике культуры / В.С. Степин, И.Т. Фролов, В.А. Лекторский и др. – Минск: изд-во «Университетское», 1987. – С. 39.

сическая наука вовсе не уничтожила норм классической рациональности, а только ограничила сферу их действия".²⁵⁸

Приступая к общей характеристике межпарадигмального пространства в изучаемом ноогенезе, следует сразу остановиться на том, что в данные периоды возникает острое несоответствие существующих в арсенале субъекта научных трактовок макроисторической реальности ее феноменологическому облику. Как следствие, реальность истории как бы «ускользает» из поля зрения субъекта, вынужденного перебирать различные варианты «исследовательской оптики» в поисках ее общих контуров, иначе говоря, настраивать свои ноогенетические структуры на поиск новых объяснений сущности и предназначения истории. Отмеченная ситуация вводит субъекта в состояние дезориентации, и в целом представляет собой кризис его познавательных способностей. Относительно характеристики данной ситуации необходимо отметить, что кризис познания макроисторической реальности, как правило, происходит на фоне более общих кризисных процессов, содержанием которых являются качественные изменения окружающего мира, к которым субъект оказывается не вполне готов. Соответственно, находясь в кризисной исторической реальности и, при этом испытывая кризис познавательных способностей, субъект попадает в сложную ситуацию, угрожающую его способности синхронизировать ритмы собственной жизненной активности со средой.

Если рассматривать межпарадигмальное пространство в познании макроистории на предметном уровне, то вполне очевидным становится ряд характеристик указанных состояний ноогенеза, составляющих основу соответствующих межпарадигмальных паттернов. В частности, как уже было отмечено выше, моменты «революционной» смены парадигм сопровождаются отсутствием парадигмальных рамок в познании исторической реальности. Однако, в отношении характеристики отмеченных периодов речь идет не только об отсутствии рамок сугубо научного уровня; как правило, межпарадигмальные этапы сопровождаются освобождением знания от ограничений, традиционно довлеющих над исторической наукой со стороны религии, образования, а также политической и идеологической сфер. Отмеченная ситуация, выраженная в ослаблении внешнего ценза, инициирует глобальный пересмотр основ истории, включая ее макроуровень. Данный пересмотр сопровождается ростом параметров свободы творчества и характеризуется высоким уровнем ноогенетического плюрализма. Как следствие, научные изыскания в области постижения макроистории в периоды смены парадигм обогащаются оригинальными, нетрадиционными и нередко достаточно спорными трактовками. Кроме того, в данный период активизируются познавательные стратегии, существовавшие в контексте всех предыдущих парадигм. И если какой-либо гештальт макроистории, созданный на прошлых этапах развития знания, обнаружит соответствие с макроисторической реальностью, реанимировавшей

²⁵⁸ Степин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: Сб. ст. / Отв. ред. Е.А. Мамчур; РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 1992. – С. 15.

его, то вполне вероятно, что данный гештальт вновь обретет статус доминирующего способа понимания макроистории, исчерпав при этом межпарадигмальный период.

Другой характеристикой изучаемых состояний ноогенеза является то, что межпарадигмальные этапы характеризуются отсутствием четких параметров для верификации знания о макроистории. Данная ситуация рождает простор для применения любых познавательных практик, иначе говоря ведет к «анархизму» в ее познании. Одним из симптомов указанной тенденции является распространение лженаучных концепций истории, содержанием которых являются различные исторические спекуляции и подтасовки, вплоть до «научного волонтаризма». Данные «версии истории» устойчиво сосуществуют на протяжении всего межпарадигмального периода, вплоть до их разоблачения в контексте последующей парадигмы. Однако отмеченная ситуация раскрепощения познавательного ценза нередко ведет к рождению достаточно состоятельных трактовок макроистории.

Учитывая особый статус межпарадигмальных состояний в развитии знания о макроистории, а также малую степень изученности соответствующих данным состояниям ноогенеза паттернов, представляется уместным осуществить более детальное рассмотрение основных составляющих макроисторического знания, лежащих в основе морфогенеза целостных макроисторических концептов, создаваемых в межпарадигмальные периоды. Начать следует с характеристики пространственно-временных параметров отмеченного паттерна. Так, в отношении восприятия исторического пространства в рассматриваемые периоды отмечается тенденция к уменьшению фактора его предельности. Иначе говоря, историческое пространство лишается четких границ, которые в периоды господства парадигм имеют ясную фиксацию и, как правило, соответствуют объему пространственных взаимодействий субъекта со средой. В результате возникает своеобразное противоречие, согласно которому, с одной стороны, пространственные границы макроистории размываются, с другой стороны, субъект склонен к периодическим «фокусировкам» пространства на различных масштабах истории с целью фиксации его предельных оснований. Данная ситуация напоминает действия фотографа, который настраивает диафрагму объектива, пытаясь тем самым уловить интересующий только его кусочек реальности. Как следствие, в контексте макроисторических представлений межпарадигмального времени рождаются различные варианты решения пространственных параметров макроистории, включающие его максимальные трактовки на уровне космоса и нисходящие до уровня исторического пространства отдельных государств, культур и даже общностей. В частности, в макроисторических исследованиях рубежа XIX – XX вв. обозначилось сосуществование нескольких тенденций в решении пространственного вопроса истории. Так, в концепции О. Шпенглера, несмотря на то, что автор фиксирует пространственные параметры мировой истории, вопрос «фокусировки» исторического пространства решается в пользу его трактовки как ареала обитания отдельного «организма культуры». В свою

очередь, в концепции К.Н. Леонтьева «фокусировки» пространственных параметров истории балансируют между «государственными организмами» и «целыми культурными мирами». В теориях Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, А. Швейцера и С.Л. Франка пространство мировой истории фиксируется на уровне развития отдельных государств и культур, а также «культурных комплексов» надгосударственного масштаба.

Относительно трактовок исторического времени в контексте межпарадигмальных этапов развития знания ситуация не менее противоречива. Речь главным образом идет о проблеме определения временных интервалов, лежащих в основе макроисторических процессов. В частности, спектр различных трактовок временных отрезков макроистории на рубеже XIX – XX вв. включал широкий диапазон решений данного вопроса, начиная от А.Л. Чижевского, отмечавшего 12-летние циклы истории, связанные с активностью Солнца, и заканчивая О. Шпенглером, предложившим четкие хронологические рамки жизни культурных организмов (1200 – 1500 лет), включая возрастные стадии их развития. Кроме того, проблема понимания исторического времени в межпарадигмальные периоды характеризуется отсутствием ярко выраженного «вектора» истории, в результате чего, происходит «смещение времен», когда на смену единому линейному вектору времени, устанавливающему четкую хроноструктурную последовательность истории, приходят его синхронистические трактовки. Наиболее показателен в данном аспекте пример О. Шпенглера, осуществившего глубокий синхронистический анализ развития всех культурных организмов, которые ему удалось идентифицировать. Помимо сказанного, ситуация с пониманием исторического времени усугубляется тем, что в контексте межпарадигмальности наблюдается «замедление времени», вызванное событийной насыщенностью данных периодов и высоким уровнем научного интереса к отмеченным состояниям исторической реальности. Данная тенденция представляет собой один из ведущих факторов, которым объясняется серьезный рост числа научных исследований макроистории в контексте смены парадигм.

Большой интерес в анализе межпарадигмальных периодов развития знания о макроистории представляют тенденции, складывающиеся в отношении определения ее базисных регулярностей, подчиняющих себе все остальные исторические пульсации частного уровня. Так, в моменты смены парадигм исследовательское пространство, связанное с определением базисных регулярностей, характеризуется тем, что субъект оказывается не в состоянии однозначно определить ритмики, детерминирующие ход мировой истории; вместо этого перед ним открывается целый спектр потенциально пригодных на эту роль процессов самой различной природы. В результате, отмеченная ситуация ведет к появлению разнообразных трактовок макроистории, реализующих те или иные основания в понимании детерминирующих ее процессов. Довольно ярко названные тенденции проявились на рубеже XIX – XX веков. В концептах макроистории рассматриваемого времени наметилось резкое снижение авторитета линейных моделей, реализующих идею прогрессив-

ного развития. Им на смену пришла растущая популярность циклических версий истории, создаваемых по аналогии с закономерностями жизни живых организмов, астрономическими, политическими и другими циклами. Данные идеи, в первую очередь, отразились в концептах О. Шпенглера, Н.Д. Кондратьева, А.Л. Чижевского и других исследователей. Однако линейные модели продолжили свое существование в данное время, став на фоне кризисных процессов рубежа XIX – XX веков воплощением не только идеи прогресса; помимо названной идеи, линейные концепты макроистории стали отражать ритмики спадов и регресса. Отмеченная тенденция воплотилась в работах А. Швейцера, Ф. Ницше, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева и других авторов.

Особенностью межпарадигмальной смысловосферы макроистории является отсутствие общепринятых смысловых трактовок, лежащих в ее основе. Вместо этого в отмеченной сфере наблюдается одновременное соприкосновение различных смысловых компонент макроисторической реальности. Специфической характеристикой названного смыслового пространства является явное преобладание смыслов, реализующих идею возвышения духовной природы человека. Возможным объяснением данной тенденции является то, что под воздействием кризисных процессов, характерных для межпарадигмальных состояний изучаемого ноогенеза, субъект склонен искать смысловые константы не в меняющемся, малопонятном и потому опасном мире, а в собственной духовной природе. Примерами данного смыслополагания истории на рубеже XIX – XX веков являются теории Е.Н. Трубецкого, А. Швейцера, С.Л. Франка. Другой тенденцией изучаемых периодов развития знания, вызванной познавательной дезориентацией субъекта, является отрицание смысла истории как такового, и признание ее «безыдейности». В частности О. Шпенглер, анализируя данный вопрос, предпочел констатировать именно эту мысль, отмечая, что «... у «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели и у вида бабочек или орхидей».²⁵⁹ Следующей тенденцией является то, что в контексте смены парадигм находят свое проявление смыслы, отражающие фатальное действие сил, имеющих происхождение извне и не связанных с реализацией каких-либо предначертаний человека. Главная черта отмеченных смыслов – это то, что человек, не имея решающего влияния на ход мировой истории, во многом пассивно реализует ее «фатум». Еще одной специфической характеристикой, наблюдаемой в сфере смыслополагания истории на фоне смены парадигм, является констатация тенденций регресса, как в мировых процессах, так и в природе самого человека. Отмеченная традиция нашла отражение в работах Ф. Ницше, Й. Хейзинги²⁶⁰ и Х. Ортега-и-Гассета.²⁶¹ В частности, Ф. Ницше в

работе «Антихристианин» по данному поводу отмечал, что «Человечество *не* развивается в направлении лучшего, высшего, более сильного – в том смысле, как думают сегодня. «Прогресс» – это просто современная, то есть ложная идея. Европейец наших дней по своей ценности несравненно ниже европейца Ренессанса; поступательное развитие отнюдь не влечет за собой непременно возрастания ...».²⁶² И лишь немногие теории в межпарадигмальном пространстве реализуют смысловую направленность истории, отражающую идеи прогресса, связанного с преобразовательной деятельностью человека. На рубеже веков названная смысловая составляющая нашла отражение в работах Н.А. Бердяева, характеризовавшего даже упадки культуры как моменты, ведущие к ее последующему росту.

И, наконец, последний параметр познавательного процесса затрагивает отношение субъекта к макроисторической реальности и включает в межпарадигмальном пространстве богатую палитру личностных оценок истории. В итоге, спектр различных вариаций, отражающих сложный мир переживаний, возникающих в сознании субъекта относительно макроисторической реальности, достигает апогея своего многообразия. Однако существенной стороной рассматриваемых периодов является фоновое влияние архетипических реакций, вызванных неспособностью субъекта адекватно оценивать реальность. В первую очередь речь идет о реанимации укорененных глубоко в сознании человека страхов различной природы, провоцирующих распространение пессимистических и упаднических настроений, сопровождаемых ожиданием неминуемой катастрофы. Более того, в состоянии познавательной дезориентации субъект склоняется к восприятию исторической реальности сквозь призму архаичных форм мышления вплоть до ее полной мистификации и толкования в контексте определяющей роли хаотичных и инфернальных стихий. В результате действия данных реакций сознания историческая реальность предстает как лишенная логики фантазмагория, не только подавляющая человека, но и угрожающая ему. Данные тенденции, достаточно ярко разворачиваясь в обществе, несомненно, накладывают некоторый отпечаток и на деятельность ученых, формируя две противоположные позиции, согласно которым субъект либо принимает историческую реальность такой, какая она есть, либо стремится к преодолению ее «фатумных» сторон. В работах рассматриваемого периода первая позиция, находит свое отражение в трудах К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Е.Н. Трубецкого, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассета, соответственно, вторая позиция – в теориях Н.А. Бердяева, А. Швейцера и С.Л. Франка.

Таким образом, анализ межпарадигмальных периодов в познании макроистории показывает, что отмеченные этапы ноогенеза обладают рядом ка-

²⁵⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006. – С. 183.

²⁶⁰ См. Хейзинга Й. Homo Ludens (человек играющий) / Пер. с нидерл., прим. В.В. Отиса. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 338 с.

²⁶¹ См. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: [сб.: пер. с исп. С.Л. Воробьевой, А.Б. Матвеева]. – М.: АСТ, 2008. – 189 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. С.Л. Воробьева, А.М. Гелескул и др. – М.: АСТ, 2002. – 509 с.

²⁶² Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов: [Сборник] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.; Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. – М.: Политиздат, 1989. – С. 20.

чественных характеристик, формирующих особый интеллектуальный паттерн, непосредственно влияющий на создание авторских трактовок культурно-исторического процесса. В завершении рассмотрения характеристик межпарадигмального паттерна, следует отдельно отметить, что данный паттерн имеет высокую степень соответствия основным параметрам паттерна «адаптивных переключений», анализ которых был осуществлен в предыдущей главе.

В результате, пройдя через достаточно протяженный период поиска новых объяснений исторической реальности на рубеже веков, макроисторическая проблематика пришла к своему единообразию в контексте следующей парадигмы.

К сороковым годам XX столетия неклассическая парадигма окончательно оформляется и получает свое абсолютное выражение. Качественной характеристикой данной парадигмы явилось коренное изменение восприятия мира, а также окончательное преодоление тенденций его фрагментарного изучения, господствовавших в классическом знании. Как следствие, в отмеченный период развития науки приоритет закрепляется за синтетическими формами мышления, направленного на комплексное изучение сложных объектов и процессов, составляющих содержание познаваемой реальности. В результате, в различных областях науки наметились черты преодоления ее отраслевой ограниченности с последующим выходом на уровень междисциплинарного осмысления объектов различной природы. В контексте отмеченных тенденций окончательное оформление получила системная картина мира, основу которой составили фундаментальные теории, раскрывающие природу системных объектов, а также вопросы, связанные с их генезисом. Общим явлением для исследований рассматриваемого периода явился поиск законов и алгоритмов, лежащих в основе становления и функционирования системных объектов, изучение которых предполагало сложный анализ множества явных и скрытых процессов в контексте весомого числа переменных. Кроме того, в трактовках закономерностей, лежащих в основе динамики систем, обозначились тенденции ослабления сценариев, реализующих идею их поступательного развития. Место данной идеи в рассматриваемой парадигме заняли более сложные трактовки генезиса систем, допускающие его вариативные формы.

Однако при всей сложности отмеченных исследований в их основе достаточно ясно просматривается связь с парадигмальными установками классического знания, выраженных: в понимании реальности как детерминированной и принципиально познаваемой; в направленности на поиск четких законов развития; а также, в пренебрежении случайными и непредсказуемыми процессами. По сути дела, неклассическое знание явило собой определенную степень усложнения и достраивания постулатов классической парадигмы с учетом изменившегося понимания реальности, сохраняя при этом направленность на поиск детерминаций сложной системной реальности.

В области построения макроисторических концепций влияние системной парадигмы проявило себя достаточно ярко, сформировав соответствующий парадигмальный паттерн. Так, в рассматриваемый период обозначилась

направленность ученых на создание сложных трактовок макроисторической реальности, основанных на комплексном анализе различных процессов, отражающих общую логику развития макроисторических систем. Существенной чертой отмеченных исследований явилось усложнение и обогащение представлений о пространственно-временных параметрах истории, ее движущих силах, средствах выражения и смысловой направленности. Данные тенденции привели к расширению и углублению предметных рамок макроисторической проблематики посредством включения в ее сферу различных «граней» познаваемой реальности, игнорируемых на протяжении предшествующих периодов развития науки. Модели и алгоритмы развития макроисторических систем, в контексте рассматриваемой парадигмы, содержали самые разные сценарии, начиная от простых линейных и циклических трактовок истории, заканчивая сложными и многовариативными последовательностями культурно-исторического процесса, раскрепощающими его от прямого действия фатальных и упрощенных закономерностей.

В контексте макроисторических концептов, созданных в период господства системной парадигмы, особое внимание уделялось анализу алгоритмов развития исторических систем, которые по своей сути носили абстрактный характер и во многих случаях не провоцировали со стороны исследователей явных исканий смысла макроистории. При таком подходе смысл нередко предстал лишь как воплощение системных принципов развития. Однако данная ситуация в некоторой степени раскрепощала исследователей, оставляя вопрос определения явных смысловых доминант, а также выражения личного отношения к макроисторической реальности на их усмотрение. Отмеченная тенденция сохранилась и в последующей парадигме.

Следующим этапом парадигмального развития макроисторической проблематики является период господства постнеклассической или синергетической парадигмы, берущий свое начало в 70-е годы XX столетия, и доминирующей в научном знании по настоящее время. Приступая к анализу рассматриваемого периода, важно указать на то, что переход от неклассического знания к постнеклассическому не сопровождался «революцией» и будучи обусловлен достаточно тесной взаимосвязью между основными постулатами неклассического и постнеклассического знания, произошел, скорее, эволюционно.

В рамках постнеклассической парадигмы системные представления о мироустройстве обогатились принципиально новыми постулатами, источником которых, в первую очередь, стала синергетика – междисциплинарное исследовательское направление, посвященное изучению генезиса сложных системных объектов. Среди основных достижений синергетики выделяется открытие ряда принципов развития систем, основанных на диалектике упорядоченных и хаотичных состояний. В частности, в синергетическом видении хаос, как воплощение случайных и непредсказуемых процессов, предстал в качестве необходимого звена в развитии системных объектов, посредством которого происходят их комплексные перестройки. Вследствие открытия конструктивной роли хаоса в развитии систем, в контексте рассматриваемой па-

радигмы произошло смещение исследовательского акцента на данные состояния, изначально отрицаемые классическим и неклассическим знанием. В результате, в современном знании хаос обрел статус определяющего и необходимого звена нелинейного генезиса систем, на некоторое время полностью раскрепощающего их развитие от каких-либо детерминаций. Кроме того, синергетика позволила обогатить постнеклассическую парадигму посредством включения в ее структуру целого спектра компонентов, среди которых: различные принципы, связанные с неравновесностью как основой функционирования систем; алгоритмы генезиса систем, включающие сложные нелинейные последовательности; множество закономерностей, отражающих природу внутрисистемных взаимодействий, а также взаимодействий систем со средовым фактором и т.д. Как следствие, в контексте роста популярности синергетики, ее постулаты все сильнее проникают в пространство современной научной картины мира, оказывая серьезное влияние на отраслевое знание.

В области макроисторических исследований отмеченного периода воздействие постнеклассической или синергетической парадигмы наблюдается достаточно ярко, обеспечивая целостность создаваемых в ее контексте макроисторических теорий на уровне парадигмального паттерна. В первую очередь, в данном исследовательском пространстве проявляется тенденция постепенного смещения исследовательских акцентов с изучения последовательностей стабильных состояний макроисторической реальности на ее переходные формы. Дело в том, что переходные состояния макроисторической реальности, аналогичные состояниям хаоса в развитии природных систем, позволяют абсолютно раскрепостить культурно-исторический процесс, путем введения в его динамику ситуаций полифуркационных переходов из одного стабильного состояния в другое, предсказать которое до момента исчерпания переходности не всегда представляется возможным. В результате смещения исследовательского акцента с упорядоченных состояний истории на ее хаотические периоды, наличие синергетической переходности стало непременным атрибутом создаваемых на современном этапе моделей макроисторической динамики. Кроме того, в развитии знания рассматриваемого периода практически во всех макроисторических концептах находят свое отражение и другие принципы синергетики. В частности, помимо включения хаотичных состояний как ключевых компонентов моделей макроистории, многие теории, созданные в период последней трети XX – начале XXI века, реализуют синергетическое понимание специфических характеристик социокультурных систем, таких как высокий уровень их неравновесности, свободы и творчества. Существенной стороной отмеченной тенденции является то, что в некоторых случаях синергетика находит свое отражение даже в тех концепциях макроистории, которые создаются в традиции предыдущих этапов развития науки, по сути, полностью отрицающих постулаты синергетики. Например, многие принципы синергетической переходности воплощаются в макроисторических концепциях, основанных на предзаданных ритмиках макроистории, логика которых заранее предопределена, вплоть до явного обозначения череды сме-

няющих друг друга этапов, что в некотором роде противоречит самой идее хаоса и непредсказуемости синергетического развития. Более того, синергетика проникает даже в линейные и полностью детерминированные модели макроистории. Исходя из данной ситуации, можно вести речь о проявлении «сильных» сторон рассматриваемого паттерна, воздействие которого, так или иначе, проявляется в большинстве создаваемых в постнеклассический период концептов мира-как-истории.

Таким образом, в контексте парадигмальной последовательности развития макроисторической проблематики достаточно ярко просматривается феномен паттернов, обусловленных воздействием научных парадигм и обнаруживающих свое устойчивое проявление в макроисторических концептах, созданных на том или ином этапе развития знания.

Однако помимо рассмотренных в настоящем издании «предельного» паттерна познания макроистории, паттернообразующего статуса базисных регулярностей, адаптивных и парадигмальных паттернов, существуют и другие паттерны, обнаруживающие свое проявление в создании целостных концептов макроисторической реальности. Данное утверждение основывается на том, что факторов, оказывающих влияние на процесс паттернализации идей в макроисторических исследованиях достаточно много, и, соответственно, возможностей фиксировать те или иные паттерны так же много. Как следствие, особый статус в решении проблемы выявления макроисторических паттернов приобретает вопрос идентификации не каких угодно паттернов, отражающих вторичные и незначительные факторы. В первую очередь в данном вопросе необходимо фиксировать паттерны, которые имеют значимый статус и позволяют отслеживать многие закономерности развития знания о макроистории. «Краеугольным камнем» в данном случае будет являться вопрос подбора типоразличительного признака или «идеального типа», который бы максимально соответствовал задачам изучения паттернов, лежащих в основе макроисторических концептов, поскольку, как отмечал создатель метода типологии М. Вебер, «В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается; это – утопия».²⁶³

На этом основании уместно отдельно остановиться на общей проблематике метода типологии как такового. Начать целесообразно с того, что в определенной степени любая, даже самая странная на первый взгляд типология, имеет право на существование, однако лишь некоторые бывают столь удачными, что их принятие научным сообществом обретает всеобщий и безусловный характер. Хрестоматийным примером в рассматриваемом вопросе является наличие множества типологий в химии, начиная от деления элементов на «ядовитые – не ядовитые», «твердые – жидкие – газообразные» вещества и многие другие. Однако типология, предложенная Д.И. Менделеевым, является, безусловно, лучшей с точки зрения подбора типоразличительного крите-

²⁶³ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдовой; Предисл. П.П. Гайденко; Коммент. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 390.

рия и как следствие наиболее эффективна в решении научных задач. К сожалению, приходится констатировать, что в случае с паттернами в области макроисторических исследований подобного рода «исчерпывающей типологии» не существует. В определенной степени, к такой предельной типологии можно отнести рассмотренные в восьмой главе настоящего издания адаптивные паттерны ноогенеза, однако и представленная в настоящей главе парадигмальная последовательность паттернов не менее существенна. В результате, относительно проблемы паттернов макроистории можно обозначить существование нескольких способов построения их типологий, однако ни один из них не доминирует над остальными, чтобы претендовать на безусловное лидерство.

В частности, помимо рассмотренных выше типологий паттернов макроистории, вполне убедительным является их упорядочение по признаку доминирующих моделей макроистории, а именно: циклической, линейной, волновой, разового жизненного цикла, разворачивающейся и сворачивающейся спирали истории, многовариативной, ризомной и др. Отмеченная типология является достаточно оптимальной, так как модели и схемы макроистории, отражая господствующую регулярность на абстрактном уровне, упорядочивают тематические структуры, образуя некий стержень макроисторической картины. Наиболее авторитетное исследование в данной области предпринято П.К. Гречко.

Кроме названной типологии возможно построение и других типологических рядов. Например, достаточно простой и ясной является типология паттернов макроисторической реальности, реанимируемых в периоды исторической «стабильности» и «переходности» (в системно-синергетическом понимании отмеченных периодов истории). Так, историческая стабильность культуры рождает паттерн, имеющий ряд специфических характеристик, а именно: системность строения; устойчивый пространственно-временной диапазон, равный степени взаимодействий человека со средой; четко просматриваемую и достаточно простую базисную регулярность, задающую основной вектор исторического процесса; ясную смысловую направленность истории, включая ее стартовую и финальную фазу; смиренное, либо оптимистическое отношение к происходящим в мире процессам со стороны субъекта. В свою очередь историческая переходность формирует паттерн, характеристикой которого является: фрагментарность и суммарность строения; изменчивый и нестабильный пространственно-временной диапазон, вызванный познавательной дезориентированностью человека в контексте переходных процессов; наличие множества господствующих ритмиков истории, вследствие отсутствия ясно определяемой базисной регулярности; упадническое и пессимистичное отношение к исторической реальности. Отмеченные характеристики паттернов стабильности и переходности имеют архетипическое происхождение, носят ярко выраженный дихотомичный характер и достаточно отчетливо проявляют себя на протяжении всей истории познавательного процесса.

Также фиксация тематических паттернов, лежащих в основе представлений о макроистории, возможна на уровне отдельных культур, так как каждая культура вырабатывает определенные коллективные представления о макроисторической реальности, интегрируя их в картину мира в качестве необходимой компоненты. В результате, сформировавшись на протяжении культуругенеза, макроисторические паттерны различных культур закрепляются во многих сферах «тела культуры», вплоть до ментального уровня и транслируются вместе с культурной идентичностью. Наиболее обстоятельное и авторитетное исследование данного вопроса было предпринято О. Шпенглером, в контексте анализа картин мира представителей различных культур древности, средневековья, Нового и Новейшего времени. В частности, в работе «Закат Европы» содержится целый спектр разнообразных трактовок мира-как-истории глазами египтян, греков, римлян, индусов, китайцев, а также арабов и представителей западноевропейской культуры. Целесообразно подчеркнуть, что как и в случае с локальными «организмами» культуры, подобные изыскания возможны на уровне их комплексов, например: культуры Запада и Востока, Севера и Юга.

Достаточно состоятельным является формирование типологии паттернов, лежащих в основе макроисторических представлений на уровне отдельных этносов. Весомый и до конца не оцененный по достоинству вклад в изучение некоторых вопросов этнических представлений о макроистории внес Л.Н. Гумилев.

Еще одним примером создания типологии паттернов мира-как-истории является их фиксация в различных мифологических комплексах, поскольку практически все известные мифологические комплексы, несмотря на их ненаучное происхождение, так или иначе, отражают целостные макроисторические представления. Помимо мифов, обозначение типологии подобного рода возможно и на уровне анализа макроисторических компонент, содержащихся в мировых религиях. Следует отметить, что процесс выявления целостных представлений о макроистории в мифологических комплексах и мировых религиях требует учета специфики данных стадий развития сознания, однако в целом достаточно прост.

Другим основанием построения типологии паттернов макроисторической реальности является использование авторских концепций, которые, возникнув на уровне сознания отдельного исследователя, обретают серьезный «научный вес». К таким концепциям уместно отнести теории К. Маркса, О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса, Л.Н. Гумилева, М.С. Кагана. Однако данный подход требует некоторой осторожности, обусловленной тем, что авторских концепций, претендующих на создание новых или, по крайней мере, на достраивание существующих паттернов, не так много.

Отмеченный ряд можно продолжать достаточно долго, однако названных оснований вполне достаточно, чтобы обозначить богатый спектр проявлений паттернов макроисторической реальности, изучение которых представляет собой достаточно интересную и перспективную область исследований.

Подводя итог изложению материала, необходимо вернуться к представленной в первой главе настоящего исследования проблеме, касающейся вопросов соотношения исследовательских установок парадигмального и транспарадигмального анализа, относительно изучения генезиса знания о макроистории, так как не только парадигмальный, но и транспарадигмальный анализ, при всех своих преимуществах, имеет и недостатки.

В частности, преимуществом парадигмального подхода является то, что он позволяет строить достаточно простые и ясные ноогенетические последовательности, олицетворяющие поэтапный качественный рост знания. Особенно хорошо данный подход проявляет себя в изучении развития знания в области естественных дисциплин. Тем не менее, в отношении анализа развития знания в гуманитарной сфере применение данного подхода несет ряд упрощений, сводя сложное системное строение ноогенетических процессов к линейным цепочкам парадигм, в лучшем случае, имеющих иерархическое соподчинение. Однако, как правило, в моделях парадигмального развития науки, исследователи отдают предпочтение пониманию парадигмальных последовательностей как «разорванных» и слабосвязанных. Исходя из данного положения, моделирование ноогенеза по принципу роста знания, выраженного в поэтапном и безвозвратном отбрасывании безнадежно устаревших парадигм, выглядит как достаточно простое для понимания, однако слишком упрощенное относительно природы самого ноогенеза. Более того, как уже неоднократно отмечалось, использование парадигмального подхода нередко сопряжено с путаницей в обозначении как самих парадигм, так и хронологическими рамками их доминирования. В свою очередь, транспарадигмальный анализ ноогенетических процессов позволяет уйти от упрощенных, линейных трактовок развития научного знания, открывая перед исследователем целую «палитру» сложных и многоуровневых процессов, выраженных в причудливых сочетаниях транспарадигмальных структур различного порядка и степени сложности. Однако при таком подходе исследователь рискует «утонуть» в постоянном перебирании принципиально несравнимых гештальтов и сложных сплетений устойчивых идей, во имя фиксации их многообразия и слабой соотносимости друг с другом. Кроме того, следует подчеркнуть, что процесс развития знания в изучаемой области представляет собой несколько более сложное явление, нежели постоянное «вращение» вокруг одних и тех же идейных первооснов. Еще одним недостатком транспарадигмального анализа является то, что отмеченный подход не дает ясного ответа на вопросы – «Как сравнивать то, что, по сути, несравнимо, а предпочитается и параллельно существует? Какой познавательный смысл имеет фиксация многообразия ноогенетических структур и как при таком подходе «измерять» факторы роста знания?». В данном случае создается опасность скатиться в сферу научного анархизма, где практически любой, даже самый абсурдный, способ объяснения макроистории будет учитываться и считаться по-своему «истинным».

Таким образом, каждый из отмеченных подходов при всех своих преимуществах имеет и некоторые ограничения, позволяющие фиксировать

лишь часть процессов, в своей совокупности не отражающих исчерпывающей картины изучаемого ноогенеза. Названные обстоятельства делают необходимым соотношение наработок в области транспарадигмальных исследований с парадигмальным анализом в рамках одного подхода, который уместно назвать структурно-парадигмальным или парадигмально-тематическим. Данный теоретико-методологический синтез дает возможность смягчить слабые стороны указанных подходов за счет слияния их эвристического потенциала.

В первую очередь, отмеченный синтез позволяет отслеживать многомерное развитие транспарадигмальных структур изучаемого ноогенеза, соотнося их с линейной моделью роста науки, поскольку, как было показано в настоящей главе, «интеллектуальный фон» научных парадигм оказывает вполне отчетливое влияние на существующие ноогенетические структуры, определенным образом упорядочивая и совершенствуя их. С другой стороны в контексте обозначенного подхода сохраняется внутренняя сложность изучаемого ноогенеза, выраженная в многомерном соразвитии его транспарадигмальных структур. Соответственно, совместное применение парадигмального и транспарадигмального подходов, а также их дальнейшее теоретико-методологическое совершенствование, будучи эвристически оправданным и перспективным, позволит смягчить многие противоречия, возникающие в ходе изучения процесса познания макроистории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая рассмотрение основных тенденций и общей логики развития знания в области постижения макроистории, следует отметить, что результатом комплексного осмысления отмеченной проблематики явилось создание целостной ноогенетической концепции, суть которой раскрывается в нескольких ключевых положениях.

Во-первых, процесс развития знания о макроистории, при всей своей сложности, неоднородности и некоторой разобщенности, представляет собой целостный и состоявшийся ноогенез, обладающий рядом специфических характеристик. Во-вторых, знание о макроисторической реальности развивается в виде нелинейной модели, выражаясь во множестве параллельно сосуществующих гештальтов, реализующих общую логику отражения мира-как-истории в сознании субъекта. В-третьих, процесс «гештальтизации» макроисторической реальности имеет достаточно выраженную субъективную сторону и направлен, в первую очередь, на гармонизацию взаимодействий человека с миром. В-четвертых, развитие отмеченного знания на уровне целостных ноогенетических концептов является обязательной частью картины мира, и входит в ее состав в виде «макроисторической компоненты». В-пятых, фактор роста данного знания выражен в накоплении и совершенствовании различных способов объяснения макроисторической реальности, при высокой роли возвратов к ноогенетическому опыту прошлого. Данные возвраты обусловлены особенностями процесса адаптации, а именно стремлением субъекта синхронизировать собственные жизненные ритмики с ритмиками вмещающей среды. И если те или иные способы концептуализации макроисторической реальности справляются с этой задачей, субъект будет проявлять склонность к их использованию, независимо от того, в какой период истории знания они были созданы. В-шестых, в основе развития знания о макроисторической реальности находит свое проявление целый спектр разноуровневых транспарадигмальных компонентов, изменчивая комбинаторика которых обеспечивает формирование целостных картин макроистории. Данные структурные компоненты ноогенеза получают выражение в виде устойчивых идей, их локальных сопряжений, вплоть до уровня самих гештальтов мира-как-истории. В-седьмых, процесс изучения данных ноогенетических структур позволил обнаружить паттерны организации, обеспечивающие сцепление транспарадигмальных структур всех уровней в системные единства. Основным паттерном, который проявляется во всех ноогенетических концептах макроисторической реальности, является «предельный» паттерн, обусловленный сущностными характеристиками сознания и познаваемой реальности. Кроме того, достаточно высоким формообразующим статусом обладают адаптивные и парадигмальные паттерны, а также тематические структуры, отражающие базисную регулярность макроистории. Помимо названных паттернов, в развитии макроисторической проблематики находят свое отражение и некоторые другие паттерны.

Таким образом, названные характеристики, демонстрируя качественное своеобразие макроисторического знания, свидетельствуют о содержательности данного ноогенеза и его высоком статусе в освоении мира человеком.

В завершение следует подчеркнуть, что настоящее издание не претендует на конечную трактовку природы генезиса макроисторического знания, представляя собой лишь его «версию». Изложенная версия, следуя общей логике создания гештальтов в процессе освоения изучаемого материала, выступает не иначе как авторским гештальтом, сформировавшимся в ходе целостного осмысления процесса развития знания о макроистории и вполне допускающим иные толкования данного процесса.

*Леонов И.В.
15 октября 2013 г.*

worlds_of_macrohistory@mail.ru

Таблица 1. Адаптивные паттерны макроструктуры

Параметр Сост. адаптации	Время (прошлое-настоящее-будущее)	Пространство	Базисная регулярность (модель, схема, алгоритм)			Смысл	Отношение
Рост адаптивных структур («прогресс») $S \rightleftarrows R$	Акцент на «светлое будущее» 	Расширение пространственных рамок. 	Циклически-волновая модель. 	Спиралевидный цикл. 	Разовый цикл. 	Линейная модель. 	Оптимистичное, творческое отношение к макроструктурной реальности. Стремление к новому.
Равновесие адаптивных структур («стабильность») $S \rightleftarrows R$	Акцент на стабильное настоящее. 	Сохранение пространственных рамок на одном уровне. 					Нейтральное и спокойное отношение к реальности. Консерватизм, традиционализм и сохранение существующего строя.
Снижение адаптивных структур («упадок») $S \rightleftarrows R$	Акцент на «золотой век» прошлого. 	Сужение пространственных рамок. 					Отторжение реальности. Предчувствие конца, разочарование человека в своих силах, апатия.
Переключение («переходность») $S \rightleftarrows R$	Множественность и усложнение трактовок времени.	Множественность и усложнение трактовок пространства.	Множественность и синтез моделей (от усложнения к упрощению) 1. эклектичные; 2. вариативные; 3. ризоматичные; и пр.			Одновременное сосуществование различных смысловых интерпретаций макроистории.	Широкий спектр проявлений отношения к макроструктурной реальности.

Тематическое единство паттернов роста, равновесия, снижения и переключения адаптивных структур

1. Августин. Творения. В 4 т. – Т. 3. О граде Божиим. Книги I-XIII / Сост. и подг. текста к печати С.И. Еремеева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 598 с.
2. Аверинцев С.С. Образ античности. – СПб.: Азбука – классика, 2004. – 477, [2] с. – (Academia).
3. Авеста в русских переводах (1861 – 1996) / Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. – Изд. 2-е, исправл. – СПб.: Журнал “Нева”, Летний Сад, 1998. – 477 с., карта.
4. Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 720 с. – (Культурология XX век).
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). – Т. 2. Теория и методология. Словарь. – 2-е издание, перераб. и дополн. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 594 с.
6. Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. – 1994. – № 4/5. – С. 3-25.
7. Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России: Философский аспект. – М.: ИНИОН, 1992. – 82 с. – (Теория и история культуры).
8. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. – М.: РГГУ, 1995. – 446 с.: ил.
9. Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность // Вопросы философии. – 1969. – № 9. – С. 99-108.
10. Бейтсон Г. Природа и разум. Необходимое единство / Пер. с англ. А.И. Фета. – Новосибирск: Институт семейной терапии, 2005. – 187 с.
11. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша; Вступ. ст. А.М. Этקיнда. – М.: Смысл, 2000. – 476 с.
12. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. – 2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2007. – 360 с.
13. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М.: Искусство: ИЧП «Лига», 1994. – Т. 1. – 541, [1] с. – (Русские философы XX века).
14. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические / В русском переводе с параллельными местами и приложением. – Барнаул: День, 1999. – 1022 с.
15. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка = Apologie pour l'histoire ou Metier d'historien / Пер. Е.М. Лысенко; примеч. А.Я. Гуревича. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 254 с. – (Памятники исторической мысли).
16. Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. А.М. Водена; Сост. Т.А. Фолиева и О.А. Шинкарь. – Волгоград: Независимый научно-исследовательский центр, 2006. – 200 с. – (Игры с классиками).

17. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука / Междунар. ин-т А. Богданова. – М.: Финансы, 2003. – 496 с.: ил.
18. Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер. вступ. ст., примеч. М.С. Бобковой. – М.: Наука, 2000. – 411, [1] с., [1] л. портр.: ил. – (Памятники исторической мысли).
19. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Перевод. – М.: Добросвет, 2000. – 386, [2] с.
20. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. Синергетическая теория глобализации. – СПб.: Политехника, 2004. – 396 с.: ил.
21. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология: Теория самоорганизации индивидуума и социума в свете концепции синергетического историзма. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Политехника, 2002. – 476 с.: ил.
22. Бранский В.П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии / С.-Петерб. акмеол. акад. – СПб.: С.-Петерб. акмеол. акад., 2000. – 106 с.: ил.
23. Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. с фр. В. Колесникова. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
24. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв.: В 3 т. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – Т. 3: Время мира. – М.: Прогресс, 1992. – 680 с.: ил.
25. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV – XVIII вв.: В 3 т. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; Редакция Ю.Н. Афанасьева. – Т. 2: Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.: ил., карт.
26. Буддизм. Четыре благородных истины: [Сборник] / Сост., вступ. ст. и коммент. Я.В. Боцмана. – М.: ЭКСМО; Харьков: Фолио, 2002. – 832 с. – (Антология мысли).
27. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 414, [1] с.
28. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исслед. постиндустр. о-ва. – М.: Логос, 2003. – 355 с.
29. Валлерстайн И. Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы [Электронный ресурс] // Режим доступа. – <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/period/walspace-w.htm> [15.10.2013].
30. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Лань, 1999. – 478, [1] с. – (Мир культуры, истории и философии).
31. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдовой; Предисл. П.П. Гайденко; Коммент. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990. – 804, [1] с. – (Социологическая мысль Запада).
32. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / Предисловие Р.К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с. – (Библиотека истории и культуры).
33. Вертгеймер М. Продуктивное мышление: Пер. с англ. / Общ. ред. С.Ф. Горбова и В.П. Зинченко. Вступ. ст. В.П. Зинченко. – М.: Прогресс, 1987. – 336 с.: ил. 213.
34. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Пер. с итальянского А.А. Губера; Под общ. ред. М.А. Лившица. – Л.: Гослитиздат, 1940. – 619 с.
35. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И.В. Соловьева; Под. ред. Г.Н. Поварова. – М.: Советское радио, 1958. – 216 с.
36. Винер Н. Кибернетика и общество / Перевод с англ. Е.Г. Панфилова; Предисл. и прим. И.Г. Пospelова. – М.: Тайдекс Ко, 2002. – 184 с. – (Устройство мира).
37. Винкельман И.-И. История искусства древности. Малые сочинения / Пер. с нем.; Изд. подгот. И.Е. Бабанов; Гос. Эрмитаж. – СПб.: Алетейя, 2000. – 770, [5] с., [12] л. ил.
38. Винкельман И.-И. Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре = Gedanken uber die Nachahmung ber Griechschen Werke in der Malerei und Bildhauerkunst / Подгот.: И.Н. Кузнецов; Ин-т всеобщ. истории РАН. О-во по изучению XVIII века. – (Ранняя редакция). – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1992. – 49 с.
39. Волновые процессы в общественном развитии / В.В. Василькова, И.П. Яковлев, И.Н. Барыгин и др. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 228 с.
40. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. А.М. Водена. – СПб.: Наука, 1993. – 479 с. – (Слово о сущем).
41. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 703 с.; 1 л. портр. – (Памятники исторической мысли).
42. Гете И.-В. Избранные сочинения по естествознанию / Пер. и коммент. И.И. Канаева; Ред. акад. Е.Н. Павловского. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 556 с.
43. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. – М.: Территория будущего, 2007. – 336 с. – (Университетская библиотека Александра Погорельского).
44. Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). – М.: КомКнига, 2005. – 272 с.
45. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. с англ. Под. ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. – М.: Прогресс, 1992. – 619, [1] с.: ил.
46. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 384 с.: ил. – (Библиотека истории и культуры).

47. Гумилев Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории / Послесл. С.Б. Лаврова. – М.: Сварог и К, 1998. – 334, [1] с.: ил.
48. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под. ред. В.С. Жекулина. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 495 с.
49. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий географического общества СССР. – Вып. 15. Этнография. – Л., 1970. – С. 143-157.
50. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: (Exemplar, XIII века). – М.: Искусство, 1989. – 368, [1] с.: ил. – (Эпоха. Быт. Искусство).
51. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
52. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., посл. и коммент. С.А. Вайгачева. – Репринт. изд. – М.: Книга, 1991. – 574 с. – (Историко-литературный архив).
53. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. – 2-е изд., доп. – СПб.: Наука, 2001. – 568 с. – (Классики науки).
54. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
55. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Я.И. Свицкого; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895, [1] с.: ил.
56. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. – М.: Наука, 1994. – 384 с.
57. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / Под ред. В.В. Ильина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 300, [1] с. – (Теоретическая политология: мир России и Россия в мире; Вып. 7).
58. Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах: [Сборник] / Отв. ред. Н.А. Хренов; Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации. – М.: Наука, 2002. – 467 с.: ил.
59. Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера, Р. Олвер и П. Гринфилд; Перевод с англ. М.И. Лисиной. – М.: Педпгогика, 1971. – 392 с., с ил., 2 цв. вкл.
60. Исследования по общей теории систем: [Сборник переводов] / Перевод с англ. и польск. А.М. Микиши, Б.В. Плесского, Г.Л. Смоляна и др.; Общ. ред. и вступ. статья В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – 520 с.
61. История и Математика: Эволюционная историческая макродинамика / Отв. ред. С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 288 с.
62. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. 2-е издание. – СПб.: Петрополис, 2003. – 320 с.
63. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. 2-е издание. – СПб.: Петрополис, 2003. – 368 с.
64. Каган М.С. Историческая типология художественной культуры: (Пять лекций) / Отв. ред. В.А. Конев; Междунар. ин-т «Открытое общество», Самар. фил. – Самара: Междунар. ин-т «Открытое общество», 1996. – 86 с.
65. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: [Избранные статьи]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 384 с.
66. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
67. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
68. Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историсофия проектизма. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 1: Общие проблемы. – 2002. – 903 с., [1] л. портр.
69. Кантор К.М. История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики) / Ин-т пробл. рабочего движения и сравнит. политологии АН СССР. – М.: Наука, 1992. – 149 с.
70. Канун: Альманах / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); Редкол.: акад. Д.С. Лихачев (пред.) и др. – СПб., 1996. – Вып. 2: Полярность в культуре / сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. – 1996. – 429 с.
71. Капра Ф. Наука Леонардо: Мир глазами великого гения / Перев. с англ. А. Никифорова. – М.: София, 2009. – 384 с.
72. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Пер. с англ. под ред. В.Г. Трилиса. – Киев: София; М.: Гелиос, 2002. – 336 с.
73. Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. – М.: Наука, 1986. – 511 с.: ил. – (Наука. Мировоззрение. Жизнь.).
74. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М.: Наука, 1994. – 236 с.: ил. – (Кибернетика – неограниченные возможности и возможности ограничения).
75. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Ин-т философии, Ин-т прикладной математики им М.В. Келдыша Рос. акад. наук. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
76. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с. – (Синергетика: от прошлого к будущему).
77. Кондаков И.В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 159-172.
78. Кондаков И.В. "Смута": эпохи "безвременья" в истории России // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 55-67.
79. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Перевод И.А. Шапиро. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. – 266 с.

80. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения / Вступ. статьи Л.А. Абалкина, Ю.В. Яковца; Отд-ние экономики АН СССР. – М.: Экономика, 1993. – 543 с., портр. – (Экон. наследие).
81. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече 2000; АСТ, 2003. – 512 с.
82. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк / Перевод с английского канд. психол. наук П. Тульвисте; Под редакцией и с предисловием действительного члена АПН СССР А.Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1977. – 262 с.
83. Коффка К. Восприятие: введение в Гештальт-теорию. (Статья). В. Келер. Гештальт-психология (Глава 2 и 3 из книги «Гештальт-психология»). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 69 с.
84. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2001. – 672 с.
85. Кребер А.Л. Избранное: Природа культуры / Пер. с англ. Г.В. Вдовиной. – М.: Росспэн, 2004. – 1008 с. – (Культурология. XX век).
86. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Боги и герои. Троянский цикл / Предисл. Н.К. Тимофеевой. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 320 с.
87. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2003. – 605, [3] с. – (Philosophy).
88. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / Пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. – М.: Академический Проект; Трикта, 2008. – 475 с. – (Философские технологии: философия).
89. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с.: ил. – (Мыслители XX в.).
90. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. – Том 36, март – июль 1918. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – 742 с.; Том 43, март – июнь 1921. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – 562 с.; Том 44, июнь 1921 – март 1922. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – 726 с.
91. Леонтьев К.Н. Поздняя осень России: [Сборник]. – М.: Аграф, 2000. – 334, [1] с.: портр. – (Новая история).
92. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества / РАН. Ин-т рус. лит. – СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. – 158 с.
93. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. – СПб.: Искусство – СПб, 2002. – 765 с.
94. Лотман Ю.М. Семиосфера: [Сборник]. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – 703 с.
95. Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. Н.Я. Рыковой. Общ. ред., предисл. и коммент. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1973. – 440 с., 2 л. ил. и портр., 1 отд. л. карт.
96. Макродинамика: Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / Под. ред. Н.С. Розова / А.А. Изгарская, Н.С. Розов, Ю.Б. Вертгейм и др. – Новосибирск: Наука, 2002. – 468 с. – (Теоретическая история и макросоциология; Вып. 2).
97. Макроэволюция в живой природе и обществе / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
98. Маркарян Э.С. Императивы экологического выживания и наука: поиск новой стратегии. – Пушкино: Научный центр биологических исследований АН СССР, 1989. – 42 с.
99. Маркарян Э.С. Культура как способ социальной самоорганизации. Общая постановка проблемы и ее анализ применительно к НТР / Препринт. – Пушкино: Научный центр биологических исследований АН СССР в Пушкине, 1982. – 20 с.
100. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (Логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
101. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1988. – XVIII, 891 с., факс., 1 л. портр.
102. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 13. – 790 с.
103. Мифы и легенды народов мира. Америка, Австралия и Океания: [Сборник]. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 480 с.
104. Мифы и легенды народов мира. Древний Египет / И.В. Рак; Месопотамия / А.И. Немировский, Л.С. Ильинская. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 432 с.
105. Мифы и легенды народов мира. Древняя Греция / А.И. Немировский. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 496 с.
106. Мифы и легенды народов мира. Япония, Китай, Монголия, Вьетнам: [Сборник]. – М.: Мир книги, Литература, 2006. – 448 с.
107. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер, А.Б. Шевнин, М.Ю. Бродский. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 1536 с.
108. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры: (Синергетика исторического прогресса): Курс лекций. – 2-е изд., доработ. и доп. – М.: Наследие, 1996. – 184 с.
109. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: Истоки. Становления. Перспективы: Очерки междисциплинарной теории прогресса / Рос. открытый ун-т. – М.: Недра, 1991. – 222 с.
110. Назаретян А.П. Универсальная (Большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2(2). – С. 5-24.

111. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М.: ПЕРСЭ, 2001. – 239 с.
112. Наука и ценности. Проблемы интеграции естественнонаучного и социогуманитарного знания / Под. ред. М.С. Кагана, Б.В. Маркова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 184 с. – (Учен. зап. каф. обществ. наук вузов Ленинграда. Филос. и социолог. исслед.: Вып. 26).
113. Научные революции в динамике культуры / В.С. Степин, И.Т. Фролов, В.А. Лекторский и др. – Минск: изд-во «Университетское», 1987. – 384 с. – (Философия и науки в системе культуры / Редкол.: М.А. Ельяшевич и др.).
114. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды. – М.: Наука, 1974. – 538 с.: 1 л. портр.
115. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / Пер. с англ. В.Ф. Постушенко; Под ред. Ю.А. Чизмаджаева. – М.: Мир, 1979. – 512 с.: ил.
116. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий).
117. Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие: [Сборник статей] / Под ред. Г.Г. Малинецкого, С.П. Курдюмова. – М.: Наука, 2002. – 479, [1] с. – (Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения).
118. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. С.Л. Воробьева, А.М. Гелескул и др. – М.: АСТ, 2002. – 509, [3] с. – (Philosophy).
119. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: [сб.: пер. с исп. С.Л. Воробьевой, А.Б. Матвеева]. – М.: АСТ, 2008. – 189, [3] с. – (Философия. Психология).
120. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. – М.: Новый век, 2003. – 276 с.
121. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
122. Петров В.М. Социальная и культурная динамика: быстрое текущие процессы (информационный подход). – СПб.: Алетейя, 2008. – 336 с.
123. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. Перевод. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с.
124. Полибий. Всеобщая история. / Пер. с греч. и комм. Ф.Г. Мищенко. Вступ. статья А.В. Короленкова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. – 576 с.
125. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные труды / Пер. с англ.; Сост., общ. ред. и вступит. статья В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с.
126. Поппер К. Нищета историцизма. – М.: Прогресс VIA, 1993. – 185, [1] с.
127. Пригожин И. Время, хаос, квант: К решению парадоксов времени / Пер. с англ. Ю.А. Данилова; Под ред. В.И. Аршинова. – М.: USSR, Сор., 1994. – 229 с.: ил. – (Синергетика: от прошлого к будущему).
128. Пригожин И.Р., Стенгерс И.Ю. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
129. Природа научного познания: Логико-методологический аспект / В.А. Лекторский, В.С. Степин, В.С. Швырев и др.; Ред. кол. М.А. Ельяшевич и др. – Минск: Изд-во БГУ, 1979. – 272 с. – (Философия и наука в системе культуры).
130. Проблемы методологии постнеклассической науки: Сб. ст. / Отв. ред. Е.А. Мамчур; РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 1992. – 199 с.
131. Проблемы эпохи средневековья: [Сборник] / С.С. Аверинцев, А.В. Ахутин, В.С. Библер и др.; Отв. ред.: Михайлова Т.Б. – М.: Моск. культурол. лицей, 1998. – 183 с. – (Учен. зап. Моск. культурол. лицей № 130; Вып. 3 (№ 1/2 (98)). Сер.: Теория, история и философия культуры).
132. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
133. Ригведа. Мандалы IX – X. / Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова; Отв. ред. П.А. Гринцер. – М.: Наука, 1999. – 559 с. – (Литературные памятники).
134. Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени: Очерки. – Л.: Наука, 1974. – 324 с.: ил.; 6 л. ил.
135. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1: Конструирование прошлого. – 2003. – 632 с.
136. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 2: Образы прошлого. – 2006. – 751 с.
137. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с., 1 ил.
138. Сайко Е.А. Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века: [Монография]. – М.: РАГС, 2004. – 144 с.
139. Сайко Е.А. Образ культуры Серебряного века: культур-диалог, феноменология, риски, эффект напоминания: [Монография]. – М.: Проспект, 2005. – 264 с.
140. Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / Перевод, вступ. статьи Р.А. Гальцевой, И.Б. Роднянской; Примеч. С.С. Аверинцева и др. – М.: Политиздат, 1991. – 365, [1] с.
141. Сен-Симон, Анри. Избранные сочинения: В 2-х т. / Пер. с франц. под ред. и с коммент. Л.С. Цетлина; Вступит. статья В.П. Волгина. – Т. 1-2. – М.-Л.: АН СССР, 1948. – Т. 1. – 468 с.; 1 л. портр.; Т. 2. – 487 с.; 2 л. ил.
142. Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: Прогнозы русских мыслителей. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 180, [1] с.

143. Сидорина Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания. – М.: РГГУ, 2002. – 238, [1] с.
144. Смирнов И.П. Мегаистория: К исторической типологии культуры. – М.: Аграф, 2000. – 544 с.
145. Современные трансформации российской культуры: [Сборник] / отв. ред. И.В. Кондаков; Науч. совет РАН "История мировой культуры". – М.: Наука, 2005. – 751 с. – (Россия на перекрестке культур).
146. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. – М.: Наука, 1997. – 350, [1] с., [1] л. портр.
147. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Изд. подгот. В.В. Сапов. – М.: Наука, 1994. – 560 с., [1] л. портр. – (Социологическое наследие).
148. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с., [13] л. ил. – (Социология: Унив. библиотека).
149. Сорокин П.А. Циклические концепции социально-исторического процесса / Перевод Н.В. Романовского. [Электронный ресурс] // Режим доступа. – <http://libbabr.com/?book=2828> [15.10.2013].
150. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с. – (Мыслители XX века).
151. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. – М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 488 с.
152. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы / Под общ. ред. П.К. Гречко, Е.М. Курмелевой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 440 с.
153. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина. – Минск: Современный литератор, 1998. – 1408 с. – (Классическая философская мысль).
154. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФРАН, 1994. – 274 с.
155. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФРАН, 1996. – 176 с.
156. Сумерки богов: [Сборник] / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм и др.; Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; Перевод. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с. – (Библиотека атеистической литературы).
157. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Избранное. В 2-х тт. – Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина. – Т. I. – Сост., предисл. А.Р. Вяткина. – М.: Наталис, 2006. – 560 с.; Т. II. – М.: Наталис, 2006. – 560 с. – (Восточная коллекция).
158. Тексты по истории социологии XIX – XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. д.ф.н. В.И. Добренев, к.ф.н. Л.П. Беленкова. – М.: Наука, 1994. – 383 с.
159. Тойнби А.Дж. Постижение истории: [Сборник] / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 640 с. – (Библиотека истории и культуры).
160. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. – М.: Республика, 1994. – 432 с. – (Мыслители XX века).
161. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории: Пер. с англ. / Под общ. ред. Г.Г. Малинецкого, А.В. Подлазова, С.А. Боринской. Предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.
162. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. О.Р. Газизова, П.В. Резвых. – М.: Росспэн, 2004. – 959 с. – (Культурология. XX век).
163. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Пер. с англ. – М.: Росспэн, 2004. – 1062 с. – (Культурология. XX век).
164. Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. – М.: Гнозис, 1994. – (Язык. Семиотика. Культура). – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – 1994. – 430 с.
165. Февр Л. Бои за историю = Combate pour l'histoire / Пер. А.А. Бобовича и др.; Ст. А.Я. Гуревича; Коммент. Д.Э. Харитоновича. – М.: Наука, 1991. – 629 с., [1] л. портр. – (Памятники исторической мысли).
166. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова; Общ. ред. И.С. Нарского. – М.: Прогресс, 1986. – 544 с.: ил.
167. Философия и методология истории [Сборник статей] / Общ. ред. и вступ. статья И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – 336 с.
168. Флиер А.Я. Культурогенез в истории культуры // Общественные науки и современность. – 1995. – № 3. – С. 137-148.
169. Флиер А.Я. Теория культуры вместо исторического материализма // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 135-139.
170. Франк С.Л. Крушение кумиров [Электронный ресурс] // Режим доступа. – <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html> [15.10.2013].
171. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр.; Общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 207 с. – (OPERA APARTA; Вып. 1).
172. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступительная статья Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – 405, [1] с.: портр. – (Для научных библиотек).
173. Хакен Г. Синергетика / Пер. в англ. В.И. Емельянова; Под ред. Ю.Л. Климонтовича, С.М. Осовца. – М.: Мир, 1980. – 404 с., ил.
174. Хакен Г. Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Пер. с англ. Ю.А. Данилова; Под ред. Ю.Л. Климонтовича. – М.: Мир, 1985. – 419 с.
175. Хейзинга Й. Homo Ludens (человек играющий) / Пер. с нидерл., прим. В.В. Отиса. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 338 с. – (Психология без границ).

176. Холтон Г. Новый подход к историческому анализу современной физики / XIII Международный конгресс по истории науки СССР. Москва, 18-24 августа 1971. Пленарное заседание. Пер. с англ. – М.: Наука, 1971. – 42 с.
177. Холтон Дж. Тематический анализ науки / Пер. с англ. общ. ред. и послесл. члена-корреспондента АН СССР С.Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – 383 с. – (Логика и методология науки).
178. Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 296 с.
179. Художественная культура в докапиталистических формациях: Структурно-типологическое исследование / Науч. ред. М.С. Каган; Ленингр. гос. ун-т им А.А. Жданова. – Л.: ЛГУ, 1984. – 304 с.
180. Художественная культура в капиталистическом обществе: Структурно-типологическое исследование / Науч. ред. М.С. Каган; Б.М. Бернштейн, А.П. Валицкая, Н.В. Григорьев; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л.: ЛГУ, 1986. – 288 с.
181. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия / Сост., вступ. ст. и коммент. Л.В. Голованова. – М.: Мысль, 1995. – 766, [1] с.: ил., портр.
182. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное / Переводы, послесл. А. Меня. – М.: Прометей, 1993. – 511, [1] с.
183. Шевченко В.Н. Диалектика единства и многообразия исторического процесса. – М.: Знание, 1985. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Серия. “Философия”; №11).
184. Шевченко В.Н. Социально-философский анализ развития общества: [Монография]. – М.: Высш. шк., 1984. – 128 с.
185. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006. – 800 с. – (Антология мысли).
186. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Перев. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 91, [2] с.
187. Эко У. Vertigo. Круговорот образов, понятий и предметов: Пер. с итал. – М.: Слово, 2009. – 408 с.
188. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / Пер. с фр.; Науч. ред. В.П. Калыгин, И.И. Шептунова. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.
189. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / Предисл. А.В. Брушлинского; пер. с нем. А.М. Боковой. – 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. – 336 с. – (Библиотека зарубежной психологии).
190. Юнг К.Г. Психика: структура и динамика / К.Г. Юнг; Пер. А.А. Спектор; Науч. ред. пер. М.В. Марищук. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. – 416 с.
191. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Междунар. ин-т П. Сорокина – Н. Кондратьева. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Экономика, 2003. – 411, [1] с. – (Российская социально-экономическая мысль).
192. Яковец Ю.В. Ритмы смены цивилизаций и исторические судьбы России / Научный доклад к VI международной дискуссии, Москва, 15-16 марта 1994 г. – М.: Институт экономики РАН, 1994. – 151 с.
193. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М.: Наука, 1999. – 447, [1] с.: ил.
194. Ясперс К. Смысл и назначение истории: [Сборник] / Пер. с нем.; Вступ. ст. П.П. Гайденко; Коммент. В.Н. Катасонова. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527, [1] с. – (Мыслители XX века).
195. Benedict R. Patterns of culture. – Boston: Houghton Mifflin company, 1959. – 300 p.
196. Dictionary of philosophy and psychology including many of the principal conceptions of ethics, logic, aesthetics, philosophy of religion, mental, pathology, anthropology, biology, neurology, physiology, economics, political and social philosophy, philology, physical science, and education and giving a terminology in English, French, German, and Italian / Written by many hands and edited by James Mark Baldwin with the cooperation and assistance of an international board of consulting editors. Vol. I. – New York: The Macmillan company; London: Macmillan and co., limited, 1901. – XXIV, 644 p.
197. Giese F. Psychologisches Wörterbuch. – Leipzig; Berlin: Teubner, 1921. – [4], 170 s. – (Teubners kleine Fachwörterbücher, 7).
198. Grinin L. Macrohistory and Globalization. – Volgograd: Uchitel, 2011. – 320 p.
199. Holton G. The Advancement of science, and its burdens: with a new introduction. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1998. – 352 p.
200. Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions / With the assistance of Wayne Untereiner and appendices by Alfred G. Meyer. – Cambridge, Massachusetts: Published by the museum of American archeology and ethnology, 1952. – VIII, 223 p. – (Papers of the Peabody museum of American archeology and ethnology, Harvard university. – vol. XLVII – NO. 1).

Научное издание

Леонов Иван Владимирович

«МИРЫ» МАКРОИСТОРИИ: ИДЕИ, ПАТТЕРНЫ, ГЕШТАЛТЫ

Монография

ЦНИТ «Астерион»

Заказ № 225. Подписано в печать 10.11.2013 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84¹/₁₆. Объем 13,125 п. л. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100).
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92
E-mail: asterion@asterion.ru